

ТОМ 1

РЕЗИДЕНТ

НИКИТА КИРОВ

Никита Киров

Резидент

<https://litres.ru/74066046>

SelfPub; 2026

Аннотация

Я был секретным агентом и погиб во время тайной операции. Но моя душа очнулась в чужом теле
Не-не-не, подобное вы уже читали.
В этот раз будет иначе.

Шёл я по своим делам, и тут как кирпичом по голове – душа только что убитого супер-шпиона захотела вселиться в моё тело, чтобы продолжать свои тёмные делишки. Нет уж, это тело моё!

Неудавшийся попаданец исчез навсегда, а мне достались его навыки, спрятанное бабло и понимание, что именно он хотел устроить в моём городе.

И теперь мне нужно разрушить тайную сеть шпионов и предателей, пока замысел врага не воплотился в жизнь и не вылететь из универа из-за долгов по прошлой сессии.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	23
Глава 3	39
Глава 4	54
Глава 5	70
Глава 6	86
Глава 7	102
Глава 8	117
Глава 9	133
Глава 10	150
Глава 11	167
Глава 12	184
Глава 13	204
Глава 14	223
Глава 15	234
Конец ознакомительного фрагмента.	235

Никита Киров

Резидент

Глава 1

Я стал грушей.

Для битья.

Против меня стокилограммовый увалень, а я парень ростом в метр восемьдесят восемь и весом в семьдесят кило.

— Трудности закаляют, — объявил тренер Руслан Маратович. — Давай ещё раунд, без соплей.

Мой соперник, этот шкаф, которого все прозвали Толик-Анаболик, на каждый спарринг выходил как на соревнование. Он такой здоровый, что ему даже не надо выискивать бреши в моей защите.

Он бил прямо по этой защите. Одно попадание сушило мне руки, и они опускались, а один пинок в бедро сушил ногу, и я терял скорость.

Шансов победить было мало, но я всё равно приходил на секцию. Это лучше, чем делать, как остальные мои знакомые, кто в свои двадцать уже спился.

— Тебе не всё в жизни на халяву будет, — продолжал тренер. — А то привыкнешь, что тебе всё даром дают.

— Я халявы в жизни не жду, — я с трудом поднял отсу-

шенные ударами руки.

И завтра приду, хотя тренер снова поставит меня против Толика в спарринге. Ведь, во-первых, я не вырубался от одной плюхи, как некоторые, а во-вторых, не боялся и стоял столько, сколько нужно.

— Давай, Вадик! — кричал кто-то из парней.

— А вам чего, заняться нечем? — рявкнул Руслан Маратович.

А ведь все в выигрыше. Мне эти занятия доставались бесплатно, тренер получал партнёра для своего тяжеловеса Толика, ведь все остальные пацаны отказывались от спаррингов с ним, ну а Толику просто нравилось бить людей.

— Вы все детдомовские такие, — пробурчал тренер. — Благодарности не дождёшься. И сюда ходишь на халяву. Вот и помогай товарищам готовиться.

— На халяву я только получаю по морде.

Все засмеялись, а я изловчился и ударил Толика в нос, а то он забыл про защиту. Пошла кровь. Его лицо изменилось, стало злым, и я увидел, как его кулак в перчатке летит в мою сторону...

— Живой? — спросил кто-то заботливым голосом. — На.

— Сладкое не люблю, — сказал я, увидев, что это мороженое.

— К голове приложи. Чего ты сюда ходишь постоянно? Раз так бьют.

— Больше секций с кикбоксингом в городе нет.

Для меня нет, это только здесь я мог заниматься кикбоксингом бесплатно по социалке, а тренер из-за этого негодовал. Хотя, казалось бы, какая ему разница? И не только я хожу бесплатно. Но именно я чем-то ему насолил.

Голова кружилась, но я чувствовал, что скоро восстановлюсь.

Ну а рядом со мной села Наташа. Она тоже ходила в этот зал, но занималась одна. Это достаточно высокая блондинка, при этом крепкая. Молотила грушу руками и ногами так, что все пацаны, глядевшие на её отличную фигуру, в этот момент терялись и не рисковали к ней подходить.

Кто-то даже рассказывал, что не так давно вечером её караулил грабитель у зала, а она сломала ему челюсть и вывихнула плечо.

Сейчас же девушка сидела рядом в своём спортивном топе и шортах и протягивала мне мороженое. Я приложил его к горячей скуле. Ледяное.

— Растает, — я усмехнулся. — У меня всё лицо горит.

— Вадим, тебя так покалечат, — с укоризной сказала Наташа.

— А ты видала, как я ему в нос попал? В прошлый раз тоже попал, а один раз дыхалку ему выбил. Вот тренер тогда орал на него, что пропустил.

— Упрямый ты, — пробурчала она, вставая.

— А я знаю.

Она ушла, я посмотрел ей вслед. А ничего она, кстати.

Занятие закончилось, я помылся в душе, посмотрел на свою рожу в зеркало. Опять менты останоят. У них будто в голове, когда они меня видят, срабатывает система оповещения. Наверняка у всех там уже какой-нибудь ментовский ИИ стоит, который им говорит: «Детдомовский, надо проверить, вдруг чего-нибудь украл». И проверяют. Даже участковый почти каждый день ходит.

Но мне надо готовиться, ведь скоро пересдача, а препода меня не любит. Ещё и пара завтра у него, опять спросит.

* * *

Проснувшись утром на диване, я потянулся и достал телефон, лежащий на полу. Приложение с музыкой тут же запустило песню.

Все мои ровесники поглядывают на меня в этот момент, чуть ли не крутя пальцем у виска. Но такие песни любил слушать батя.

Из динамика телефона донёсся хрип и голос Юрия Хоя из группы «Сектор Газа», что играла задолго до моего рождения:

— Наплевать на ураган,
Наплевать на злой туман,
Но я приду, ведь ты моя судьба!

Слушал тихо, в отличие от соседей, живущих сверху, ко-

которые угомонились только часов в шесть утра, они-то музыку слушают на всю катушку.

Я знал их всех, ведь мы выпускались из детдома одновременно, и мы все получили квартиры в этом подъезде.

Но те свои забросили, жили в одной плотной коммуной, бухали круглыми сутками, а соседи от них вешались и засыпали жалобами всех. По этим жалобам приходил участковый, который докапывался до всех, и до меня тоже.

Ну а я же держался от них подальше, не хотел бухать с ними целыми днями. А они думают, что я зазнался.

Собрался быстро, двинулся на пары.

— Давайте хоть дверь подержу, — предложил я, увидев соседскую бабушку с тележкой, с которой она пыталась захватить в подъезд. — Потому что помочь занести сумку вы не дадите.

Бабка злобно на меня посмотрела и демонстративно проверила замок на сумке, а после направилась к лифту.

Ну а вдруг я её гречку украду?

В институт я приехал рано. Даша, моя одноклассница, ещё не пришла. Но завязывать с ней надо, это точно.

Поначалу думал, что у нас с ней романтика, какие-то отношения, даже в кафе звал, подкопив денег. Но после этого услышал, как она пересказывает мои слова подругам, как анекдот, и они весело смеялись.

А она ещё как ни в чём не бывало говорит: «Вадик, а что здесь такого?». Её это забавляло.

Вот только не знаю, как порвать. Как вообще люди это делают?

Даша пришла, демонстративно прошла мимо парты, за которой я сидел один, улыбнувшись, но не мне, а в мою сторону, и села рядом с подругами. У нас технический железнодорожный ВУЗ, и девушек на нашей специальности учится мало, вот они и кучковались рядом.

Тут же раздался девичий смех, но он стих, когда вошёл преподаватель Игорь Семёнович. Мужик в очках и пуловере, под которым носил мятую белую рубашку, оглядел нас.

— Ну что. Вы пришли, и я пришёл. И никуда я не денусь, к сожалению для нас всех. Так, у нас семинар? Ну, Вадим, давайте начнём с вас.

В аудитории раздался смех, ведь каждое занятие начиналось с меня.

— Вот, предположим, Вадим, — Игорь Семёнович со смехом посмотрел на меня, — произойдёт чудо и вы получите диплом. Вас возьмут в депо, вы пройдёте мимо состава, а там...

Ну здравствуйте, опять он за своё.

— Игорь Семёныч, — прервал я, — произойдёт чудо, если вы зададите вопрос напрямую, без намёков, что завалите меня на пересдаче.

Снова раздался смешок.

— Я, Вадим, — проговорил препод, — за деньги, за которые вы даже не почешетесь, объясняю вам сложные вещи

и хочу научить хоть чему-то. Хорошо. Задам вопрос на этой самой пересдаче. Сколько раз вы уже ходили ко мне?

— Сколько нужно, столько и буду ходить, — пообещал я.

— А для затравки... подумайте. Стоит электровоз «Ермак», и у него заклинило третью колёсную пару, и образовался ползун четыре миллиметра. С какой скоростью допускается...

Чем я насолил препода, я даже не знал, но вопросыки он задавал каверзные, на которые даже отличники не всегда знали ответ.

А я всё равно ходил. Не дождётесь, чтобы я бросил.

* * *

После пары пошёл на остановку. По пути за мной увязался Лёша, мой одноклассник, тощий парняга в очках.

— По электромашинам сделал РГР? — допытывался он, плотно завязав шарф.

— Да ещё не брался, — я отмахнулся и поправил вязаную шапку.

— Надо бы. Ещё же расчёт тягового делать, — грустно сказал Лёша и очень быстро затараторил: — А вчера новый варбонд в хелдайверс вышел, его фармил...

— Блин, Лёша. У меня компа-то нет, я ни слова не понимаю. А был бы, я бы на нём задания делал, а не играл...

Мы дошли до остановки маршрутки. Я шёл по вытопанной тропинке, Лёша как танк пёр прямо в снегу.

— А надо бы, там в паре можно...

Он вдруг осёкся, ведь к остановке подъехал внедорожник БМВ, чёрный и тонированный. Окно открылось, оттуда высунулось небритое лицо водителя в тёмных очках. Лёша побледнел.

— Лёха, вот и ты, — проговорил водитель и снял очки, недобро глядя на него. — Садись, подвезём.

В машине сидело ещё двое его друзей.

— Да я сам дойду, — робко сказал Лёша.

— Да поговорить с тобой надо за твой базар...

— Мага, — я вышел вперёд и сказал просто: — Чё ты его достаёшь?

— С тобой, Вадя, брат, у нас тёрок нет, — проговорил немного смутившийся Магомед. — А вот он...

— Лучше не надо, — только и произнёс я, сжимая кулаки в карманах куртки.

Он посмотрел мне в глаза, о чём-то раздумывая. На первом курсе у нас было весело. Мага крепкий, здоровый, ещё и в областном турнире по ММА выступает, медали зарабатывает. Он тогда думал, что легко меня сломает.

Пытался долго, но так и не смог.

— Ладно, брат, бывай, удачи, — проговорил он.

БМВ уехал, а Лёша с опаской смотрел машине вслед.

— Чё ты их боишься? — спросил я. — Полезет — дай ему в рожу. Ко мне тогда лезли, я вот так сделал. Силу покажешь — уважать начнут.

— Ты ему тогда сдачу дал, а потом в больницу попал, —

пробурчал Лёша. — Они на тебя тогда втроём напали, у тебя сотрясение было.

— А потом выписался и опять дал. Потом ещё. И он ко мне больше не лезет.

Парень неодобрительно посмотрел на меня. Он-то бы наверняка написал заявление, но я ментам верю так себе, и даже то, что мой отец был ментом, ничего не меняло. Да и рос я в других условиях, где справляться с такими проблемами мог только сам...

Доехал быстро, вылез как раз напротив серой двухэтажки, где располагалась секция по кикбоксингу. Сейчас тренер скрипнет зубами от досады, что я пришёл, и поставит против Толика.

Но зато я здесь учусь, познакомился много с кем, и меня там ждали. Это лучше, чем бухать, как остальные.

Под ногами скользко, ещё кто-то поставил тут чёрный «Мерс» и микроавтобус городских энергосетей. Ни пройти, ни проехать.

Я обошёл это всё и прошёл к крыльцу по льду, но услышал звон за своей спиной, а следом отборный мат. Поднял глаза наверх и увидел, что на вершину столба забрался усатый монтер, это он и матерился.

— Весна пришла, грачи прилетели, — заметил я с лёгкой усмешкой. — А они ещё, оказывается, певчие птицы.

— Парень, — прохрипел мужик. — Мне при такой температуре вообще запрещено работать на высоте. А тут про-

вод оборвало, ремонтирую!

— Вы один?

— Так напарнику живот прихватило, мать его! И я тут один повис, япона мать. Без инструмента!

— Обесточили хоть, провод-то этот? — спросил я и увидел под столбом сумку с инструментами. Она и звякнула, когда упала. — Наверх не залезу, но могу забросить. Поймаете?

— Ну, кидай! Да уже починил. Тут другой лопнуть может, вот только увидел, от мороза. Надо его заделать, а то упадёт и поджарит кого-нибудь! Вон тот ключ. Слева!

А мог бы слезть и взять сам. Но мужик работал на морозе, я в своём китайском пуховике замёрз, а ему там ещё хуже. Для нас старается, мы же здесь ходим.

Первые две попытки были неудачными, но третья увенчалась успехом, и он поймал нужный ключ.

— Спасибо, парень, — усатый тут же потеплел. — Хоть один выручил, япона мать. А то все мимо идут. Как зовут?

— Вадик.

— А я Кирилл Андреич! Давай, Вадик, хоть кофе тебе куплю, там есть... нет, стой. Вот этот, сука такая, тоже оборвётся, — посетовал он. — Ща погрею руки, и его надо...

А вот дальше началось что-то совсем не то.

Я увидел двоих ментов, одетых в зимнее. В своих бушлатах эти пэпсы шли, как два колобка. Но я думал, что они идут ко мне, тем более, моя рожа после вчерашнего спарринга выглядела так себе.

Вот только они прошли мимо, направляясь к какому-то мужику в чёрном пальто, что стоял неподалёку.

И как он не мёрзнет?

Хотя мне он тоже не понравился. Вид у него какой-то не такой, рожа слишком не славянская. Мужчина лет сорока с лёгкой щетиной на лице стоял рядом с «Мерсом» и говорил по телефону.

— Документики! — потребовал у него старший мент.

— Господа, — мужик убрал телефон. — Я не очень понимаю, с чем это связано.

— Документики! — повторил мент и выдохнул облако пара.

— Одну минуточку...

Это не менты. Я их навидался. У этих взгляд какой-то не такой. Слишком пронизательный даже для ментов.

— Япона мать, хрен погреюсь, — проговорил монтер сверху. — Надо звонить, чтобы обесточили и этот, или... у тебя есть телефон, Вадик?

И тут...

Мужик в пальто протянул паспорт в синей корочке, но оба мента схватили его за руки. Вот только мужик вывернулся, одним ударом опрокинул одного мента и ловкой подсечкой сбил с ног второго.

— ФСБ! — раздался крик где-то рядом. — Стоять!

Мент достал пистолет, но мужик в пальто выбил его одним пинком, а после побежал, ловко перескочив через капот

«Мерса».

— Ох, ёпа мать! — выругался монтёр, наблюдая за этим.

Мужик в пальто рванул в одну сторону, но там на его пути выскочил чёрный микроавтобус, откуда высыпали мужики в масках и с автоматами.

Рванул в другую, но и там его ждали. Он огляделся... и побежал ко мне, на ходу доставая что-то из кармана.

— Не дёргайся! — бросил он.

Взгляд у него какой-то бешеный. Затравленный.

Как у той собаки. Мы тогда кормили одну, таскали из столовой объедки. А она напала потом на меня, и мне долго кололи уколы от бешенства. Не в живот, в живот уже не ставят, но всё равно было неприятно.

Но тот её странный взгляд, смесь страха и безумной злости, запомнился навсегда.

И этот такой же.

— Не дёргайся, пацан! — велел мужик, наставляя на меня пистолет. — У меня заложник! Всем отойти.

Он тяжело дышал, а схватил меня крепко. Пальцы как железные.

— Ты чё усложняешь всё? — рывкнул на него кто-то и крепко сматерился. — Тебя за такое на двадцатку посадят! И не обменяют! Отпусти пацана, дебил!

Мужик пытался закрыться мной. Он боялся и пытался взяться за всё, лишь бы убежать. Дойдёт со мной до клуба, там бросит и побежит через те коридорчики. Другого плана

тут быть не может.

Он и тянул меня туда, пока фейсы матерились, наставляя на нас автоматы.

Но так меня тянуть? Не того ты взял.

Я поднял правую ногу в потасканной зимней кроссовке и с силой её опустил на ботинок мужика в пальто. На самый кончик, где у него были пальцы.

Он дёрнулся, я ударил ещё и начал вырываться.

Бах! Это раздалось прямо под ухом, оглушило. Этот гад стрельнул в кого-то. В ухе раздался сильный звон.

— Ниже! — орал кто-то. — Ниже пригнись, пацан!

Я пытался вывернуться, но мужик был крайне силён. Ещё сильнее, чем Толик.

— Осторожно! — заорали откуда-то сверху, а следом слышался мат. — Япона мать! Лопнул...

— Уходим!

А потом... раздался громкий хлопок, как выстрел, но не такой громкий. И я увидел искры и оказавшийся рядом оборванный провод. И по снегу, как змеи, пошли белые дуги.

И мир вокруг померк.

* * *

Я увидел странный город, на реке. Старинные каменные дворцы, а я стоял у открытого окна, держа в руках стакан виски со льдом.

— Флоренция прекрасна в это время года, — произнёс незнакомый голос.

А ко мне вдруг подошла брюнетка в красном платье, и это самое платье она начала снимать...

Куда всё делось? На самом интересном месте.

Вместо этого я бежал по улицам, за спиной были слышны полицейские сирены. Потом я сидел в казино и играл на огромные суммы, потом пробирался в охраняемое здание, обходя системы безопасности...

Это не моя жизнь. Чужая.

Долгая жизнь объездившего весь свет человека, который под её конец чувствовал звериный страх.

Он хотел сбежать любой ценой и передать кому-то какие-то данные.

Данные о Периметре.

Что это?

Эта мысль билась сильнее всего. И она будто душила меня. Он хотел уйти, пожертвовав мной и кем угодно, кто попадётся на пути.

А теперь душил меня, чтобы я ему не помешал. Не меня, а мою душу.

Сейчас я видел свою жизнь. У меня она не такая богатая. Помню, как ездили с батей на рыбалку, как он слушал «Сектор Газа», а потом помню кладбище и его похороны.

От него осталась только полицейская фуражка с кокардой, часы и ножик. Говорил, что быстро съездит в командировку на Кавказ, но оттуда вернулся только гроб.

Дальше я вспоминал, как переехал к бабушке в деревню,

где ездил на велосипеде и много работал на огороде. Гонял коров и бросал собаке палку, купался в речке и дрался на дискотеке с деревенскими.

Потом похороны бабушки и детдом. Другие родственники братья меня отказались. Зато сейчас звонят — квартира же появилась.

Звонят пару раз в неделю стабильно, будто я богатый дед, который вот-вот окочурится, и квартирка достанется кому-то одному. Хотят её сдавать, а меня переселить в общагу...

Моя жизнь не такая яркая. Но это моя жизнь. Моя!

И этот козёл хочет взять её себе. Чтобы уйти любой ценой и передать данные о каком-то Периметре!

И он меня вытеснял. Из моего же тела. Будто хотел попасть в него, а я мешал.

Нет! Не выйдет!

Я сопротивлялся, ещё яростнее, чем когда на меня напал Толик, чем когда били в детдоме и в школе. Сопротивлялся сильнее, потому что если проиграю в этот раз, то исчезну навсегда.

Это будет хуже смерти. Тело останется, а в нём будет жить он, этот мужик, побывавший везде. Какой-то шпион...

Я чувствовал, как его душа была рядом, замещала всё собой. Я её почувствовал и сдавил. Так сильно, что она...

— Вадик! — кто-то похлопал меня по щекам. — Говорю, живой же. Пацан, ты в рубашке родился. Диэлектрической.

Тебя чё, в детстве в трансформаторном масле крестили? Вот ты везунчик.

— Как он выжил? — раздался другой голос.

— Наверное, что из-за мороза наст сковало. Или кроссовки помогли, подошва-то резиновая.

— Ты мне не рассказывай. Не бывает так.

— Так сам видишь!

Я открыл глаза. Я сидел на заднем сиденье машины, чёрного «Форда», с открытой дверью. Передо мной стоял тот усатый электрик, а рядом с ним мужик лет сорока, но уже поседевший. Это он был с этими фейсами, что бегали с автоматами.

А тот мужик в пальто?

Кто-то грузил в другую машину тело, накрытое простыней. И оттуда торчали голые чёрные ноги. И чёрные они от того, что их зажарило.

Меня аж замутило, но я сдержался.

— Везунчик ты, Вадик, — электрик сунул мне в руку горячий картонный стаканчик с кофе.

Я отпил немного. Сахара много, не люблю.

— Кто это был? — только и спросил я.

— Много хочешь знать, — проговорил седеющий мужик.

Так, взгляд внимательный, он меня срисовал. Глаза красные, у него недосып. Мешки под глазами. Нет обручального кольца. Это же майор Холодов из Первой службы ФСБ...

Ну здравствуйте. А откуда я это знаю?

Да выдумал, наверное. После удара током чего только в башку не лезет?

— В больницу тебе надо, — сказал монтёр. — На всякий случай провериться.

— Да всё хорошо, — пробормотал я.

Меня осмотрела скорая, но врач ничего не нашла. Вскоре они уехали, поругавшись о чём-то с фейсами.

— Он ничего тебе не сунул? — строго спросил сидящий майор.

— А я откуда знаю? Он в меня стволом тыкал, пальнул ещё куда-то. В ухе всё-то звенит.

Холодов, или кто это там, потерял ко мне интерес, и другие тоже. Только электрик, Кирилл Андреич, всё хотел довести меня до дома.

— Я в секцию лучше зайду, — проговорил я. — А то выгонят потом.

Странно себя чувствовал. Возможно, надо было полежать, но никакой слабости не было. Просто будто спал слишком долго.

В раздевалке на меня тут же накинулись парни с вопросами — что там было и в кого стреляли, ведь в окно было не видно, а выходить запретили, пока не увезли труп.

— Террорист какой-то?

— Кто стрелял?

— А тебя чё, держали?

— Я-то откуда знаю? — я пожал плечами. — Иду себе,

а тут какой-то конь в пальто. Побежал ко мне, а там провод оторвался, и его как...

— Вадик, — в раздевалку зашёл тренер Руслан Маратович. — Скоро соревнования, а раз ты пришёл, окажи любезность. Помоги.

— Толику не с кем тренироваться? — догадался я.

— Пару раундов. Всё равно тебе самому надо учиться. Трудности характер закаляют.

— Мне-то не рассказывайте.

Он что-то пробурчал и ушёл. Я спокойно переоделся, не чувствуя каких-то перемен, заодно осмотрел себя. Ожогов нет, всё как было всегда, ничего не поменялось.

Наверное, пока этот шпион горел, меня вырубило. Может, он мне по башке дал, вот и привиделось. Хотя, конечно, опасно идти с таким против Толика, но...

А как ещё? Не сдался тому, не сдался и этому. Поэтому пошёл в зал.

Парни уже были там, а поодаль стояла Наташа. Она только что пришла и не успела переодеться в спортивное. Смотрела на меня.

Но больше всех мне был рад Толик-Анаболик. На его широкой морде была видна довольная улыбка.

— В полсилы, — объявил он.

Но я знал, что он ударит в полную. Толик всегда так говорит, а потом бьёт, как кувалдой.

Я встал в защитную стойку, и он сразу пошёл вперёд, как

бык.

И я понял, откуда будет удар. Как он двигает корпусом, вкладывая в плюху весь свой вес.

Почему я не видел этого раньше?

Его перчатка медленно приближалась ко мне. Но я легко уклонился, пнул его лоу-киком в бедро, добавил двоечку в корпус, а пока он пытался понять, что произошло, я добавил ему прямой правый в лицо.

Хотел добавить локтем и коленом, но у нас не тайский бокс. И откуда бы я его знал?

Толик обозлился и ударил изо всех сил. Его кулак снова пролетел рядом с моей головой.

Но я уклонился в очередной раз. Офигеть, как так вышло? Но на рефлексе ударил сам.

И из носа Толика снова побежала кровь, как вчера. Он коснулся носа своей перчаткой, посмотрел на красные пятна и уставился на меня с ненавистью.

Всё это произошло за несколько секунд.

Я чёт не понял. Это он так тормозит, или я так быстро двигаюсь?

— Ну ты попал, — пообещал Толик. — Я тебе...

Он кинулся на меня, скрипя зубами от злости...

Глава 2

У Толика-Анаболика был большой вес, мощные удары, много силы, а ещё больше злости, особенно когда он получал по морде. А у меня, оказывается, всё это время был высокий рост и длинные руки с ногами.

И почему я раньше не пользовался этим преимуществом? Всегда ждал, когда он подойдёт и будет бить. Надо было навязывать ему дистанцию, а не торговать лицом и поддаваться его напору.

Он и сейчас пытался задавить, рвался в бой и в клинч. Я уходил в сторону и выводил его из себя быстрыми лоу-киками — пинками по бедру. То левой, то правой.

Может, удары и не сильные, но зато звук был, как шлепок мокрым полотенцем. Один, второй, третий. Чем их больше, тем хуже для него. С каждым ударом его боль становится сильнее.

— Чё ты там сиськи мнёшь, Толя?! — взревел тренер Руслан Маратович. — Дави его! Он легче килограмм на тридцать!

— И вы его ставите против тяжеловеса, — расслышал я голос Наташи, наблюдавшей за боем.

— Трудности закаляют! — недовольно прохрипел тренер.

— Так и есть, — невозмутимо сказала она и сложила руки на груди. — Вот они и настали.

— Вадя, давай! — кричал кто-то из пацанов.

Тыц! Ещё удар по ноге, и Толик стал заметно медленнее. Он пытался идти в клинч, но я не давался. Всё хотел пнуть меня по ноге сам, но я встречал его прямым ударом правой руки в лицо, и он шатался.

Или я сам пинал его в корпус, и один раз Толя грохнулся так, что пол затрясся. Он устал и плыл.

— Ты попал, — пробурчал Толик и несколько раз шмыгнул покрасневшим носом.

— Прямо в яблочко попал, — с усмешкой сказал я. — Вставай. Давай ещё раунд. Я только разогрелся.

Он попытался напасть ещё, но только получил. Очень хотелось дать ему хай-киком по башке, но у меня растяжки раньше не хватало, можно оплошать и попасться.

Но и так неплохо выходило.

Не зря, значит, всё это было. Прокачался, как сказал бы Лёша. Но до этого дня получал я много. Просто надо было дистанцией пользоваться, высокий же.

Хотя будто было что-то ещё. Что-то другое. Будто я не только дрался в секции, а до этого в школе и в деревне, а где-то ещё, будто обучался чему-то такому.

Но когда бы? Не бывает же, как в том фильме: «Я знаю кунг-фу». Хотя было странное ощущение, что знаю.

— Вадя, ты топ! — подбадривали меня парни, наблюдавшие за схваткой. — Ничё ты его уделал! Вообще лютый! Имба! В одну калитку разделал!

— Да ну вас, — обиделся Толик, вытер нос предплечьем и похромал в раздевалку.

— Ты чё устроил? — накинулся на меня тренер. — У него соревнования скоро, а ты ему всю рожу разрисовал.

Ну здравствуйте. И воспитанник обиженка, и тренер не в адеквате.

— Руслан Маратович, — произнёс я с усмешкой. — Если мне нельзя бить вашего чемпиона, вы бы мне тогда руки связали. Или подвесили бы, как грушу. Правда, на соревнованиях этого бы не поняли. Там тоже в ответ по морде дать могут.

Он смотрел злобно, вдвойне злясь от того, что я прав. Сам же выставил меня против бугая, и сам учил, что поражения надо принимать достойно.

Просто ему обидно, что победил именно я.

— Вы чё встали? — рявкнул Руслан Маратович на остальных, отходя от меня. — За работу!

Он пошёл в раздевалку орать на Толика. Окружающие встали вокруг, похлопывали меня по плечам и поздравляли, искренне радуясь. А многим же приятно посмотреть, как человек даёт сдачи, особенно тот, кто до этого постоянно получал.

Подошла и Наташа, очень внимательно глядя на меня.

— Неплохая техника, — отметила она. — Ты ещё на карате ходил? Раньше я этого не замечала.

— Фильмы с отцом в детстве смотрел, — пошутил я. —

С Брюсом Ли.

Один парень, слышавший это, удивился и полез гуглить в телефоне, кто это такой. Но вернувшийся тренер сорвался на него, он эти гаджеты не любил.

— А ты отличаешь стили на глаз? — спросил я у девушки.

— Немного, — Наташа улыбнулась краешком губы. — Хорошо вышло, Вадим. Не зря так старался. Выждал нужный момент и навязал свою дистанцию. Отлично. Но в следующий раз будет сложнее, он подготовится.

— Если он решится. А ты чего сегодня не тренируешься? — я оглядел её, потому что она была не в спортивном.

— Работы много. Приду завтра. Зашла ненадолго, абонемент продлить.

Хм... а ведь Наташа часто подходила посмотреть, когда я спарринговался. Это не значит ничего, ведь многие любят смотреть, как другие дерутся, но это определённо можно использовать, чтобы завязать контакт...

К чему я это? Даже не понял. Какой контакт?

Хотя понял, что она не смотрит на меня, как некоторые. Некоторые пялятся, как на уличного пса зимой, которого жалко, но который может укусить.

Странно. Только сейчас это заметил и подумал об этом.

Потренировался дальше, устроил пару спаррингов с парнями, но по лёгкой. То ли опыта набрался, то ли чего, но видел не хуже тренера, кто и как двигался, и в чём были их ошибки.

Мокрый от пота, направился в душ. Уже после него, когда проходил мимо зеркала в фойе, подумал, что надо бы подправить внешний вид. А то всё какое-то мешковатое и старое.

На улице уже темно, зима же. Снаружи ничего не напоминало о том, что случилось днём. Это в кино обводят труп, и потом висит жёлтая лента, а тут сделали снимки, увезли тело, и всё. Только оплавленный снег остался там, где он лежал.

А кем этот мужик был? Его ловили фейсы, значит, это какой-то агент или террорист. Вооружённый был. Хорошо ещё, что это он сгорел под напряжением, а не какой-нибудь прохожий. Да и я сам-то чудом выжил.

— До завтра, Толя! — я помахал рукой, увидев, как Толик идёт, согнув голову. — У тебя же соревнования скоро, надо готовиться, братан!

Он опустил голову и ускорил шаг. Обиделся. Но тренер всё равно загонит его в спарринг. Будут готовить реванш.

Ну а я пошёл на остановку. Жрать охота, а дома только дошик, причём самая дешёвая версия, какую только нашёл в магазине. Взял бы чего-нибудь другое, да вот готовить не умею совсем.

Когда говорят, что многие детдомовские не умеют варить, это нифига не анекдот. Помню только, как батя пытался меня учить, а бабушка готовила сама. Ну а в детдоме приносили всё готовое.

Сам я мог сварить только пельмени, но они вечно слипа-

лись, или заварить дошик, остальное как-то не выходило. Даже яйца не получилось сварить или пожарить, хоть с таймером сидел, но всё равно как-то не так.

Но сегодня захотелось попробовать чего-то другого.

* * *

Зашёл в супермаркет у дома. Денег мало, до стипендии ещё долго, а из-за хвостов по сессии некогда было заниматься подработкой. Но несколько сотен на счёте завалилось, на ужин хватит.

Взгляд почему-то упал на креветки, но их я сейчас не потяну. Взял другое. Неожиданно для себя, я купил лимон, минералку и яйца, причём самые дорогие, а не те, что брал обычно.

Ещё взял свежий батон из местной пекарни в магазине, ещё хрустящий, и головку чеснока. Увидел зелень в пакетике в овощном отделе, взял и её тоже.

Ещё выбрал зелёный горошек в банке и маленькую пачку сливочного масла, причём выбирал его долго, просто глядя на состав. Ещё дольше выбирал чай и выбрал совсем неизвестную мне марку, но она мне приглянулась чем-то.

Просто прочитал и в голове будто щёлкнуло: «Нормально, пойдёт». Будто разобрался и знал, что именно взять.

И странное дело, читал состав очень быстро. Не то, чтобы я раньше читал по слогам, но сейчас быстро всё оглядел и будто бы даже понял всё, что там написано.

Типа как скорочтение, как говорил Лёша, вроде раньше

так учили. Сейчас не учат, нейросетки есть, которые всё перескажут.

Да. Интересно девки пляшут, по четыре штуки в ряд, как говорил отец. Правда, сейчас так фиг кому скажешь, не так поймут. При Даше тогда сказал, она потом обиделась.

Пока покупал, ещё и скидки считал, студент же всё-таки. Причём в магазине хитрые ценники, где цена указана за 100 грамм, а в упаковке больше. Раньше на этом постоянно обжигался, но сейчас вышло всё прикинуть в уме.

С покупками пошёл на кассу. Но в отражении витрины холодильника я вдруг заметил знакомый силуэт и сразу его узнал. Ага, меня увидел, и решил снова докопаться, как любишь.

Я сделал вид, что не замечаю его, но резко развернулся, когда он был рядом.

— Григорий Анатольевич, здравствуйте! — приветливо улыбаясь, произнёс я.

Участковый Пахомов вздрогнул от неожиданности и нахмурился. Знает, что я от ментов шарахаюсь, и ещё больше докапывается. Думает ведь, что я что-то сделал.

Вот и сейчас ему явно от меня что-то надо.

— Вадим Лебедев, — протянул Пахомов, разглядывая меня подслеповатыми глазами. — Я к тебе сегодня заходил.

Но как я понял, что это он? По отражению? Я же лица там не видел. Ещё одна странность, и их становится всё больше.

— А я учусь и хожу на секцию, — сказал я. — Ходил бы

и на работу, да пока некогда. Днём дома не нахожусь. А какие-то вопросы ко мне?

— Есть один, — он откашлялся и ненадолго задумался.

— Мне, Вадим Александрович, поступила жалоба от твоих соседей по подъезду. Что ты в ночное время слушаешь музыку.

— Это я слушаю музыку? — спросил я.

— Что источник шума в твоей квартире. А ещё у бабки Никитиной на первом этаже пропал...

— Погодите с ней, — перебил я.

Он удивился. Я тоже.

Это всё ещё я? Увидел себя в отражении холодильной витрины за спиной участкового. Стою прямо, не горблюсь, взгляд открытый. Я и раньше робким не был, но всё же будто ждал удара отовсюду, и закрывался.

А сейчас... Но это же я. Просто... будто что-то изменилось. Вернее — добавилось.

— Что там слушали, Григорий Анатольевич? — спросил я. — Рэп, опять, матерный? Я не слушаю рэп.

— Ну когда бухаете... — начал он.

Я показал ему корзину с покупками.

— Я не пью уже давно и не курю. Хожу на учёбу и питаюсь правильно, смотрите. Спортом занимаюсь. Я даже вкус пива забыл.

— А кто тогда слушал? — спросил участковый, испытующе взглянув на меня.

— Это же ваша работа выяснять, товарищ лейтенант, — я глянул на его погоны. — Я громко не слушаю, у меня и техники для этого нет. А если слушаю, то на телефоне, негромко. И «Сектор Газа», а не всё это новомодное. Я где живу, там не гажу, и народу жить не мешаю. С детства так приучили.

Он это знает. Возможно, Пахомов хочет, чтобы я сдал других, но не дождётся.

С другой стороны, с этой музыкой соседи и правда обнаглели. Несколько раз им говорил, они обижались, но на какое-то время этого хватало, и музыку не врубали. Потом опять по новой. Лишний раз заходить не хотелось, эти пьяные разговоры за жизнь давно достали, но проблему решить надо.

Участковый посмотрел на меня внимательнее и переложил корзинку со своими покупками в другую руку.

— Слушай, Вадим, — устало сказал Пахомов. — Мне пришла заяву, я отрабатываю. У вас там постоянно...

— У меня?

— Я образно.

— Но про меня?

— Слушай, — проговорил он уже недовольно. — Ты вроде парень нормальный, но компашка эта ваша детдомовская... ну честно, каждый день одно и то же. У меня будто другой работы нет, хожу каждый день в ваш подъезд. Не в обиду тебе сказано, но с такими соседями жить тяжело. Постоянно то драка, то вороват...

В голове вдруг пронеслась мысль, как его на этом проучить, чтобы никогда ко мне не лез. Да и вообще, чтобы его сняли. Он участковый, найти следы его злоупотреблений будет легко...

И даже странно, ведь я никогда не думал о таких вещах в этом ключе.

Уверен, будь на моём месте тот мужик, который сегодня наставлял на меня пушку, он бы так и поступил. Нашёл бы повод и избавился бы от Пахомова.

Но я его оглядел внимательнее, подмечая мелкие детали. Красные от недосыпа глаза, испачканные в синей пасте пальцы, которую никак не удавалось оттереть, а в красной корзине для продуктов лежали творог в бумажной упаковке, макароны, хлеб, пакет с помидорами и сметана.

Сам он выбирал шоколадное печенье для сына и дочки, разглядывая только ценники со скидкой. Зашёл в магаз с работы, снова задержавшись там, но по пути домой в очередной раз зайдёт к нам в подъезд.

— Давайте так, — прервал я. — Когда будут в следующий раз громко врубать, я с ними поговорю, чтобы завязывали. Меня и самого достали. Но и вы тогда ко мне не приходите, когда бабка Никитина опять свой кошелёк в комнате теряет, или кто-нибудь из магазина что-то свистнет. Знаете же, что не ворую. И операм скажите, что я чист. Каждый день одно и то же.

Я и сам удивился, когда это сказал. Но он и правда посто-

янно ходит ко мне и достаёт. Не только он, другие тоже. Я уже всех оперов уголовного розыска в лицо знаю.

Если что-то пропадёт у соседей, так я один из первых кандидатов на разговор, будто не в детдоме был, а в колонии три срока мотал за воровство.

— Ну... — участковый задумался. — Если хотя бы музыку перестанут слушать...

— Вот и договорились, — сказал я. — А то в следующий раз начнём по уму делать, с понятиями, протоколами. Есть же у вас звукоизмерительный прибор, чтобы децибелы узнать?

— Лебедев, харэ, — он отмахнулся.

— А что харэ? Меня тоже достало быть в каждой бочке затычкой.

Пахомов устало выдохнул, я пошёл на кассу, а он остался выбирать картошку.

Уже расплатившись, на улице, я остановился обдумать всё это.

С полицией у меня всегда были особые отношения. Не то чтобы я их боялся, но всегда опасался. Ходи я к психологу, тот бы начесал про травмы детства и прочее, мол, опасаясь их из-за отца, раз он был ментом, или ещё какую-нибудь хренотень придумал.

Но детство научило, что ментам верить нельзя. Ведь они не верят тебе, ты для них потенциальный преступник. И если у них нет повода для задержания, то они всегда думают, что плохо искали этот повод.

И поэтому говорить с ними мне всегда было неудобно, они постоянно сбивали меня с мысли, и мне было сложно находить слова, и они напирала больше, думая, что я что-то скрываю. А сейчас было иначе.

Странно это всё. Но это же я... просто будто научился чему-то. Видеть возможности. Что в драке, что в разговоре.

После магазина направился домой. Шумных соседей ещё нет, поговорю с ними, когда явятся и начнут шуметь, это будет к полуночи.

А пока же хотел перекусить. Выложил все покупки на стол, он у меня дешёвый, исцарапанный. Сразу помыл его, взял китайский кухонный нож с рукояткой, заклеенной изолентой, наточил на бруске, проверил, как режет.

Обычно получалось так себе. А тут уже стало острее.

После приступил к готовке. Достал никогда не используемый заварник, ведь всегда покупал самый дешёвый чай в пакетиках, отмыл чайник, нашёл маленькую кастрюльку в шкафу, которой тоже никогда не пользовался.

— Не сжечь бы ничего, — пробормотал я, глядя на газовую плиту.

И что приготовить? Простую яичницу? В прошлый раз соседи пожарных вызвали.

Но в голове всплыл другой рецепт, его я и начал делать.

Бросил в сковороду кусочек сливочного масла, туда же раздавленный ножом зубчик чеснока и веточку зелени. Обжарил в этом масле кусочки порезанного батона до золоти-

стого цвета.

А дальше началась магия. Про яйцо-пашот я слышал, но у меня даже обычные не получалось сварить, постоянно лопались. Но сейчас... вскипятил воду в ковшике, перемешал и разбил туда яйцо, пока вода крутилась.

Оно тут же схватилось, но через три минуты примерно я его снял и выложил на поджаренный хлеб, пока оно ещё дрожало. А зелёный горошек я прогрел на той же сковороде в чесночном масле. Всё это засыпал мелко порезанной зеленью.

А минералку налил в высокий стакан и забросил туда кусочек лимона.

И вот, сижу на табуретке из давно закрытой Икеи, за столом, который старше меня раза в два, а в старой тарелке с цветочками, стоящей передо мной, был красиво разложен ужин.

Как в ресторане.

Разрезал яйцо, и оттуда выбежал желток. Я всё съел, орудуя вилкой и ножом.

Нифига себе.

Вкусно. Правда, я не наелся, поэтому пришлось повторить. Вышло ещё лучше.

Это я всегда так готовить умел? Просто не пытался?

Всё страннее и страннее. В голове снова всплыло то, что произошло днём. Не перестрелка, а после, те мысли, будто я мог умереть, а кто-то хотел занять моё место и забрать тело.

И я будто его раздавил, выгнал из головы, но что-то осталось.

Всплыло и то наваждение с Флоренцией. А ничего такая брюнеточка была. Но она наверняка привиделась, когда упал тот провод. А то постоянно хожу на секцию, получаю по голове, вот и мысли идут странные.

А как ещё? Я за пределы области никогда не выезжал, ни разу не был во Флоренции, и точно не стоял у окна внутри Палаццо Веккьо...

Чего?!

Я аж вздрогнул. Где бы я это услышал? Потянулся к телефону, своему старому андроиду с треснутым экраном, и ввёл в поиск.

Палаццо Веккьо, дворец во Флоренции, похожий на средневековый замок. Посмотрел несколько снимков, и внутри тоже. Снимки улицы именно с того ракурса нет, но другие... а это уже похоже на то, что я видел.

Нихрена не понимаю. Я что-то помню от того человека, который меня схватил? Тогда почему больше не помню ничего, кроме смутных обрывков?

Вот бы вспомнить, где у него деньги лежат, хе!

Но шутки шутками. Я всё ещё я, тут ничего не поменялось. Но будто что-то добавилось. Какие-то привычки новые, которые я то и дело порывался сделать.

Вот, например, скоро спать, а я открыл окно, чтобы проветрить, хотя раньше никогда так не делал. Но стало свежее. Я огляделся. Квартира-то хорошая, я никогда на неё не жа-

ловался, но не помешало бы сделать лёгкий ремонт. Да и убраться бы. Чисто, но творческий беспорядок разросся. На стол, где у меня лежат чертежи, даже смотреть страшно.

Я сел на диван. Неудобный он для сна, надо бы нормальную кровать, в мою однушку влезет нормальная, с хорошим матрасом.

Понял!

Просто увидел сегодня всю жизнь перед глазами и задумался, вот и решил что-то менять, причём всё. Даже одежду стоит взять другую.

Возможно, так оно и есть. А эти странные мысли — просто последствия всего этого. Может, видосик какой-нибудь смотрел, вот и вспомнилось. Сколько я их пересмотрел, тупо листая один за другим, и память так сыграла странно.

Хотя, конечно, с дракой вышло лучше, чем можно было ожидать. Намного лучше. И готовка получилась. Может, что-то ещё выйдет?

Уснул я быстро. И мне приснился странный сон.

* * *

— Предлагаешь ехать в Россию? — спросил я.

Сидящий передо мной седой мужик с бородкой усмехнулся. Взгляд очень хитрый.

— Лучше тебя никто не справится, Туман...

Но он говорил не Туман, а Mist. Мы вообще говорили по-английски. Но я его не знал, в школе был трояк, и то потому, что училка жалела. И в институте едва натянули «Удов.».

А тут понимал всё, но язык вдруг сменился.

— Ты отлично говоришь по-русски, — продолжил мужик с бородкой, уже на русском. — Жил там много лет, везде сойдёшь за своего.

— С тобой, Ланге, я больше не хочу работать, — сказал я уже на русском. — Отправь своего Зеро, он справится не хуже.

— С этим справишься только ты. Потому что...

* * *

Сон резко пропал, потому что сверху я слышал басы и громкий рёв песни. Опять свой рэп врубил.

— Девочки надели свой лучший look,
чтобы выделяться на фоне подруг.
Девочки смущаются, стоят в углу...

Я поднял голову с подушки и посмотрел время на телефоне. Так, точно, мои соседи уже проснулись и снова бухают, хотя уже час ночи. Ну а я же собирался с ними поговорить, чтобы завязывали мешать спать каждый день.

Оделся и пошёл наверх разбираться.

Глава 3

Я поднялся этажом выше и подошёл к двери.

Как они это слушают? Русский рэп продолжал орать на всю катушку:

— Go hard, quick fck, мамі замолчи
Это kamasutra flow я их научил

Поёжился. Ничего себе, устроили они тут культурную программу. Ещё бы шансон слушали. Хотя, учитывая, что там сейчас поют, лучше не стоит.

Дверь — самая дешёвая, из тех, что вскрываются консервным ножом, ещё от застройщика. Но у меня такая же стоит, новую менять слишком дорого. Кнопка звонка давно раздолбана и сломана. Лестничная площадка завалена окурками, хотя, обычно, курили прямо там, в квартире.

Постучал кулаком три раза, пару раз пнул. Хорошо, что надел кроссовки.

Дверь открылась, выглянул Стас. Ему девятнадцать, но спяну выглядит на тридцатку из-за щетины, помятого лица и заметных мешков под глазами. Я сам-то худой, но этот совсем болезненно тощий.

На костлявом плече видна какая-то пацанская татуировка, сделанная за пузырь не очень умелым мастером.

— О, Вадик, — он сощурил глаза. — А я думал — зазнался, не заходишь.

— Я зазнался? — спросил я. — Не, ребята, я бы с вами потусил, да вы вот офигели. Врубаете своё музло посреди ночи. Пора ваш ночной клуб закрывать.

— Чё? — протянул Стас, тараща глаза с непониманием. Друзьями мы с ним не были, просто койки в детдоме стояли рядом. Он меня даже бить пытался, когда я только к ним попал, да особо не вышло, я уже тогда показывал свой упрямый нрав. Ну а вообще, друзей там я не завёл.

— Сворачиваемся, говорю.

Я прошёл в квартиру, отодвинув его в сторону, и он с удивлением отошёл.

Так, кто здесь самый крутой? Ну, вообще, с нашего выпуска самым крутым был Глеб, но он в СИЗО и скоро уедет на зону — грабанул магазин на первом этаже месяц назад.

И кто-то явно занял его место, кто-то чужой. С ним и надо разобраться, остальные тогда притихнут, спорить не будут.

Все собрались в комнате, куда притащили стол из кухни. Из мебели только дешёвые стулья и диван, остальное всё продали. А в стороне на табуретке стояла портативная колонка с bluetooth, очень громкая. Ещё и аккумулятором, чтобы можно было носить её с собой и доставать всех не только дома.

Стол заставлен тарелками с плохо порезанными помидорками, варёной в мундире картошкой, шпротами, подсохшим

хлебом, банками с дешёвым паштетом и выпивкой. Водки и пива было больше всего. Окурки крошили куда придётся. Была сахарница, один из наших постоянно ел сахар ложкой.

Так себе сочетается с роскошной жизнью, о которой пелось, вернее нылось этим гундосым голосом в пацанском рэпе, который они слушали.

Это квартира Стаса, и наших уже стало мало, зато появились какие-то мутные типы, которых я видел впервые. Мутные в том смысле, что постоянно что-то мутят, даже вид такой, что оценивают, что украсть и кого обмануть.

Были и девчонки, уже пьяные, некоторые из старой детдомовской компашке. Юлька, так вообще в большой, не по размеру, серой футболке, и больше на ней одежды не было. Её лапал какой-то тощий гопник. Но она настолько пьяная, что вообще не соображает.

Невольно вспомнилась та брюнетка в красном платье из Флоренции. Только кто она была, и была ли она вообще? Чужая это память или глюк, я даже не знал.

А пока же подошёл к колонке и вырубил. Наступила блаженная тишина, но в комнате тут же раздался возмущённый гул.

— Ты чё, Вадик, опух? — недовольно спросил белобрысый Васька, ещё один из наших, отлипая от незнакомой девчонки.

— А вы не охренели, слушать эту хрень ночью на полную громкость? — я посмотрел на него. — Ты сам опух, Васёк,

вон, морда вся надулась. Давайте-ка завязывать. Всё, по домам. Ночной клуб закрыт.

С нашими-то бы я договорился, но здесь было посторонние. Но я сразу выделил одного: мужик уже за тридцать, коротко стриженный под машинку, с лысиной на макушке и щетиной на подбородке, в красном спортивном костюме.

Почему-то казалось, что если разобраться с ним, остальные не полезут. Ну, в целом, я это и так знал, да вот сейчас думал именно об этом, как это сделать лучше.

Пару раз его видел во дворе с пацанами, но не знакомился. Явно пришёл втравливать наших в какую-нибудь схему, а пока же корчит из себя крутого.

Ладно, посмотрим. Дело даже не в том, что они слушают музыку. Разобраться надо с этим типом, уйдёт он, остальные станут шёлковыми. Конечно, жизнь тут у всех сразу не наладится, зато не будет кадра, который всё портит.

— А ты кто такой, пацанчик? — мужик крутил в правой руке чётки.

На тыльной стороне ладони виден след татуировки. Понтов много, но вряд ли что-то из себя представляет. Тем более, татуировка не тюремная, модная.

— А я тебе не пацанчик, — отрезал я. — Ты кто такой вообще?

— Это Жора Питерский, — влез Васёк. — Его тут все знают. И картошку сварил, — хвастливо добавил он.

— Я такого не знаю, — сказал я. — И что, большой чело-

век? Хотя картошку варить вроде бы умеет, значит, и правда крутой.

Кто-то засмеялся тонким бляющим смехом, но Жора бросил на него злобный взгляд, и тот заткнулся. А после главарь этого квартирного масштаба. Ниже ростом почти на голову, но его это не смущало. Взгляд пьяный, но дерзкий.

Хочет внезапно ударить.

— Короче, — Жора прикурил сигаретку, — пояснить надо пацанам, чё ты кайф всем обломил. Правильный, типа, или чё?

— Ты откуда такой вылез? — спросил я, разглядывая, в какой позе он стоит. — Что тебе пояснять надо? Вы музло врубил, отдыхать мешаете. Вот и заканчиваем. Валите уже. Клуб закрыт, сторож пришёл.

— Я чё-то не понял...

— Оно и видно, — сказал я. — Ты вообще, Гоша, сообщаем не очень быстро, я смотрю.

Кто-то снова захихикал. А Жора очень хотел меня ударить, видно по нему, в какую позу он встал. Я ещё днём начал такое подмечать.

И что у него заткнуто за джинсами сзади? И что в самом кармане? Он как раз убрал туда руку.

— Ты чё, — Жора обозлился, — попутал, пацан? Я тебе...

— Ты, Гоша, на словах дерзкий, — сказал я, отмечая его реакцию. — А так только варежку раскрыл. Прикрой, муха залетит.

Снова смешок. А он злился, что может потерять авторитет из-за шуток и смешков, и решил вернуть его силой, прилюдно наказав меня.

Он подошёл ещё ближе, затянулся, явно пытаюсь выдохнуть дым мне в лицо, но встал так, будто хотел с размаху ударить правой.

Колхозным ударом, как такое называли у нас в секции, Толик обожал такие. Выдохнуть дым он мне в лицо не смог, потому что я пихнул его в живот, и дым вышел изо рта раньше времени, а Жора закашлялся.

— Ах ты...

Он широко развернулся и ударил, но удар прошёл мимо, потому что замах был виден почти за секунду. Но Жора потерял равновесие, как я и ожидал. Так что я взял его за правую руку и вывернул.

На пол грохнулся китайский кастет с алиэкспресса.

— Ой, ***! — матом и очень тонко взревел он.

Но я его держал крепко, приёмом, который применил впервые в жизни.

Кто-то из гопников вскочил, зато я понял, что у Жоры заткнуто за пояс джинсов сзади. Там был ствол, он-то и торчал. Травмат, видно, которым он явно понтуется.

— Вали отсюда, Гоша, — сказал я и с силой пихнул его на диван, но ствол перед этим забрал. — И вы тоже.

Нажал на кнопку, и магазин выпал, но я его подхватил прямо в воздухе. А затвор оттянул назад. Патрон с резиновой

пулей выскочил, вот только я его поймал.

Охренеть. Это я сделал? Как вообще?! Я пистолет-то впервые в жизни в руках держу, даже травмат.

Жора, морщась и держась за правое плечо, двинул на выход, задев стол бедром, его компашка двигалась следом. А я положил ствол на стол и взял картошку.

Остыла уже. Но хотя бы картошку в мундире варить умеет. Хоть какая-то польза, пацаны-то и это не умеют.

— А ты куда? — я посмотрел на Стаса, стоявшего в дверях. — Твоя же квартира.

— Да я просто, — неуверенно сказал он и вернулся на место.

— И что ему от вас надо было? — спросил я.

— Да работу предлагал, — промычал Васька.

Остались только Стас с Васькой, и Юлька, потому что была настолько пьяной, что никуда уйти не могла. Зато убежала Галька.

Это не все наши, некоторые не пришли. А жаль, сразу бы всем всё и сказал, что накопилось.

В прихожке застрял Игорь, толстоватый парень лет двадцати пяти из соседнего двора. Он не из наших, но ходил к нам бухать с первых дней, как нас сюда поселили.

Вечно занимал денег. Ну, раз уж всё так пошло, чего бы не использовать это? Куй железо, как говорится.

— Когда штуку вернёшь? — спросил я, глядя на него. — Уже год мне её торчишь.

— Как деньги будут, — проговорил он на автомате.

— За год у тебя не нашлось тысячи рублей? Отдавай уже!

Игорь полез в карман, нашёл пятисотенную купюру и несколько смятых сотенных. Всё это положил на стол и с испуганным видом ушёл.

Ну и дела. Много чего изменилось.

Ну а мы остались наедине, только наши. Я оглядел их. Да, соседи беспокойные. Я-то из этого болота хотел вырваться, а они в нём тонули и тянули других.

— Вот из-за этого Жоры вы сядете, пацаны, — сказал я. — Знаю я таких Жор. Чего он, думаете, сюда пришёл? Картошку вам варить? Знает, что детдомовские, вот и пользуется. Впарит какую-нибудь шнягу, и потом ни при делах.

— А чё делать-то? — спросил Васька со злобой. — Хоть какую-то движуху предлагал.

— Что делать? Уберитесь здесь для начала, — я показал на стол. — А то срач такой. И бухать завязывайте, хватит уже. И Юльку уже спать уложите, — я показал на неё, — едва сидит. Ещё раз включите — приду.

* * *

Вернулся домой, но перед этим выбрался на улицу. Возникло чувство, что травмат может пригодиться, я спрятал его отдельно от патронов в подвале, который у нас был открыт. А то дома хранить нельзя, менты же ходят. Найдут, вопросы будут.

Но чувство, что пригодится даже травмат, меня не отпус-

кало.

А когда зашёл домой, я удивился сам себе.

Я так не поступал никогда.

Вернее, я раньше хотел так поступить. Прийти, прогнать всю эту шваль нахрен отсюда, чтобы не крутились рядом, и вправить мозги оставшимся. Хотел, да не знал как.

Зато наконец-то была тишина, и я спокойно уснул.

Снилась мне Флоренция, этот дворец, похожий на замок, и множество картин, висящих в его залах. И женщины, их было много. Неплохие сны.

Это точно связано с тем мужиком. Что-то от него передалось мне, но сам он проиграл, а я остался. Такая мысль возникла у меня, когда я просыпался ночью.

* * *

Утром мало того, что проснулся рано, до будильника, так ещё и помыл лицо ледяной водой. Выспался, ведь сверху больше никто не мешал, и хорошо отдохнул.

Подумал, что денег мало, а до стипендии и пенсии за отца ещё долго. Конечно, то, что варить получается, это уже неплохо, а то покупать дошик выходит накладно, ну а макароны у меня раньше постоянно разваривались.

Только где бы взять ещё баблишка? Висит же ещё старый кредит с парой просрочек, и скоро платёж, и надо ещё много чего брать, а то одежда старая, застиранная, и на весну нет ничего.

Раньше как-то не думал об этом, ведь раз в год мне на

это выдавали определённую сумму, половину из которой я тратил совсем на другое. Нет, тут надо самому заработать, а не тянуть выплаты.

Трат мне предстоит много, но я отложил одну сотку, хотя никогда раньше таким не занимался. У меня вечно уходили все деньги, что попадали в руку. Или проедал, или куда-нибудь тратил.

Но девятьсот или тысяча — большой разницы для жизни нет, а сотку можно отложить на всякий случай. Пригодится потом.

Приготовил омлет из трёх яиц, причём не просто разбил и перемешал яйца, а ещё пару раз перевернул его прямо на сковородке и сложил вдвое. А в телефоне задорно пел Юрий Хой:

— Эй, гуляй мужик, пропивай что есть...

Позавтракал. Удивительно, но обычный омлет с зеленью может быть таким вкусным. В этот раз уже даже не удивлялся, что всё вышло с первого раза. Офигеешь столько удивляться.

Обычно, я торопился в институт, и никогда толком не мог собраться, но сейчас действовал увереннее, собирался не торопясь, но времени всё равно оставалось много.

Закинул вчерашние вещи в стирку, залез в шкаф. Половину можно выбросить, слишком мешковатое или застиран-

ное. С остальным начал возиться, отбирая всё по внешнему виду, чтобы идеально сидело, выглядело прилично и хорошо пахло.

А то ходил непонятно как, но сейчас о внешнем виде задумался.

Нашёл чёрную водолазку с высоким воротником, которую никогда не носил после покупки, но она хорошо сидела по фигуре. Ещё джинсы были по мне, не протёртые, и нашёл толстовку без принта. Тщательно оттер зимние кроссовки старой зубной щёткой, а то были грязные. А то на улице снег, засыпанный солью, и обувь покрылась этой кашей. Раньше было пофиг, а сейчас зацепился взглядом.

Ещё и уют достал, которым никогда не пользовался до этого, так и стоял в коробке с тех пор, как его выдали при заселении.

Нашёл бадины часы в шкафу. Никогда их не носил, но эти Casio с металлическим браслетом уверенно смотрятся везде, при любом костюме. Надел на левую руку и отрегулировал браслет.

Ещё нашёл его ножик, он покупал его при жизни, и нож достался мне. Фирма А, как он говорил, складной, с круглым отверстием у обуха, за которое его можно открыть, и значком паука. Я им карандаши точил, но надо его подправить, а то затупился совсем.

Ещё и волосы расчесал иначе, не оставил растрёпанные. А эти волоски под носом и на подбородке я сбрил, причём

перед этим распарил кожу горячим полотенцем.

Пуховик у меня только один, есть пальто, которое мне подходило лучше, но в нём ещё холодно. Не стал надевать шарф, почему-то подумал, что им могут задушить в уличной драке. Вот и водолазку надел поэтому.

В зеркале я уже выглядел иначе. Ещё и стоял прямо, совсем другой вид.

Надо бы ещё чего-нибудь взять, не обязательно дорогое. Свежее бельё ещё надо купить, и вещи разные, ведь на кошельке должны быть ещё... мысль тут же оборвалась. На каком кошельке? И где он?

Это чужая память?

Встреча с тем мужиком точно прошла не зря. Его нет, но что-то точно передалось мне.

* * *

По дороге как раз встретил двух ментов-ППСников, но никто из них на меня даже не взглянул. Хотя, казалось бы, ничего не поменялось, просто я держался чуть иначе.

И они прошли мимо.

На самом деле, это всё я обдумывал. Даже подмывало кому-нибудь рассказать, что из-за вчерашнего случая со мной начали изменения, что чужие обрывки воспоминаний на меня влияли, но не меняли до конца.

Но, конечно, рассказывать никому об этом не буду, да и некому особо.

На первом этаже увидел трёх наших девушек из группы,

включая Дашу. Каких-то чувств к ней не осталось, а у неё ко мне их и не было. Для неё это была развлекуха, не считала кем-то серьёзным.

Её было весело, она со смехом рассказывала подругам обо мне и моих привычках, вообще непонятных тем, кто рос с родителями. Потом говорила «а что в этом такого?» или «ты милый, но...» и прочую дребедень, и писала кому-нибудь другому из группы.

Короче, раньше я выглядел как диковатый домашний зверёк, которого можно было к себе поманить улыбкой или взглядом, когда был нужен, зная, что я не выдержу и всё равно подойду, и она нехотя позволит постоять рядом.

В некоторых случаях моё упорство и настойчивость были вредны мне самому, как с ней.

Не, хватит этого. Раз уж меняем жизнь, то меняем всё.

Даша увидела меня и призывно улыбнулась, думая, что я подойду. Наверное, хочет, чтобы я за неё какую-нибудь работу по учёбе сделал.

Я прошёл мимо.

— Привет, — бросил я ей на ходу и подошёл к стоящей в сторонке рыжей Маше. — Маша, сможешь мне начертить РГР? У тебя хорошо получается, а я зашился, не успеваю. Пересдача же ещё.

— Я? — она удивилась, глядя на меня так, будто не узнавала, и поправила причёску. — Ну, не знаю, Вадим...

— У тебя хорошо выходит и быстро, — настаивал я и до-

стал из кармана купленную по дороге шоколадку. — Выручи, пожалуйста, Маша, — протянул сладость ей.

В зеркало видно, как Даша с удивлением смотрит то на меня, то на подруг, то в зеркало на себя.

— Ладно, Вадим, — Маша улыбнулась и снова посмотрела на меня, будто увидела впервые. — Конечно, помогу. Вечером сделаю, завтра принесу. Напиши только вечером, какой вариант. Номер мой вот, — она продиктовала.

— Договорились. Ты лучше всех!

Я отошёл от неё и пошёл в аудиторию.

В зеркало видно, как Даша начала кому-то писать сообщение, но удалила, и снова посмотрела на своё отражение, потом осталась стоять с удивлённым видом.

В аудиторию, сел на своё место, положил телефон перед собой. Тоже сменить надо, тормозит уже вовсю. Тем более, иногда нет звука, когда приходят СМС-ки.

Но сейчас вся техника такая. Раз уронил, пайка внутри треснет, и всё, хана.

Едва включил экран, как он завибрировал.

Ну здравствуйте. «Сумма платежа 5123 рубля, внести до завтрашнего дня».

Долбанный кредит. Хитрый банк считает его не по календарной дате, а за тридцать дней, и поэтому дата плавает. А из денег есть только то, что я забрал из выбитого долга, за минусом шоколадки для Маши и отложенной сотки.

Но мысль на этот счёт была, будто что-то копошилось в

памяти. Надо будет проверить вечером, подумать получше. Но сейчас надо заниматься другим — препод Кашин Игорь Сергеевич уже входил в кабинет.

— Ну что, Вадим, — он посмотрел на меня. — Готовы поднимать родные железные дороги?

— Лишь бы не упали потом снова, — сказал я, и в аудитории засмеялись. — А то мы их каждое занятие поднимаем, а они падают.

— Вы сегодня шутите. А я тоже пошучу, если никто не против. Так будет веселее.

Ну а я уже приготовился отбиваться от его очередных нападков. Сейчас как начнёт наваливать. А пересдача же ещё скоро, на ней придётся серьёзно биться.

Глава 4

— Всё это нужно знать наизусть, — сказал Игорь Семёнович, ходя по кабинету.

Пол под его ногами скрипел.

— Так я и знаю, — расслабленно сказал я.

— Вы столько ко мне ходите, Вадим, что уже наверняка всё запомнили.

— Многое.

Я бросил последний взгляд в тетрадку. На самом деле, как запомнить столько цифр? Вот у того мужика, который на меня кидался и сгорел, наверняка была фотографическая память, а у меня ничего подобного нет.

Вообще, порой выходил из дома с мыслью, а не забыл ли я выключить плитку и закрыть ли дверь. Сегодня только было спокойно, точно помнил, как провернулся ключ.

— Высота автосцепки СА-3 у локомотива? — спросил Игорь Семёнович, подходя к стоящей в углу кафедре.

На ней уже стоял его старенький ноутбук, который он собирался подключить к проектору.

— Тысяча восемьдесят миллиметров, — не думая сказал я.

— А минимальная высота?

— Девятьсот восемьдесят.

— Выход штока тормозного цилиндра на ВЛ-85? Нижний

и верхний предел?

— Семьдесят пять — сто.

Но когда я это вспоминал, у меня возникло странное ощущение. Будто я смотрел прямо в свои записи и видел эти цифры. Вот глаза закрой — и будто видишь свою тетрадку вживую.

Цифры не забылись, как обычно. Я их помнил. Вернее, будто читал их из памяти, не глядя туда.

— Как проверить, что она исправна? — он вытянул из стойки кабель. — Ручками, без шаблона.

— Ну, в горизонтальной плоскости должна отклоняться руками. Можно нажать на замок и сразу отпустить, тогда он...

Меня так и подмывало посмотреть вниз, где у меня всё было записано. Но я знал, что он следит. Да и я будто помнил всё.

— Неужели ты всё выучил, Вадим, — препод усмехнулся, когда я закончил отвечать.

— А в чём проблема, чтобы я выучил? — спросил я, глядя на него. — Не способен?

— Дело не в этом, — он не отвёл взгляд. — Просто хотел убедиться, что вы не воспринимаете мир так, будто он тебе постоянно должен что-то дать.

— Обязательно даст. А потом догонит и ещё раз даст, — произнёс я с усмешкой.

В аудитории засмеялись. Препод посмотрел на меня вни-

мательнее.

— Ладно. Когда будем в моей аудитории, покажешь на живой автосцепке, чтобы я видел, что понимаешь. Давай к вчерашней задаче, с «Ермаком». Где заклинило колёсную пару, и образовался ползун четыре миллиметра. Что будем с этим делать?

Вчера я не ответил, вернее, затупил, а Кашин сразу бракует такой ответ, если замяться в начале.

— Отключить тяговый двигатель этой колёсной пары, гнать локомотив в депо со скоростью не выше десяти километров в час, — сказал я, когда меня подмывало опустить глаза и подсмотреть, — где колёсную пару обточат. Или заменят.

— А почему вообще железные дороги, Вадим? — спросил Игорь Семёнович. — Тянет к поездам?

Вот такие вопросы я не любил. Вообще, я просто подал документы во все вузы города, где проходил по минимальному баллу, и не стремился идти именно в гуманитарные.

Здесь откликнулись раньше. Да и устроиться на работу проще.

Но некоторым надо было услышать про призвание, особенно тем, кто раньше работал на железной дороге. У нас много таких преподавателей. Но этот не из их числа.

— Сюда взяли раньше, — честно ответил я, изучая его.

— Во как, — препод посмотрел на меня поверх очков. — Наконец-то честный ответ. Ладно. По правилам, две неудач-

ные пересдачи — и комиссия. У вас уже было четыре, но у меня ведомость без даты, так что даю ещё один шанс сдать без лишнего головняка. Но если будете так же бодро говорить на пересдаче, у меня лишних вопросов не будет. Готовы завтра?

Он постоянно переходил то на «ты», то на «вы».

— Ещё как. Надо же кому-то поднимать родные железные дороги.

В зале снова засмеялись. Препод сощурил глаза, но смотрел не на меня.

— О, Кирилл, — он обратил свой взор на другого парня.

— А напомни-ка мне ширину колёсной пары...

После небольшого опроса студентов, он поставил в тетрадку напротив моей фамилии плюстик и начал лекцию.

Причём я не видел, что это плюс, просто заметил, как он дважды черкнул ручкой. Интересно, раньше внимания не обращал.

Но дело не в этом.

Я просто помнил записи. Ощущение, будто я стоял перед картиной в каком-то музее, к которой кто-то прилепил на скрепку мою лекцию. И читал с неё. Причём картина висела в каком-то дворце, на ней был изображён бородатый мужик в доспехе, и таких картин было полно, и...

Вот что это такое?

— Ладно, с тележками и колёсными парами мы почти закончили, — объявил Кашин. — Сегодняшняя тема — рес-

сорное подвешивание и гасители колебаний.

Кашин включил ноутбук, и на стене, где был развёрнут рулонный экран, возник его заваленный ярлыками и документами рабочий стол.

— Вот она, — тихо сказал я, увидев картинку на нём.

— Вы о чём? — препод посмотрел на меня.

— Картина. Видел её.

— Так это же «Тайная Вечеря», — Игорь Семёнович нахмурился. — Конечно, вы её видели. Её все видели. Я бы даже спросил, кто художник, да боюсь в вас разочароваться после сегодняшнего. Давайте к лекции.

— Это да Винчи сделал, — сказал я, и Кашин кивнул, запустив презентацию.

Но я будто видел эту картину перед глазами. Вернее, если их закрыть, я будто стоял перед ней. Будто видел её в музее прямо сейчас, настолько ярко она отпечатана в памяти. Что за хрень?

Вот и сейчас закрыл. Будто я в каком-то зале, прохладном, большом и роскошном, и стою перед картиной, так чётко её представляю. Вижу все детали.

И она была другой, не той, которая была у препода на рабочем столе. Потому что некоторые будто выставляли вперёд пальцы. Например, Иосиф держал перед собой два пальца, как рокер, Иуда — показывал четыре, а вот Матвей — кулак.

И ещё больше меня удивило то, что я узнавал всех апостолов. Откуда бы я их знал? И тут есть люди, которых на

этой картине быть вообще не должно.

Всё это странно, но у меня возникла другая мысль.

Будто кто-то сохранил таким образом шифр. Там и хлеб так лежал, отдельными кусочками, не как на картине, и пальцы. Будто здесь цифры.

Так, спокойно, Вадим. Тот мужик, который сгорел от упавшего провода, был каким-то шпионом, это точно, и, возможно, у него было прозвище Туман. Он пользовался какой-то техникой для памяти, вот и шифр, спрятанный в картине в его памяти.

Правда, с чего это вдруг Туман решил занять моё тело? Такое вообще бывает? Мы же не в аниме и не в манге с искаем — попаданцами. Но шпион, когда умер, будто хотел поселиться в моём теле, но не смог.

Не просто же так я такой упрямый. Я не сдался. И у меня теперь его память.

Зашифрованная.

Толку-то от неё. Но если взять цифры с картинки...

Посреди пары была короткая переменка. Я подошёл к Лёше, который сидел на передней парте и что-то писал в тетрадку кривым почерком, который и сам потом не разбирал.

— Лёха, здорово, братан, — я похлопал его по плечу.

— А? — он вздрогнул и огляделся по сторонам.

— Тебя Мага опять достаёт?

— Нет, — парень помотал головой. — А что такое?

— Ты же человек начитанный, умный, очки носишь. Смо-

жешь объяснить одну хрень? Вот смотри, — я сел рядом. — Понять не могу. Увидел тут в инете. Вот бывает такое, типа, закрываешь глаза, а у тебя там будто комната, какие-то картины, записи. И в них то, что тебе нужно вспомнить. И ты смотришь на них и всё вспоминаешь сразу.

— А! — Лёша заулыбался и начал тараторить: — Это Дворец Памяти, метод Локуста... ой, локусов! Человек плохо помнит цифры и прочее, но у него отличная пространственная память...

— Давай попроще, — прервал я его.

— Грубо говоря, ты легко можешь запомнить какое-то место. Комнаты, предметы. Если это важное для тебя место, ты сразу всё вспомнишь, где даже крючки для одежды висят. Память так работает, помнит именно это лучше всего.

— Так, — я смотрел на него.

— И вот в памяти ты к этому месту привязываешь какие-то предметы, вещи, образы, только тебе понятные...

— А картины могут быть?

— Ещё как! — он кивнул. — Вот! И запоминаешь лучше. Потом закрыл глаза, представил это место, эту картину, которая там висит, и всё вспомнил. Вот бы все лекции туда записывать!

— Вадик! — раздался голос рядом со мной. — Ты чё, рили кого-то сегодня ограбил? Шмот новый, да?

Раздался смех. Это Макс Уваров, толстощёкий полный парень в дорогих вещах и с модной причёской кудряшками.

Их у нас два таких мажорчика в группе. Один Кирилл, богатый тип, но тот обычно держался от меня в стороне и смотрел, как на мебель. Хотя иногда пытался достать меня, и не только меня.

А вот при нём, как мелкий шакал, постоянно ходил Макс Уваров, его подпевала. Сам по себе никто, но рядом с Кириллом он чувствовал себя крутым. И постоянно пытался поддеть других.

Но пора с этим завязывать.

— Рилли грабанул, или в сиротском приюте выдали? — он загоготал. — Вы же на бюджете учитесь, ещё и всё дают на халяву. Не, так-то шмот топ, не кринж, как обычно, но...

— Макс, — я широко улыбнулся. — Ограбил, говоришь? Так это же у тебя папа — начальник депо, не у меня.

— Не понял, — Макс сощурил глаза.

— А чё тут понимать? На него же дело завели за воровство, да? А эти вещи на ворованное куплены? — показал на него. — И тачка твоя тоже?

— Ты чё такое говоришь? — он насупился. — Я не...

— А как ещё? Устроились там, присосались к депо, всё растащили, а на меня ещё гонишь. И сам на бюджете учишься, на халяву, хотя легко бы оплатили. Тебе ещё и оценки ставят просто так, по знакомству. Так что кто тут кого грабанул, а?

— У тебя чё, проблемы? — Макс подошёл ближе, сжимая ухоженные ручки в кулаки.

— Устроить? — спросил я и поднялся.

Он постоял, глядя на меня... и отошёл под удивлённые взгляды остальных, кто за этим наблюдал.

— Просто пошутил, расслабься, бро, — пробурчал Макс, опуская взгляд. — Шутки не понимает, лол.

— Мы с тобой ещё пошутим, — сказал я. — Шутник хренов.

— Грамотно ты его, — Лёха усмехнулся, когда Макс отошёл. — А то он реально всех достал, токсик. А чуть что, сразу жаловаться декану бежит.

Я и сам удивился, но про эту сторону, куда можно повести разговор даже не думал. Обычно я пытался осадить Макса, и ему подобных, но не знал, как это сделать лучше.

Но тут ударил иначе, прямо в цель, ещё и при всех. И народ посмеивался над Максом, пока он сидел с красным лицом.

Прозвенел звонок, я вернулся на место.

Лекцию слушал плохо, думал о своём. Суть я понял. Ладно, предположим, тот шпион по прозвищу Туман помер, а его память передалась мне. Может, из-за тока, или чего-то ещё. Память и навыки. Навыки действовали, потому что готовить я не умел вообще, а тут получается очень хорошо.

Его навыки и наблюдательность теперь у меня. Вот этот факт про батыю Макса я тоже вспомнил, хотя никогда это не использовал, и даже не думал об этом.

А вот с памятью интереснее. У Тумана всё запечатано в

этих картинах, во дворце. Наверняка, в том самом, из Флоренции. Но в моей голове я мог представить только один зал с несколькими картинами, где было то, что он запомнил недавно.

Остальное будто... закрыто, заперто, ходы завалены.

Может, это из-за того, что он помер, а может, откроется со временем.

А пока же я снова представил эту картину так, будто прямо сейчас стою там, и даже прохладу каменного зала ощутил, как и приятный запах чего-то древесного. И начал смотреть на картину, разыскивая цифры, которые он хотел запомнить и спрятал на ней самой.

Два кусочка хлеба, три пальца. Кулак значит ноль. Матвей подмигивает — значит, один. Сидящая за столом Мона Лиза, которой там не должно было быть, показывает Иуде средний палец. Один.

Я всё записал. Ну и козёл, этот шпион. Не мог просто код записать? Хотя он бы его и не запомнил.

Двадцать четыре группы цифр итого у меня получилось.

И для чего они? Номер счёта? Казалось, что в них что-то важное. Но меня подмывало взять телефон и открыть какое-то приложение, но у меня такого даже не было.

Но числа есть, осталось придумать, от чего они. Вот бы на деньги выйти с их помощью...

* * *

Пары закончились, секция будет позже, а пока я пошёл

домой, а то на столовку мало денег, да и дорогая она была. По пути зашёл в магазин, думая, как себя удивить в очередной раз.

Надо решать с кредитом, но это не значит, что нужно оставаться голодным. На голодный желудок плохо соображается, а у меня ещё пересдача. Надо просто не шиковать.

Купил твёрдые макароны, придирчиво выбрав по составу. Чеснок у меня был со вчерашнего дня, взял ещё свежей зелени из холодильника и масла.

Вчерашнее оказалось хорошим, я взял ещё пачку, чтобы было всегда. Состав читал внимательно, и меня всё устраивало.

— А это масло, внучок, чего не берёшь? — спросила у меня бабушка. — По акции, вот, дешевле.

— Да тут масло только пальмовое, — сказал я, мельком бросив взгляд на пачку, которую она держала в руках. — Лучше это возьмите. Чуть дороже, зато лучше.

— Ой, спасибо, — бабка взяла две пачки.

Входя во двор своего дома, увидел ментовскую машину. Рядом с ней курил участковый Пахомов и пара оперов из нашего районного уголовного розыска, кто занимался кражами. Всех же знал в лицо, часто с ними разговаривал.

Один заметил меня и двинулся было наперерез.

«Стой, его там точно не было», — сказал Пахомов.

Я этого не слышал. Я прочитал это по губам.

Охренеть. Просто посмотрел на него, увидел, как он гово-

рит, и понял.

И правда — охреть.

«Детдомовский же», — возразил опер.

«Нормальный пацан. Не бухает, в институт ходит, спортом занимается. Говорил с ним недавно».

Пахомов отвернулся, и дальше я разговор не понимал.

Так, своё слово участковый сдержал. Я прекратил музыку, и он меня не доставал. А то бы устроили допрос сейчас.

Но меня решил достать другой.

Я почти дошёл до подъезда, когда увидел стоящую на клумбе серую «Тойота Камри». Но Артур загонял её в это место даже летом, ломая кусты.

Это владелец автомойки, шашлычной и пары киосков с шаурмой.

— Вадик, братан!

Толстый небритый мужик за полтинник помахал мне рукой и неловко пошёл ко мне по утопанному снегу.

— Слушай, ты извини за тот раз, я не со зла, — начал Артур, широко улыбаясь. — Давай шаурму за мой счёт организую. В любой киоск подойди, скажи, что от меня, тебе сделают.

— От твоего киоска с шаурмой все собаки в округе убегают, — сказал я. — Не просто так, наверное. А я тогда раз попробовал, едва до дома успел добежать.

— Ха-ха, шутник, — он сощурил глаза.

— От твоих шуток обхохочешься, Артур, — строго про-

изнёс я. — Обещал, но не сделал. Нехорошо поступил.

Он меня обрызгал талым снегом и грязью неделю назад, когда проезжал на машине, забрызгав новые джинсы. А потом обещал отдать их за свой счёт в химчистку, которую держал знакомый, но потерялся.

Впрочем, вряд ли Артур собирался их отдавать куда-то. Зато он считал, что это очень смешно так обещать, но ничего не делать.

Я не собирался нести джинсы в химчистку, у самого руки есть, уже отстирал, да и его обещаниям не верил. Но он решил, что выбрал кого-то, над кем можно издеваться.

И это пора прекращать.

— Да решим вопрос, — Артур снова засмеялся. — Слушай, братан, помой машину, пожалуйста, — он показал на грязную тачку. — А то грязь такая, всю уделал, а мне на встречу ехать, на грязной тачке появишься, так не поймут. А я тебе пять тысяч заплачу, идёт?

Даже если бы согласился, он бы не заплатил. Но я бы и раньше не стал соглашаться, хотя кто-то из наших тогда сделал, вот только ничего не получил за это.

— А что, на твоей автомойке плохо моют? — я усмехнулся. — Так не надо зарплату зажимать народу. А то у тебя каждый раз разные узбеки работают, но ты всё равно им не платишь.

— Плохо работают... а тебе-то какое дело? — он нахмурил кустистые брови.

— Как какое? Ты же меня в работу втягиваешь, а я знаю, как ты платишь, — я усмехнулся. — Вернее — никак. Жмочишь и обманываешь.

— Парень, ты не наглеЙ! — прошипел Артур. — Какие деньги тебе ещё платить?

— Так ты же на работу зовёшь.

— Не, ты совсем уже!

Он вытаращил глаза, достал телефон и начал меня снимать.

— Смотрите, детдомовские какие наглые пошли. Деньги вымогают! Ничего не сделал, а уже бабки требует! Вообще обнаглели! Им квартиры на халяву дают, а они...

Ну здравствуйте, куда всё в итоге вышло. Думает, это ему поможет. Я подошёл ближе.

— Артурчик, дорогой ты мой, — фамильярно сказал я и рукой отвёл телефон в сторону. — Лучше удали. Тебе же потом легче будет.

— Да я тебе... — он замахнулся.

— И без угроз, — серьёзно произнёс я, осадив его. — Или я приду к тебе на автомойку и столько всякого найду, что ты вовек не отмоешься. А про твои киоски уже молчу, туда надо звать не Роспотребнадзор, а комиссию по биологическому оружию, ты уже все конвенции нарушил. Так что лучше не надо, дорогой. Не вывезешь.

Артурчик посмотрел на меня, но тут заметил участкового Пахомова. Впрочем, надежда на лице быстро погасла. Я

помахал Пахомову сам, и лейтенант кивнул в знак приветствия, а после удалился. Артура он и сам не любил.

— Удаляй, — потребовал я.

Шумно дыша через нос, он удалил видосик, и я проверил, что не перекинул его куда-нибудь.

— Вот и договорились, Артур, — продолжил я. — Так что мой своё ведро сам. И ездите аккуратнее.

Кажется, больше он доставать меня не будет. Просто я раньше не знал, как ему ответить, злился, и он от этого веселился ещё больше. А теперь облом.

* * *

Я зашёл домой, переоделся, не торопясь, приготовил обед, хотя обычно успевал только заварить дошик и быстро его проглотить.

Вышло всё хоть и просто, но как-то ресторанно. Сварил макароны в подсоленной воде, но не ломал их, как делал в прошлую попытку, а просто засунул в воду, и они сами сложились в кастрюлю как надо. Снял с огня на минуту раньше, чем было написано на коробке.

Тем временем обжарил чеснок до золотистого цвета, в сковородку же высыпал макароны и перемешал, чуть долил воды, чтобы покипело. Сверху пошинковал зелень.

Неплохо вышло. Ладно, надо разобраться с цифрами. Почему-то было ощущение, что они помогут мне закрыть ближайшие трудности. Вот только было ощущение, что это не цифры. Не зря, апостол Андрей на картине в памяти шпиона

держал в руке какой-то справочник. Понять бы ещё, какой это.

И тут раздался звонок в дверь. Я удивился, накинул рубашку и пошёл встречать неожиданного гостя. Менты, может быть?

— Вадик, как вырос! — на пороге стояла тётя Лена. — А я тут пирожков тебе напекла.

Толстая женщина под полтинник всё хотела протиснуться. В пакете у неё было что-то печёное, и это приятно пахло. А вот от самой тёти несло перегаром.

Это сестра отца, но раньше она делала вид, что меня не существует. Зато с тех пор, как я получил квартиру, она плотно пыталась войти в мою жизнь.

Ага, понял, хочет что-то замутировать с моим жильём. Нет уж, не выйдет.

Глава 5

Тётя Лена пёрла как танк, будто это её квартира, и она пустила меня пожить. При этом много говорила. Всего за несколько минут я услышал, что её муж Федя в загуле, сама она гадает, как отмазать сына Петю от армии, ведь он завалил сессию и вылетел из универа, и что младшая Анька нашла какого-то хахалю, который бухает целыми днями.

Впрочем, тётя Лена и сама была не против приложиться, чувствовал это по перегару. Но в какой-то момент в её голове возник хитрый вариант, и она решила не откладывать задумку.

— Вот как жить теперь?! — всплеснула тётюшка руками, закончив жаловаться. — Будто кто-то сглазил. Хуже не бывает.

— Мне-то не рассказывайте, — проговорил я, посмотрев, что за пирожки она принесла. — Бывает и хуже.

Это на высокую кухню не походило, ну да ладно, это же пирожки, кому они могут не нравиться? Хотя эти больше походили на те, что я видел в том супермаркете, где покупаю продукты. Как раз в это время выкладывают новые.

А говорила, что напекла.

— Да что бы ты понимал? — протянула тётя Лена, расстроившись, что я ей не сочувствую.

— У нас же не соревнование, кого больше жизнь потре-

пала... А с чем пирожок? — я откусил один.

— С капустой, — она нахмурила тонкие, скупно подрисованные карандашом брови.

— А я думал — с тестом, — я сделал ещё укус. — А вот, вроде, дошёл до начинки. Ничего себе вы её спрятали, как глубоко.

— Вот Саша бы живой был, он бы за тебя взялся, — недовольно сказала тётя Лена, морщась. — Как со старшими разговариваешь?

— С папой у нас отношения были хорошие, и он меня всегда прикрывал. Особенно когда кто-то наезжал не по делу. Что случилось?

Тут она попыталась возмутиться, как обычно, но вспомнила, что пришла не ругаться, как она любит, а для определённой цели, и сдержала крик. Жадный взгляд скользнул по моему скромному жилью.

— Квартирка такая уютная. А мебели нет?

— Очередь для меня освободилась раньше времени, — произнёс я, понимая, к чему она клонит. — Обычно, до конца учёбы не получишь жильё, а тут выдали очень рано. Но мебель сам покупал, на «Авито». Денежку давали.

А интересуется её это потому, что мебели мало, поэтому много за аренду не запросишь, а она точно пришла ради этого. Хотя с неё станется задрать ценник, будто она сдаёт не почти пустую однушку, а трёшку в центре после дорогого ремонта.

— Хорошо ты устроился, — она огляделась по сторонам. — Всё дают... мало дают, — тут же поправилась тётя и начала причитать: — Совсем офонарели, сирот прижимают, как жить-то в этой коробке? Давай напишем в интернете. На сайте, в «Одноклассниках» напишем, президенту напишем, что ничего не дали. Сироткам-то всё положено. Трындят везде, что помогают, соцпомощь идёт, а на деле — нифига не дали.

Я с интересом наблюдал, как она переходит к важному для себя.

Впрочем, тут дело совсем не в приобретённых навыках. У меня таких родственников уже несколько, у кого есть планы на мою жилплощадь, и ещё не все явились. Будут и другие.

— Сам накоплю и возьму, — отмахнулся я и взял второй пирожок. — Не буду же всю жизнь побираться. Возьму, что мне надо и что по карману.

В этом пирожке нашлись следы риса и варёного яйца, но только следы, а не полноценная начинка.

— Когда ты ещё возьмёшь? — тётя Лена что-то пробурчала под нос, что-то вроде «долго ждать». — А так-то хорошая квартирка. И район хороший, и автобус рядом. И соседи приличные. И двор удобный, парковка есть, магазин, детский сад, больница, аптека, площадка вон, спортивная. Всё в пяти минутах.

— Не жалуясь, — я допил чай.

Вообще-то, больницы и детского сада не было, а до автобуса идти не пять минут, а все пятнадцать. Но она будто со-

ставляла объявление в интернете, а не говорила со мной.

А вот сейчас будет озвучена основная цель визита, и я с усмешкой её ждал.

— Да у нас тут мальчик знакомый, студент, его из квартиры выселили, жить негде.

— В общагу пусть заселится, — я пожал плечами.

— Да он городской, непривычный к общежитию. Квартирка ему своя нужна. Вот и ищем, куда поселить. А у тебя удобно.

— У меня однушка, — я пожал плечами, делая вид, что не понимаю её намерения. — Будет тесно, я никого не подселю. Самому места в обрез, всё в чертежах, и диван тут всего один. Не, я на такое не пойду. Да и прикиньте, тётъ Лена: своя ванна же есть, можно сколько угодно в ней лежать, никто не гонит. А тут кого-то селить ещё? Не, нафиг.

— Да не, я не про это! Ты же привычный ко всякому, Ваденька, — она села за стол и положила перед собой телефон в розовом чехле с цветочком. — И тебе место в общежитии положено, даже если квартира есть. Пока учёба идёт, выгнать оттуда не могут.

— Во как?

— Да. Но я договорюсь, если что, я вашего коменданта знаю. Тебе вообще можно туда легко устроиться, ты же привычный к неудобствам, говорю. А мальчик сюда поселится, платить будет, денежку заработаешь. Тебе не мешает.

— И сколько платить будет? — я улынулся.

Тётя Лена ещё не поняла, в чём причина улыбки, и нахмурила свои брови в очередной раз.

— Деся... Восемь тысяч, — тут же поправилась она. — Мальчик хороший, по знакомству, никого водить не будет. Хотя мебели-то мало у тебя, так-то бы и десять можно было бы взять.

— Так, — я откинулся назад, прислонившись спиной к прохладной стене. — Давайте-ка проверим.

Я взял свой телефон, открыл сайт объявлений, где сдаются квартиры.

— Ого, интересно девки пляшут, как папа говорил... так-так-так.

— Ты чё это смотришь? — возмутилась тётя Лена. — Вот молодёжь, телефоны свои...

— Так-так-так, — я пролистал список большим пальцем. — Вот сдаётся вообще без мебели в нашем доме — восемнадцать тысяч, с мебелью от двадцати пяти, и это студии. Ого, как подорожало всё. Но что-то мне думается, что ваш мальчик платить будет минимум тридцатку. А разницу вы себе в карман будете класть... или ложить? Как правильно?

— Да ты чё?! — возмутилась она. — Я тебе столько помогала, когда Саши не стало!

— Чем, например? — спокойно спросил я. — Я вот не помню такого. Ничего и не было.

— Да я... да я... — тётя Лена закатила глаза, но ей и самой ничего не шло в голову. — Да вы все, детдомовские,

наглые, неблагодарные! Квартиры вам на халяву ещё дают! И думаете, что вам все должны!

— Пока что все вокруг думают, что это я им должен, — я пожал плечами. — Хотя ничего для меня не сделали. Вот Денис, двоюродный брат отца, ко мне в детдом приезжал, подарки привозил, я к нему захожу иногда, помогаю. Бабушка покойная, Анна Андреевна, к себе брала жить в деревню. А вот вас всех, кто на эту квартиру позарился, я никого после похорон отца не видел вообще до прошлого года, когда мне жильё дали. А вот сейчас каждую неделю гости...

Тётя Лена тут же насторожилась.

— А кто это ещё позарился? — спросила она.

Голова отключилась, и она слышала только то, что важно для неё.

— А у меня оказалось много родственников, — я усмехнулся. — Можете между собой порешать, кто ко мне ходить будет. Во дворе можете соревнование устроить, кому квартира нужнее.

Тётушка аж поднялась и покраснела от гнева, но я продолжил спокойно и твёрдо говорить, пока она бесилась:

— Но я вам ничего не дам. Во-первых, сдавать мне её нельзя, это не моё жильё, я тут живу по договору соцнайма. Во-вторых, я здесь привык, зачем мне куда-то ехать? Чтобы вы денежку заработали на мне?

— Да я тут к тебе со всей душой! — воскликнула она.

— Не отдам. И за такие схемы, тётя Лена, вам как мини-

мум штраф прилетит. Мошенничество это в чистом виде. Так что никого я сюда не подселю. И не надейтесь.

Хорошо устроилась, блин. Но она и другие не в первый раз ко мне подгребали, так и хотели сдать жильё, или ещё как-то меня отсюда выдвинуть. Но это я понимал всегда, ругался с ними, а они всё равно шли.

У неё ещё и память, как у рыбки, потом снова явится с очередным «выгодным» предложением. А я её снова отважу.

* * *

Она ушла, обед заканчивался, я помылся, надел другую футболку и штаны, а перед этим сделал неожиданное дело — я всё это погладил. Утюг-то был, но я раньше им не пользовался, он так и стоял в коробке.

Но надо брать новые вещи, мало приличного. Вечером надо подумать над этими цифрами, вдруг появится возможность закрыть кредит. С этими цифрами на картине точно что-то связано. Для чего-то он это всё запомнил.

К счастью, вокруг не только те, кто хочет на мне поживиться. На первом этаже видел, как пожилая соседка с трудом вытаскивает старый матрас. Но он тяжёлый, пружинный, у неё получалось не очень.

Ещё и её породистый ушастый кот выскочил в подъезд, но не кинулся на улицу, а с радостным видом лазал по матрасу. Цеплялся когтями и быстро двигался то в одну сторону, то в другую, будто плавал.

Потом хотел прыгнуть и убежать, но я его поймал. Кот

тяжёлый, гладкий и тёплый, он сразу уставился на меня зелёными глазами.

— Давайте помогу, тёть Света, — предложил я, протягивая ей кота.

— Ой, спасибо, Вадик, — отозвалась женщина, принимая животину. — А то новый матрас взяли, старый выкинуть надо.

Она одна из немногих, кто при виде меня не хватался за кошелёк, и не бледнела, когда я входил в лифт. Так что помог ей без проблем, выкинул матрас, погладил кота, который гневно уставился на меня с видом «да как ты посмел трогать Его Величество», а в награду меня угостили шоколадкой.

Сам я сладкое не любил, но шоколадка пригодится в учёбе. Суну методистке на кафедре, чтобы с чем-нибудь помогла, или Маше за помощь с чертежами.

Продолжил путь, вставив в уши беспроводные наушники-затычки, с ними сел в автобус, слушая музыку.

— И месяц провоцирует нас на обман
И испарение земли бьёт, как дурман...

Песню «Сектора Газа» прервал звонок. Ответил прямо в наушниках.

— Слушаю, — отозвался я, поглядев на экран.

Номер местный, незнакомый. Сидевшая рядом бабушка недовольно на меня покосилась, наверняка думая, что я го-

ворю сам с собой. Ещё и поцокала языком, мол, молодёжь совсем нынче не такая.

— Говорит майор ФСБ... — раздался хриплый голос в наушниках.

— Знаю я таких майоров, — бросил я. — До свидания.

Отключился, следующий его вызов сбросил. А то постоянно звонят всякие. Хотя, обычно, сначала звонят якобы из банка, а потом начинают грузить следователи, майоры и прочие...

* * *

Забавно, но я не только не опоздал, я вообще приехал раньше всех.

Не знаю, как это работает, но дома я не торопился, как обычно, а не спеша подготовился, даже погладить одежду успел. И в итоге приехал раньше всех, раздевалка была пустой, даже тренер ещё не явился. Только сторож был, и всё.

Но я понял — просто дома торопился из-за того, что половину времени залипал в видосы, и нихрена по итогу не успевал. А сегодня даже не запускал ничего, не до этого было. Спокойно поел в тишине, и ещё махинации тёти Лены пресёк.

В тихой раздевалке переоделся, зашёл в зал. А нет, один человек уже был. Наташа яростно лупила грушу ногами. Заметив меня, она с удивлением вскинула бровь, но продолжила заниматься.

Обычно, я уходил на скамейку, чтобы посмотреть ка-

кой-нибудь видосик, пока нет тренера, но тут подошёл к ней.

Нет, лишней скромностью я не отличался, и с девочками познакомиться не боялся и раньше. Просто, порой мог сказать что-нибудь не то, потому что мы росли в разных условиях. Вот и напрягался, помня опыт с Дашей.

Но к Наташе сам не подходил. Потому что она будто была совсем из другого мира. Другой круг общения, она из другого города, с ней всё другое. Даже не знал, о чём поговорить с ней. С какой-нибудь одноклассницей или девчонкой с улицы было проще.

— А у тебя какая техника, Наташ? — спросил я. — Бокс или карате?

— От всего понемногу, — она врезала груше ногой так, что она дёрнулась на цепях. — Больше от муай-тай.

— И долго училась?

— Ну... с детства.

А ничего ноги, хм-м. Но очередной звонок прервал мои мысли.

— Вадим Александрович, здравствуйте! — проговорил милый девичий голосок. — Мы хотим вас уведомить, что в нашей онлайн-школе «Айти Элита» для вас приготовлен подарок — любой онлайн-курс за полцены по промокоду «Код Удачи».

— Во-первых, если мне надо платить, то это не подарок, — отрезал я, но продолжать не стал.

Понял, что голос хоть и похож на настоящий, но он не

настоящий. Нейросети в последнее время прокачались, уже хрен отличишь, где настоящее, а где нет.

— Опять робот звонит, — сказал я, отключаясь. — Уже не отличишь.

— Это так, — Наташа кивнула. — С ними надо держать ухо востро.

— Да с этими ещё курсами подстава, — продолжил я, прислоняясь к стене. — Тогда по неопытности купился на этих инфоцыган, когда из детдома только выпустился.

— И что случилось? — Наташа прекратила мутузить грушу.

— Оплатил, учиться начал. А они мне там чесали, какой я умница, и у меня всё получится, что меня сразу в Гугл возьмут, если моё резюме увидят. А теорию нифига не дали. Всякую хрень вместо знаний трындели. Хорошо ещё, что я доступ в секретный чат не купил, там всё дороже было.

Не стал говорить, что я тогда ещё и кредит взял, который до сих пор гашу. Думал, что устраюсь на работу, которую они обещали после учёбы. Но я тогда вообще плавал в жизни, после детдома даже не понимая, насколько всё изменилось всего за те несколько лет, что я выпал из обычного мира. Теперь понимаю, что желающих заработать на тебе стало слишком много.

— Зато сертификат архитектора баз данных дали, прислали по электронке, — я усмехнулся. — Был бы бумажный диплом с корочкой, я бы его положил под ножку стола, чтобы

не шатался.

— Эти сертификаты, Вадим, часто играют в минус, — сказала Наташа, внимательно меня выслушав. — Сейчас же все резюме проверяет нейросети, они сразу отсеивает кандидатов. А в такие курсы работодатели не верят.

— Уже знаю.

— А тебе хочется в айти?

— У молодёжи нынче три пути: вебкам, закладки и айти, — процитировал я какую-то слышанную мельком песню. — Хотя с айти уже тяжело стало.

Наташа коротко засмеялась, взгляд потеплел. А только сейчас заметил, что у неё зелёные глаза. Никогда не замечал. Хотя понятно, смотрел-то не туда, обычно пялился чуть ниже. Хотя там тоже всё хорошо.

— Нет. Вообще-то же я будущий железнодорожник, но рассматриваю разное. Пока же только покорял высоты курьерской доставки, — я засмеялся. — Мой рекорд — три пятилитровые бутылки с водой и пять кило картошки за один заказ.

Она тоже засмеялась.

— А в спорт не хочешь? У тебя хорошо получается, — Наташа оглядела меня. — И характер подходящий, неунывающий. Только тренер другой нужен, не такой слепой.

— Слепой? — удивился я.

— Галеев не видит твоих перспектив, — сказала Наташа.

Но Руслан Маратович жить будет долго, потому что он как

раз зашёл.

— Вадим, помощь твоя нужна, — заявил он с порога.

— Толика сильно бить не буду, — я усмехнулся, а тренер поморщился.

* * *

Толик-Анаболик всё же не зря участвовал в чемпионатах и выигрывал, потому что сегодня подошёл к делу иначе. Наверняка получил нагоняй, вот и пробовал другую тактику.

Он меня прессовал. Не пёр как бык, чтобы победить в первую минуту, как делал всегда, а действовал иначе, терпеливо. Пытался загнать меня в угол, двигался, чтобы я ударял впустую, хотел лишить меня мобильности и раздавить.

Но я не дался, держал дистанцию, раздражая его лоу-киками и джебами. В итоге под конец он выдохся, и тренер махнул рукой, когда после очередного удара по бедру, чемпион упал.

— Я всё равно побегу... победу... — пробурчал Толик.

— Никак азарт проснулся, Толян? — я усмехнулся. — Не всё тебе грушу бить. Зато когда груша сдачи может давать, так интереснее, да?

— Ещё встретимся.

— Жду.

Он ушёл, чуть прихрамывая, а вчерашний синяк на бедре после сегодняшнего станет ещё больше. Ну а я вернулся в раздевалку, где меня встречали чуть ли не как чемпиона. Кто-то похлопал по плечам, кто-то показал видос, как я спо-

койно разделяваю соперника, причём уже собравший кучу лайков и восторженных комментов.

Паха аж не поленился, и сделал монтаж, где в начале я огребаю, а потом уверенно разбираю защиту Толика. Научился, типа.

— Вадик, ты сегодня ещё лучше выступил, чем вчера, — Паха вскрыл банку энергетика. — Топчик.

— Зачем тебе энергетик, Пахан? — спросил я. — Ты же всё равно ничего не делаешь, на скамейке только сидишь, телефон тыкаешь. Куда тебе энергию девать?

Все засмеялись.

— Пересдача завтра, — пояснил он.

— У меня тоже. У тебя чё?

— Мировая экономика. А у тебя?

— Механическая часть подвижного состава.

— О-о-о, — протянули все, будто понимали, о чём речь.

В целом, я поэтому и ходил сюда. Атмосфера была хорошей, принимали за равного, а я такое ценил. Поэтому и ездил сюда через весь город.

Но все расходились, а я помылся в душе, переоделся и пошёл на выход.

— До послезавтра, Наташа, — попрощался я, проходя мимо девушки, стоявшей у зеркала.

— Удачи с пересдачей, — пожелала она и подмигнула мне.

Ну надо же, заговорил с ней, и ничего, всё в порядке. На-

до бы послезавтра куда-нибудь сходить с ней, а то чего это, никуда не хожу. Заодно и пересдачу отпраздновать...

— Ты чё мой вызов сбросил? — раздался голос позади, едва я вышел из зала на морозный воздух.

Майор Холодов! Тот, кто тогда сидел в засаде, карауля шпиона.

Рано седеющий мужик в кожанке подошёл ближе, держа в руке зажигалку, чтобы прикурить.

И кожа вдруг покрылась мурашками. Хотя мне-то его чего бояться? Это шпион его боялся до усрачки, а мне-то что? Так что стоял спокойно, и чужой мандраж вскоре ушёл.

Это же я, а не этот Туман. Так что выпрямился и посмотрел ему в глаза.

— Это я тебе звонил, — недовольно проговорил он.

— Так вы бы предупредили, — я выдержал его взгляд. — А то в новостях каждый день кого-то ловят после таких звонков. Сначала кто-то из ФСБ звонит, грузит, а потом раз, и с коктейлем Молотова у военкомата ловят, или на железке с зарядом взрывчатки. Мошенники нынче не дремлют, товарищ майор. А я не Долина, мне квартиру никто не вернёт.

— Во как, — фейс пристально оглядел меня. — Ладно, наглый, но думать умеешь. Ты в этих же шмотках вчера был?

— Ну, были бы другие, надел бы их. А в чём проблема?

— Парень, — он сощурил глаза. — Ты не шуткуй лишний раз. А на вопросы ответь, и отстанем. Понял, кто я?

Холодов достал ксиву и раскрыл. Да, это Холодов. Память

шпиона не ошиблась, я его узнал. И наверняка в памяти где-то есть на него досье.

И чего ему надо? Но лучше разобраться, чтобы отстали.

— Давай-ка поговорим о вчерашнем, — предложил он.

— Давайте, — я пожал плечами. — Только недолго. У меня пересдача завтра.

Он удивился, наверное, тому, что я не бледнею от страха, но хмыкнул.

— Не задержу надолго, студент. Надо прояснить момент один.

Глава 6

— Опиши вчерашний день, — потребовал фейс, доставая сигарету. — Вот что здесь происходило, когда на тебя напали.

— Тут так-то курить нельзя, — я показал на запрещающий знак на стене. — Тренер ругаться будет.

— А мне-то чё? — бросил он.

— Так, я крайним буду, не вы. Скажет, что я знакомого привёл, он же не поверит, если скажу, откуда вы. Огрэбать потом мне из-за этого?

Холодов посмотрел на меня исподлобья, но сигарету убрал, глядя на меня.

Смотрел внимательно, изучал, наверняка уже отложил в голове, кто я такой, как себя веду и чего от меня ждать. И я собирался вести себя именно так, как выглядел.

— Ну, короче, иду на секцию, — начал я и выпустил пар изо рта, после показал на столб: — Там дядька чинил провод. Из ваших он, походу?

— Не наш, — пробурчал Холодов. — Продолжай.

Я и сам знал, что электрик был настоящий, а не агент слежки. Но почему-то хотелось знать, ответит ли майор, что ответит и как именно.

Это навыки этого Тумана, чтобы изучать собеседника? Наверное. Вот я и спросил. Правда, что с этим знанием по-

том делать? А хз, но посмотрим, вдруг пригодится.

— Он инструменты уронил, я ему и начал ключи подкидывать, с земли, чтобы поймал, — я показал это жестом. — А то слезать ему долго, холодно ещё, провода на таком морозе рвутся.

— Видел, — пробурчал Холодов.

— И тут этот конь в пальто, — я покосился на него, — который на «Мерседесе» ездил. Шестисотый же?

— Шестисотый.

— Нифига, тачила.

Если спросить напрямую кто это был, то майор, конечно, не скажет. Но мне просто хотелось удостовериться, что это и правда был какой-то шпион, который хотел занять моё тело, а не то, что я поехал от удара током.

Просто небольшой намёк, и этого хватит. И в голове крутилась мысль, как можно это выведать. Как можно сыграть на профессиональной гордости майора. Не моя мысль, но это можно использовать.

— Его же ещё на «ютубе» показывали, — добавил я. — Хотя вы сейчас, наверное, начнёте спрашивать, как я заходил на заблокированный ресурс.

— По какому ютубу? — Холодов нахмурил брови. — Кого там показывали?

Брови у него тоже покрылись сединой, и в сгущающихся сумерках казалось, что их совсем нет.

— Ну это же бухгалтер из администрации губернатора, —

как ни в чём не бывало произнёс я. — Который проворовался. Сразу видно, паникёр какой-то, неловкий, чуть не упал, ещё и под провод попал...

Я специально делал вид, что ошибаюсь, заведомо говорю неправильно.

А человек уже так устроен, что когда кто-то при нём ошибается, ему хочется поправить ошибку. Тут ещё профессиональная гордость может заставить неосознанно вступить за человека, за которым столько гонялся, чтобы не обесценивать свои действия.

Ведь он же гордится, что выследил такого крутого шпиона...

— Какой это тебе бухгалтер? — взорвался Холодов. — Какой он тебе неопытный?! Это опасный тип! Ты едва выжил, Лебедев! Если бы не этот кабель сраный, он бы тут человека три положил, и тебя бы с ними заодно, как в Алеппо... Что дальше? — строго спросил он, спохватившись.

Конечно, фейс должен понимать такие манипуляции, контрразведчиков обучают многому. Но когда такое сказал двадцатилетний парень, майор даже не почувствовал подвоха.

Да он просто не ожидал подобных действий с моей стороны, вот и вышло.

Только откуда я бы знал эти манипуляции? Ну, конечно, это всё память Тумана. Часть зашифрована, но остальной я пользуюсь, часто так, будто она моя.

— А я думал, бухгалтер, — протянул я, хлопая глазками, чтобы он ничего не заподозрил.

Холодов шумно выдохнул, сверля меня взглядом. Зато теперь после его реакции точно понимаю, что этот Туман был какой-то очень опасный тип, ещё и в Алеппо побывавший. А это где-то в Сирии.

И что странно — память при мыслях об этом начала во-рочаться, но чего-то конкретного я не вспомнил.

— Ну, он меня схватил, у уха выстрелил, — продолжал я. — До сих пор слышит хуже. А потом... такие искры по земле пошли, как змейки, когда провод упал. И всё. Потом в машине очнулся, вы там уже стояли.

— В этой куртке был? — спросил Холодов.

— Ну да, — я пожал плечами.

— Ничего не находил в карманах? Или на воротнике?

— Нет. У меня и карманов-то нормальных нет, даже перчатки выпадают постоянно. И за воротником я бы почувствовал, — я потрогал воротник.

Он всё это время внимательно смотрел мне в глаза.

— А что он должен был мне передать? — спросил я и чуть улыбнулся. — Файлы Эпштейна?

— Лебедев, завязывай со своими шуточками, — устало сказал Холодов.

— Это обстановку разрядить, — я хмыкнул.

Уже узнали фамилию, номер, наверняка выяснили и другое, включая мою биографию.

— Знаешь, — по-свойски произнёс майор, — тебя вообще могли по допросам затаскать, да я вмешался, чтобы время не тянуть. Давай проще сделаем. Ничего он тебе не передавал? Слово какое-нибудь, может, услышал от него? Чем больше вспомнишь, тем лучше.

Как это ничего не передал? Память, навыки готовки и способность вставить таких люлей Толику-Анаболику, что он от меня теперь шарахается. А заодно наблюдательность и понимание, как себя вести с людьми и куда смотреть.

Но такое лучше не говорить, само собой. Это звучит, как приглашение в дурку в лучшем случае, если не поверят. Или чего-нибудь похуже, если поверят.

Подумалось, что они наверняка проверили куртку ещё когда я лежал без сознания вчера, а за сегодня изучили обо мне всё.

И сейчас это контрольная встреча, чтобы Холодов понимал, есть ли смысл работать надо мной дальше или нет. Просто проверить, не интрига ли это покойного Тумана, или я случайно оказался на его пути.

— Да ничего не было, — устало сказал я. — Ни вещей, ни слов. Он будто испугался, и меня схватил. Взгляд, как у бешеной собаки был. Наверное, даже не знал, куда идти.

— Видел бешеных собак? — спросил майор.

— В детстве кусала.

— Меня тоже, — произнёс он. — Потом уколы в живот ставили.

— Сейчас не ставят.

— Понятно, — фейс выдохнул через нос, выпустив пар.

— Ладно, закончили. Передачу не пролюби, студент-железнодорожник, — он хмыкнул.

— Так готовиться надо, а я тут болтаю, стою.

— И драться ходишь, — он показал на зал.

— Спорт — сила. Да и получаться начало.

— Бывай, — бросил он и ушёл.

Махнули на меня рукой, и это хорошо. Да, было близко, но я же для них обычный парень. Если не буду лазить по секретным объектам, то и внимание их не привлеку, а Холодов потом вернётся в Москву и будет дальше расследовать, что такое Периметр.

А вот это я даже не знал. Это что-то было в глубинах полученной памяти, куда мне хода ещё не было.

Но пока я поехал домой, думая, что купить в магазине на оставшиеся деньги.

* * *

— Здравствуйте, Марья Андреевна! — сказал я, поднимаясь по лестнице с пакетом в руках.

Бабка Никитина, увидев меня, захлопнула дверь так, что задрожали окна в подъезде.

— Кошелёк снова пропал? — с участием спросил я у участкового Пахомова, которому она чуть не прищемила ногу.

— Нашли, Лебедев, — пробурчал тот. — За тумбочку

упал. Я сразу там смотрю.

У бабки Никитиной были провалы в памяти, она часто теряла вещи, но обвиняла в этом соседей, то есть нас. Особенно нас. Причём в половине случаев она боялась, что мы украдём её ценности, и сама прятала их от нас, о чём забывала, а после звонила в полицию, обнаружив пропажу.

Так-то все знали, что у неё маразм, и не реагировали, но вредные менты порой могли дойти и до нас, потрясти, раз есть повод. Вдруг мы что-нибудь ещё украли.

Но пока Пахомов слово держал и со всем этим ко мне не подходил.

Он неодобрительно посмотрел на надпись из баллончика на стене, где кто-то, наверняка Стас, демонстрировал свои навыки живописи.

Но это было сделано ещё в конце прошлого года, сейчас Стасян матерные слова и женщин с неестественно огромной грудью на стенах подъезда не рисовал, но его произведения пока ещё не закрасили.

Первым делом, я проверил, был ли кто-нибудь в квартире, пока я отсутствовал. Вдруг обыск провели?

Но после небольшого осмотра мне показалось, что ничего не было, а намётанному взгляду шпиона я доверял, он в этом должен был разбираться.

Похоже, Холодов и правда решил, что угрозы я не представляю, и он дал отмашку, чтобы от меня отстали. Мне же лучше, буду спокойно себе жить дальше.

Впрочем, думаю, что теперь-то любой хвост обнаружу. Хе, посмотрим. Надо всё-таки подумать, что это за цифры, и что я могу из этого взять.

На ужин приготовил простую обжаренную куриную печень с картофельным пюре. Пюре я в детдоме любил, поэтому и приготовил, но на то, что нам подавали в столовой, это даже близко не походило.

Снова получилось, как в ресторане, хотя ингредиентов особо много и не было. Только печень, из которой я удалил все жилки и тщательно обсушил на бумаге, обжаренный хлеб, лук полукольцами и зелень. Ну и масло с чесноком. Похоже, это было фишкой повара. Хотелось плеснуть в сковороду немного вина при жарке, но вино было мне не по карману.

А с варёной картошки слил воду, но ненадолго оставил кастрюлю на плите, чтобы выкипела вся влага, только после этого начал её толочь. Правда, толкушки не было, пришлось мять картошку вилкой и дном чистого стакана, а в процессе подливать подогретое молоко с растопленным в нём маслом.

Поел с удовольствием, даже вспотел.

Что дальше? Надо было готовиться к пересдаче, но сначала я очистил захламлённый стол в комнате, заваленный чертежами и тетрадками, и живо разложил всё по системе, чтобы не потерять, и только после этого сел за стол.

Время семь вечера. Надо готовиться к пересдаче, но обычно в это время тянуло посмотреть какие-нибудь короткие ви-

досики, что я начинал ещё за ужином, и мог продолжить аж до часа ночи.

Сейчас не тянуло совсем, но я взял телефон. Правда, в этот раз я смотрел другое, на ускоренной перемотке. Про эти самые дворцы памяти и прочие техники запоминания, чтобы разобраться, что вообще происходит в моей голове сейчас.

— Эта техника запоминания, — вещал диктор, — существует ещё со времён Древнего Рима...

У шпиона это точно было всё отлажено, он наверняка ничего не забывал. Хоть ему и не надо было учить параметры колёсных пар, он бы наверняка легко всё это зазубрил.

Я сел поудобнее и закрыл глаза, представляя чужую память.

Да, она у него работала так ярко, что я почти ощущал всё физически.

Роскошный зал дворца, тёплое итальянское солнце било в окно, пахло апельсинами. Я слышал классическую музыку, играющую из старого патефона, и видел на стене картину, ту самую, тайную Вечерю, но изменённую памятью шпиона так, чтобы запомнить эти двадцать четыре группы цифр.

Ничего не изменилось, она висела на том же самом месте. Блин, прикольно, надо потом с чем-нибудь своим попробовать.

Я огляделся, посмотрел на другие картины в зале. Конечно, я не ходил сам, просто, представлял, что хожу. Но положение картин в комнате на картинах было постоянным, и

изображение отпечатались там намертво.

Среди других картин был мужик в доспехе, наверняка какой-нибудь итальянский деятель древних времён. В голове тут же всплыла фамилия Медичи.

А ещё был огромный портрет той самой брюнетки в красном платье из воспоминаний. Она стояла у окна, и одна бретелька платья сползла вниз так сильно, что можно было разглядеть грудь.

— Да, я бы с ней познакомился, — сказал я, возвращаясь из глубин памяти.

Своих женщин шпион запоминал всех, похоже, у него для каждой был свой портрет.

А остальные залы пока ещё закрыты. Может, «вспомню» их потом. Некоторые же вещи вспоминаю прямо на ходу, неосознанно, а с некоторыми сложнее.

Ладно. Я открыл глаза и выписал все двадцать четыре группы цифр, затем снова освежил в памяти картину и заметил, что апостол Варфоломей кивал влево, хотя на настоящей картине он опирался на стол.

Как раз на того мужика в доспехе, который на картине держал телефон, чего в реальности быть не могло. И на экране...

Хе, неплохо, и здесь не так замутно, как с кодом, всё узнавалось и вспоминалось само. Я выписал никнейм из мессенджера, очень странный, написанный как @super_sonic_electronic_88_1, и комментарии к нему, вроде

«небольшие суммы, только наличные», «есть сим-карты».

Бабки берём у него? И он просто так даёт или в обмен на что-то? И сим-карты ещё? Так, это интересно, но пока ещё не до конца понятно.

Ник я проверил, нашёл сразу, но ничего писать не стал. Контакт существовал, был в сети 7 минут назад.

Да, я точно не свихнулся, всё работает как надо, и это — доказательство, что это память реального человека.

И что написать этому мужику? Ладно, подумаем, пока отложим...

Я открыл браузер. Ну давайте, хваленые нейросети, расскажите мне, для чего нужны 24 группы цифр. Но сами цифры не писал, конечно.

Ответ пришёл сразу. Нейросеть даже не думала, а дала три варианта. Конечно, она может врать, но сейчас первый же ответ походил на правду.

Так что эти цифры — закодированная сид-фраза, пароль, чтобы восстановить кошелёк с криптовалютой. Где каждое число — это порядковый номер слова в особом справочнике.

Не зря апостол Андрей на картине в памяти шпиона держал такой справочник.

Зная эту фразу, можно получить доступ к криптовалюте, даже если потерял телефон с приложением или устройство, где всё хранилось. Или даже к чужому, если тебе каким-то образом достался этот пароль. Но случайно хрен подберёшь, слишком уж много там может быть вариантов.

— Интересно девки пляшут, по четыре штуки в ряд, — пробормотал я, вытирая лоб.

Меня аж бросило в пот. А вот это уже другое. Не просто память. Не навыки. А что-то совсем иное. Существующее в реальности, как и тот контакт. Крипта, битки, деньги, которые я даже представить себе не мог, что буду в этом разбираться.

Я как в кино или каком-нибудь аниме про шпионов.

Задёрнул шторы, проверил замок на двери, а после сел, открыл этот справочник в инете и начал выписывать слова. Двадцать четыре английских слова, с помощью которых можно получить доступ к криптокошельку.

А этот контакт с портрета нужен для того, чтобы обналичить криптовалюту. Ведь просто так их не снимешь. Теперь осталось взять приложение и восстановить кошелёк с помощью этой фразы...

— Мать его, — я услышал стук в дверь, который вырвал меня из мыслей.

Кто-то стучал громко, но не так, как стучат менты. Те дубасят кулаком или ногой, одновременно зажимая кнопку звонка.

Я медленно подошёл к ней, взяв нож отца, прильнул к глазку, но открыл его так, чтобы снаружи в нём не увидели мелькнувший в нём свет.

Это Лёнчик, ещё один детдомовский, живущий в доме. Обычно он тусовался с пацанами наверху, но этой ночью его

с ними не было. Вид у него бледный и встревоженный.

Я открыл. Вспотевший Лёнчик, тощий парнишка с торчащими в сторону ушами, уставился на меня.

— Братан, слушай, — в своей чуть приклатнённой манере, но как-то сдавленно, начал он, — выручи, — Лёня похлопал по китайской сумке, висящей на плече. — Пусть у тебя полежит немного, я потом заберу.

— А что там? — спросил я, внимательно осмотрев это.

— Вадя, братан, меньше знаешь, крепче...

Но это уже перебор.

— Ты не свихнулся, а? — я затащил его в прихожку, чтобы никто не слышал разговор. — Чё там лежит?

— Да... просто надо, чтобы полежало пару часиков... — Лёнчик растерялся. — А ты чё, не за пацанов? Выручить надо, а то...

— Ты прикалываешься? Знаешь, сколько ментов ко мне ходит? Чтобы я сел из-за тебя?

— Да ты релакс, братан, всё нормально будет, я тебе отвечаю, — он отмахнулся. — Просто полежит пару часиков.

Ага. Пару часиков полежит, а я потом огребу на несколько лет. Нет уж. Тут тревогу бы забил не просто шпион, я сам бы чувствовал, чем это грозит.

Просто раньше бы согласился, пожалел бы его. Но это не закончится ничем хорошим ни для него, ни для меня.

— Слушай сюда, Лёня, — я прижал его к стене. — Подставить себя не дам, ещё и по твоей тупости. Кто это тебе

дал?

— Я чё, закладывать буду пацанов?

— Кто дал? — спросил я громче.

— Жора, — сдался он. — Говорит, надо выручить пацанов, и он...

Лёнчик тарасил на меня глаза, не понимая, что на меня нашло.

Вот он вечно встречал в какие-то неприятности, ещё в детдоме. Но сейчас из проблем будет не визит усталой тёньки-инспектора по делам несовершеннолетних, а серьёзный срок.

— Это он сказал принести её ко мне? — чётко спросил я.

Хотелось понять, это такая подстава от Жоры против меня, или Лёнчик сам куда-то влип, а зашёл по старой памяти.

— Не. Чё, не выручишь? — он нахмурился. — Пацаны говорят, ты совсем зазна...

— Слушай сюда.

Я потянул замок сумки и открыл, несмотря на протесты.

Там лежал травмат, похоже, переделанный в боевой, и несколько пакетиков, как принято говорить в новостях: с веществом растительного происхождения. Ещё там был характерный кейс для сим-карт.

— Слушай сюда, Лёнчик, — повторил я. — Вот это всё тянет на очень долгий срок. Ствол по 222-й пойдёт, от трёх до пяти лет. Но он у тебя переделан в боевой, а тут статья 223 — незаконное изготовление оружия. А здесь уже пятёрка.

Нифига себе. Это само всплывало в памяти, неосознанно, вместе с образами картин суровых судов и казней, с помощью которых шпион запомнил наш Уголовный кодекс наизусть.

— Ты чё, следаком заделался? — пробурчал Лёня.

— Адвокатом твоим! У тебя мозгов совсем нет, а? А вот эта вот хрень, — я показал на пакетики, но не дотрагивался, — тянет на двадцатку, потому что с таким количеством сиюмок никто не поверит, что это всё для тебя одного. Угодишь в тюрягу и оттуда выйдешь только вперёд ногами.

— И чё делать? — он заметно напугался.

— Думать! Жора — тип хитрый. Он, если что, вообще не при делах окажется, а вот сядешь за это ты. Или тот, кого ты подставишь. Так что вали-ка с этим из моего дома нафиг, и не носи мне это больше. С такими просьбами придёшь — с лестницы спущу.

— Ну, Вадя, а как я пойду?

— Как-то же сюда дошёл, — проговорил я. — Пахомов там ходил вниз. Не попадайся. Домой не носи. И завязывай с этим, Лёнчик. Жора вас точно всех подставит. Понятно?

— Понятно, — проныл он.

Я выпихнул его, потом посмотрел в окно, убедился, что он свалил. Хитрый он, «пусть полежит». Суду вообще без разницы, как это у тебя оказалось. Сразу соучастником назначают.

Лишь бы Лёнчика проняло, и понял бы он, куда влез. Но

хрен поймут.

Он удалился, потом вернулся в дом уже без сумки, и я услышал, как щёлкнул замок его двери. Ладно, куда-то дел, но подальше от себя. Значит, в башке не совсем пусто.

Теперь надо готовиться к пересдаче. Но пока...

Я взял телефон и поставил приложение кошелька. Давайте-ка проверим эти кодовые слова. Очень уж хотелось посмотреть, что там будет.

Открыл приложение, нажал «Восстановить с помощью секретной фразы» и начал их вводить...

Глава 7

Сначала я было решил, что всё напрасно, и у меня не вышло, и это всё — моя не в меру разгулявшаяся фантазия. Ведь приложение кошелька выдало ошибку.

Но я быстро ввёл повторно, на этот раз всё прошло успешно. Просто одно слово в первый раз написал неправильно.

Приложение не заругалось, начало что-то грузить. Грузило долго, но вскоре я увидел числа на экране и кое-что вспомнил.

Это была встреча, но там был не я. Это не моя память, а чужая.

* * *

Я будто сидел за столом и пил чёрный кофе без молока, но это был не я. Мы находились в уличном кафе на площади, рядом стоял старинный готический собор, а напротив меня сидел мужик с седыми усами и бородкой.

Знакомое лицо. Точно, я же видел его во сне в тот раз. Как его звали? Ланге, да, вспомнил.

И мы с ним говорили. Причём говорили на немецком, но я понимал каждое слово.

Теперь я ещё знаю немецкий. Офигеть.

Этот мужик крутил в руках телефон.

— Это тебе на оперативные расходы, Небель, — сказал мужик, протягивая мне этот телефон. — Код ты помнишь.

Ну да, Nebel, это и значит Туман с немецкого, он так называл прозвище этого шпиона. Просто дело в том, что английское слово Mist на немецком звучит, как «дерьмо», вот Ланге и произнёс прозвище на другом языке.

Ну и память, чего только не вытворят.

— Надо же, новые технологии, — я, а вернее тот человек, чьё воспоминание я видел, взял телефон и ввёл код. — А я думал, ты отстал от жизни, Ланге.

— Не могу себе такое позволить. Надо идти в ногу со временем.

На экране появилась сумма — 5.0 BTC, а Ланге кивнул.

— Маловато будет, — произнёс голос Тумана.

— Тебе надо сменить подход, Небель. Никаких «Мерседесов», пентхаусов и грудастых блондинок. Сейчас это слишком бросается в глаза. И я дам тебе список надёжных контактов, у кого можно обналичить криптовалюту. Сам понимаешь обстановку в России, сейчас с этим сложно.

— Разберусь, старик. Но номера давай.

* * *

Да уж, воспоминание было такое подробное, будто я сам сидел. Но сумма на экране моего телефона сейчас была другой — 0,87 BTC.

Это биток? Биткоин?

У меня аж вспотел лоб, а в груди ёкнуло. Я снова глянул на окно, убедился, что оно закрыто. Это сколько же бабла?

Сначала даже возникло огорчение, что этот хренов Туман

прогулял 4 битка с лишним всего за несколько месяцев! И второе — что биткоин резко падает в стоимости аж каждый день.

Но затем пришло другое осознание: я столько бабла в жизни не видел. Даже с учётом того, что биткоин дешевет, это всё ещё гора денег для меня.

Хотя на квартиру не хватит, ведь по курсу это было около 4 миллионов рублей, а жильё сейчас стоит сильно дороже. Зато хватит погасить кредит, купить мебель, нужные вещи и...

Сразу другая мысль — так просто их не получишь, и это главный барьер. У нас в стране что-то покупать за криптовалюту запрещено, из-за санкций недоступно множество бирж, а если торговать на доступных, то живо обнаружишь себя.

И тем более обнаружишь, если будешь выводить проданное на свою карту. Банк задаст вопросы, откуда у сироты такие деньги, и заблокирует счета.

А если про это прознает майор Холодов, то он догадается, что это деньги шпиона, и в следующий раз таким вежливым не будет. Нужен другой способ их получить.

— М-да, — пробормотал я и пошёл помыть лицо холодной водой.

Освежило, мысли стали трезвее, чётче. Пока вытирался полотенцем, продолжал думать, что с этим делать.

Мне досталась не просто память и навыки, а ещё и деньги в придачу. Причём я понимал, что могут быть и другие сред-

ства, память о которых мне ещё недоступна. Но даже этого бы мне хватило, имей я к ним доступ.

Я как тот мужик, в книжке, которую я читал в тринадцать лет. Тогда я много читал, правда, в это мало кто верит.

Этот мужик нашёл на необитаемом острове сундук с золотом, но не знал, как с ним быть, ведь потратить там их было некуда.

Но потом он придумал, что делать, вывез, а потом разбирался с теми, кто ему навредил в молодости.

Ну, мне-то мстить никому не надо, как графу Монте-Кристо, а вот с деньгами такая же ситуация. Пока не знал, что делать, а если кто-то о них узнает, будут проблемы. Ничего легально не купишь, без следа не выведешь, если только...

Я глянул в свои записи, которые только что делал. Тот ник, записанный шпионом на портрете в своей памяти так, чтобы его запомнить. Туман к нему обращался раньше, в памяти как раз что-то шлохнулось. Он брал небольшие суммы, потому что это было удобно и быстро.

И он считал, что это безопасно, ведь суммы были обычными, и барыга никогда не задавал лишних вопросов. А крупные суммы обналачивал иначе, но тут память не подсказывала совсем ничего.

Взял свой телефон, нашёл этот контакт снова, хотел писать сразу. Нет, передумал, сначала проверил свои настройки, что мой номер не виден, и нашёл, как создать секретный чат, который легко удалить.

Затем подумал ещё. Если к нему ходил шпион, то вариант для получателя и правда может быть безопасным. А может быть, и нет. Туман же в итоге попал в засаду...

Но он провалился, потому что отмахнулся от предложения Ланге и начал шиковать. Ещё бы, шестисотый «Мерс» в наших краях, ещё и совсем новый, когда цены на иномарки стали совсем какими-то неадекватными.

— Да уж, — я лёг на диван, забросив ноги повыше.

Можно забыть все эти воспоминания, деньги, и думать, где взять пять тысяч на кредит уже завтра, чтобы не было просрочки, а то там опять начнут названивать коллекторы. В прошлый раз едва отбил.

Знакомых, кто даст столько в долг, у меня нет. Вернее, некоторые дадут, но там надо унижаться, а этого я делать не собирался никогда.

А курс биткоина сейчас совсем нестабильный. Сегодня он один, а завтра может как резко скакнуть вверх, так и грохнуться в самый низ, и всё это превратится в бесполезные цифры.

Надо осторожно проверить эту возможность, а не забрасывать.

А как бы поступил Туман, он же Мист, он же Небель? Вернее, как он уже поступал?

И в голове сразу сложились правила предосторожности — встреча в людном месте, но без личного контакта. Надо проверять хвост и слежку, не попадаться на камеры, но и не из-

бегать их совсем, это будет выглядеть очень подозрительно.

И надо выбрать такое место, где знакомые не удивятся, увидев меня вечером.

Открыл на телефоне карту города и сразу нашёл такое место.

А после...

Я написал мужику в чат.

«Нужен обмен».

Именно так, а не иначе. Будто знал, как надо. Ну да, ведь Туман пользовался этим контактом.

Этот суперсоник, чел с кринжовым ником, ответил через три минуты.

«Место?»

«Торговый центр Зенит, — начал набирать я. — Третий этаж, фудкорт. Упакуйте обычную сумму и пять сим-карт в бумажный пакет от любой из местных фастфудных, оставьте на столике и уходите. Я заберу сам».

Про сим-карты написал автоматом, даже не думая. Ладно, пусть будут. Не со своего же номера звонить в дальнейшем.

«Когда?»

«Через час».

«Оплата авансом, как и раньше», — предупредил он и скинул номер кошелька.

Я просто проверю. Не буду подходить, тем более, мужика узнаю сразу, а он меня не видел никогда. А если что-то заподозрю, то просто уйду.

Это будет стоить мне примерно 0,05 битка, потому что курс у мужика совсем другой, более дорогой, но у меня останется достаточно денег. Просто толку от них без возможности ими пользоваться?

Цена проверки на фоне оставшегося — мизер. Зато если пойму, что это рабочий способ, я выиграю намного больше, и эти цифры на экране перестанут быть просто цифрами. Они станут настоящим баблом.

И хочется, и колется, и мама не велит, как шутил папа. Он знал много таких фразочек, я постоянно над ними ржал, даже не понимая половину.

Он был мент, опер. Он бы выяснил, кто это такой. И понял бы, как действовать, а не ждал бы, что будет дальше и будет ли вообще. Провёл бы разведку боем, но оставив бы себе мосты для отступления.

Я начал одеваться для вечерней прогулки. Надо сделать всё побыстрее, чтобы ещё раз почитать лекции перед сном.

Сначала подумал, как лучше замаскироваться. А после решил, что лучшая маскировка — это мой собственный вид. Молодой парень вечером в торговом центре никого сейчас не удивит. С девочкой якобы пришёл встретиться, или кроссовки выбрать, которые со стипендии куплю. Даже померю их для вида.

Никаких тёмных очков, кепок и поднятых воротников. Должен выглядеть собой. Тогда сработает. Ведь у меня такая маскировка, какой у Тумана быть не могло — совсем другое

тело.

* * *

Раньше любил так посидеть за столиком на верхнем этаже торгового центра на фудкорте, заказать какой-нибудь курочки с острым соусом и съесть.

Но сейчас не тянуло совсем, уже наелся дома. А в голове даже крутилось, как можно пожарить курочку похожим образом, но так, чтобы стало намного вкуснее. Вот завтра и сделаю, если всё будет отлично.

Есть не хотелось, но сидеть совсем без еды тоже не вариант, так что я взял кофе из автомата и булочку с повидлом, потратив на это часть оставшихся денег, и сидел, делая вид, что листаю телефон.

Сидел, как ни в чём не бывало, но внимательно оглядывал зал. Я не знал, как выглядит этот мужик, но думал, что узнаю сразу. У Тумана отличная память на лица, и я вспоминаю тех, кого он когда-то видел.

В голове сразу возник образ какого-то небритого толстяка в тёмных очках и с усами, с небрежной причёской и плохо зачёсанной лысиной, одетого в мешковатую спортивную куртку.

Но когда показался лысеющий толстый мужик в пиджаке, выбритый и в обычных очках, а не в тёмных, ещё и с кожаным портфелем в руке, я сразу понял, что это он. Узнал, видя его впервые, но Туман с ним раньше контактил точно.

И в голове сразу родилась новая мысль. Раз Туман был

шпионом, то он что-то затеял в городе, и мне стоит знать всех, с кем он пересекался. Возможно, этот мужик, севший за стол, просто барыга, скупающий крипту, но, возможно, что это пособник.

Стоит знать всех. Так и мне будет безопаснее, на случай, если кто-то решит отследить последние часы жизни Тумана. Тот же Ланге, про которого память ничего толком ещё не говорила.

И пригодится на случай, если Туман устроил какую-нибудь пакость, и я о ней вспомню. Вдруг, что-то серьёзное он тут учудил? Это же может быть не просто шпион, а какой-нибудь террорист с серьёзной подготовкой, и он что-нибудь придумал, что потом может выйти всем боком.

— Дядя, ты не лопнешь? — тихо спросил я сам у себя, наблюдая за целью.

Цель заказала два бургера: один огромный двойной и один поменьше, большой молочный коктейль, ведро куриных ножек, крылышек, стрипсов и штук пять разных соусов.

И всё это он жадно поглощал, но в какой-то момент отвлёкся, поставил перед собой бумажный пакет и положил туда маленький бургер, а большой принялся доедать.

Надолго бургера не хватило, мужик вытер губы и руки салфеткой, тяжело поднялся и собрался идти на выход. На столе оставались смятые бумажки, недопитый коктейль, остатки курицы в ведре и тот самый пакет, куда он положил маленький бургер. В нём уже что-то лежало.

Ну а я наблюдал за окружением. Пока всё было чисто.

Появилось два мента, но они прошли к автомату самообслуживания и начали в него тыкать, один громко смеялся. Мимо прошёл высокий парень с телефоном и гарнитурой в ушах, но он болтал с девушкой.

«Нет, ты первая клади трубку», — прочитал я по его губам, но сам парень при этом устало закатил глаза.

Вроде чисто, но...

— А ты-то куда? — тихо прошептал я.

Мимо прошёл бомж, и вот он оказался главной угрозой для меня.

Потому что он подошёл к мужику, который собирался уйти, и протянул руку за пакетом. Мол, дай доесть остатки.

Тот заметно удивился. Но... отдал ему пакет.

Ну здравствуйте! Мужик подумал, что это так маскируется шпион, и отдал пакет с бургером и деньгами ему!

Я чуть было не кинулся разбираться, но... стоять!

Никто не подбежал его арестовывать, никто не докладывает о том, что появился объект, ничего не происходит, всё вокруг так, будто ничего и не случилось. Да, теперь вижу точно, никакой засады нет и не планировалось, никто об этом не узнал. Но предосторожность лишней не бывает.

Бомж поблагодарил мужика, ведь мало кто спокойно отдаёт недоеденный ужин, сел за освободившийся стол и начал есть, но в глубины пакета он пока не лез.

Ел смакуя и не торопясь, явно наслаждался вкусом. До-

ел куриную ножку, обмазав её красным соусом, попробовал стрипсы, допил молочный коктейль через трубочку.

Он явно наслаждался текущим моментом и глодал кости так, будто сидел в дорогом ресторане с тремя звёздами от Мишлен и ел изысканные деликатесы.

Посетители начали на него оглядываться, персонал на кухне заволновался.

А я пошёл к нему, пока не вызвали охранников, тем более сегодня внизу работает крайне вредный тип.

— Добрый вечер, — вежливо сказал я.

Седобородый мужик поднял на меня опухшие глаза с большими мешками под ними.

— Здравствуйте, юноша, — неожиданно интеллигентным голосом сказал он и достал из пакета бургер, обёрнутый в бумагу.

Там осталось что-то ещё.

— А можно я возьму? — я показал на пакет.

Но пока бомж удивлялся неожиданной просьбе, я быстро добавил:

— Да туда мужчина буклетик положил из коробки, а смотрите, там акция, — я показал плакат на стене. — Если наклейку проверить на сайте, то могут дать промокод на скидку. А вам зачем промокод?

— Промокод?

— Ну, акция же, промокод на халяву! — добавил я немного восторга в голос.

Он задумался, наверняка думая всякое. Ну и пусть, мне это и надо.

— Молодой человек, — бомж с печалью в глазах посмотрел на меня. — Вы мне не поверите, но когда-то я был директором крупного инвестиционного банка, вот только моя жизнь с тех пор круто поменялась. Зато я тогда выучил важный урок и хочу вам его поведать: если вы будете верить во все эти акции, лотереи, спецпредложения и прочие способы честного отъёма денег у населения, то рано или поздно вы окажетесь на моём месте.

— Ого, — протянул я. — Так можно взять? А я вам вот, это дам, — я показал на недавно купленную булочку.

— Вот молодёжь пошла, — он протянул пакет мне. — Отказываетесь от реальных ценностей ради мнимых, — бомж взял булочку и могучим укусом откусил половину.

— Охрана идёт, — предупредил я, глянув в коридор.

— Понял, удаляюсь.

Он скидал всё в карманы своей бесформенной куртки грязно-зелёного цвета и пошёл на выход, жуя булочку на ходу. Прошёл бомж как раз рядом с двумя блондиночками с накачанными губками, которые делали фото для соцсетей. Обе наморщили носики, когда он попал в кадр, ещё и улыбнулся.

А я убрал пакет в рюкзак. В пакете что-то лежало, увесистое, но при всех я смотреть не стал. Теперь надо уйти.

Хвоста не было, никто не следил, никому нет дела до этого

места.

Но на одного знакомого я нарвался. У входа в торговый центр стоял Андрей Петрович Званцев. Он был опером в нашем районе и постоянно ходил ко мне, думая, что я что-то украл.

В прошлом году он вышел на пенсию и устроился охранником, теперь сидел в костюмчике на стуле у входа в такой позе, будто пустил корни, и гадал кроссворды, при этом разыскивая правильные ответы в интернете. Зато потом можно хвалиться, какой эрудированный.

Первый раз я спокойно прошёл мимо, и он меня не заметил, но сейчас, когда упустил пробравшегося в торговый центр бомжа, спокойно слинявшего через главный вход, решил отыгаться на мне.

— Лебедев! — окликнул он меня. — Надо же. А чё у тебя вид такой хитрый? Ну ты точно что-то своровал. Давай-ка показывай свой рюкзак.

— Что-то я не понял, Андрей Петрович, — я остановился и посмотрел ему в глаза. — А вам чего надо?

— Чё ты не понял, Лебедев? — набычился охранник.

— Ксиву вашу покажите, товарищ капитан, — я подошёл к нему ближе.

Он этого не ожидал, но остался на месте.

— А, нет у вас больше удостоверения? — напирал я. — Тогда на каком основании вы собираетесь устроить обыск?

— Ты попутал чё-то, Лебедев? — Званцев наклонил го-

лову вперёд.

— А не вы ли попутали? На каком основании обыск? Вы простой охранник, Званцев. Вызывайте наряд, если есть основания. Но они ничего не найдут, а я потом напишу заявление за незаконное задержание. И его примут, у вас там осталось много «друзей», кто будет рад заняться и подгадить, раз вы теперь на вольных хлебах.

— Ну ты... — он подался назад, не ожидая таких слов от меня.

— Но вас выпнут ещё раньше, — я кивнул на его место и столик с газеткой. — Вместо того, чтобы работать, вы кроссворды гадаете. Собственник наверху уже возмутился, что там бомж ходил. Звонил даже кому-то.

Званцев шумно выдохнул через нос, но он и сам понимал, что больше не мент и какой геморрой ему может светить, если я и правда захочу устраивать ему проблемы. Старые знакомства тут не помогут, ведь в полиции характер у него был не сахар, и недруги остались.

Это всё знал я сам, но с новыми навыками легко всё это сопоставил.

— За вами детдомовскими глаз да глаз нужен, — пробормотал он. — А то вечно что-нибудь, да пропадёт...

— И что именно пропало из-за меня? — оборвал я.

Охранник что-то пробормотал, но так и не вспомнил, и отошёл на своё место. Кроссворды не взял.

Привык докапываться, даже после того, как ушёл из орга-

нов. Но фиг ему, а не смотреть мой рюкзак.

Я вышел, поёжился от холода, но отошёл дальше, за киоск с шаурмой, чтобы проверить, нет ли в пакете жучка. И что, собственно, там вообще было.

Глава 8

Я заглянул в пакет, закрыл, огляделся и заглянул туда ещё раз. После пошёл дальше, убрал пакет в рюкзак, а замёрзшие руки в тёплые карманы.

Видел это всё, как будто сфотографировал и положил фото в тот самый дворец, приклеив его к стене, так что ещё раз туда смотреть не требовалось. Красивые голубые купюры, не совсем новые, разделённые на две равных пачки.

Итого ровно двести тысяч, если сами пачки не куклы. Двести тысяч я вживую видел, вернее, видел на счёте, когда мне переводили соцпомощь, но наликком никогда столько не держал.

По правде, я вообще редко расплачивался наличными, куда чаще держал всё на карте и платил уже ей — кешбэк ведь. А теперь в сумке за спиной была пачка бабла, а на кошельке в телефоне во много раз больше.

Кроме того, были ещё сим-карты в отдельном кейсе. Без документов, без всего, просто симки. Надо бы их проверить, вдруг пригодятся.

Но пока надо понимать одну вещь. Если менты это увидят, то подумают, что я это всё украл. Они все так думают, даже бывшие, сам вот только что от Званцева отбил, а тут точно будут в этом уверены. И про симки, и про деньги.

И всю сумму целиком на карточке размещать не стоит,

ещё докопаются, банки нынче звереют. Тогда мне заблокировали карточку на три дня из-за небольшого перевода однокласснику, в то время как владельцы киосков шаурмы или водители маршруток принимают на свой счёт десятки таких переводов в день, а их трогают редко.

Ладно, будем платить наличными. Но на кредит на один платёж закинуть можно, такую мелочь они не считают.

Я проверил ещё раз, что никто не следит, и пошёл на автобус, включив музыку:

— Я бычок подниму — горький дым затяну
Покурю и полезу домой...

Но у меня сейчас не так всё плохо, как в песне Сектора Газа. Даже наоборот.

Способ снятия работает. Этот мужик мог приходить на встречу хоть каждый день, но суммы, которые он приносил, не должны превышать двести тысяч. Но каждый день так встречаться рискованно, он меня рано или поздно приметит, что я вечно трусю там в моменты обмена, и запомнит. И мало ли, когда это выдаст.

Но при необходимости могу пользоваться, пока не найду другой способ, как получить всё что осталось.

По уму надо потратить часть запасов, обменять на более стабильные USDT, но что-то оставить и в битке. Кто знает, какой курс будет завтра. С криптовалютами никогда не бы-

вадет понятно, но ясно, что нельзя все яйца держать в одной корзине.

Это я и без шпиона понимал, просто раньше денег не было, чтобы куда-то их откладывать.

Ну а по пути домой не удержался и зашёл в магазин. Вот сейчас-то глаза разбегались от разнообразия товара на полках, и хотя многие вещи из этого я никогда в жизни не ел, сегодня точно попробую.

Сладости не нужны, а чёрная икра — слишком подозрительно, особенно когда в отделе с овощами бродит участковый Пахомов, тот сразу заподозрит неладное. Ещё и кассирши нажалуются, они на меня постоянно косятся.

Да и не особо мне хотелось это пробовать. Я и красную не любил, хотя всего раз ел, в детстве, когда бабушка намазала маслом хлеб и выложила сверху кучу икры. Я тогда не оценил лакомство.

Просто шпион бы сейчас набрал любимых деликатесов на всю сумму, ведь он любил шиковать. Впрочем, немного расслабиться и отпраздновать недавнее второе рождение можно и мне.

Так что бутылочка оливкового масла, ещё пара пачек сливочного, оливки и вяленые томаты направились в мою корзину, как и аргентинские креветки, ну и сыры, в сторону которых я раньше даже не смотрел. И яйца, без них никуда.

Ну и зелень, конечно. Ну а из фруктов взял виноград и яблоки. Ну и лимон, нужный для готовки. Бутылку вина ещё

хотел взять, для соуса на спагетти, но время позднее, алкоголь уже не продавали.

Надо бы ещё посуду обновить, а то на текущей особо не разгуляешься, но это потом. Посмотрю, что продают в интернете.

* * *

Утром проснулся раньше обычного. Переел вчера, это точно.

Но несмотря на это, чувствовал себя свежим и выспавшимся.

Наточил нож о дно кружки, на завтрак приготовил то, что в памяти называлось яичным скрэмблом, хотя больше это походило на омлет, как его готовил отец — просто перемешивал его во время готовки, пока не получалась однообразная густая масса.

К нему поджарил немного хлеба, украсил зеленью и добавил вяленых томатов для вкуса. Ещё оставалось несколько холодных креветок, зажаренных вчера в чесночном масле, огромных и вкусных.

Их греть опасно, могут превратиться в резину, так что я их мелко порубил в яичницу. Ну и заварил купленный кофе в кружке, хотя без турки вышло долго и не очень удачно.

Поел и подумал, что хоть в ресторан устраивайся на полставки. Не, студента до готовки не допустят, только мыть полы или таскать готовые блюда по адресам.

Да и не тянуло меня туда. А вот другой нож, сковороду и

посуду надо взять точно.

Всё это время хотелось взять телефон, врубить видос и пялиться, пока не пойму, что опаздываю. Но пока голова свежая, надо этим пользоваться, а не забивать её лишним, потом будет сложно на чём-то сосредоточиться. Так что полистал лекции, освежил прочитанное вчера в голове.

Если сказать грубо, я пытался воспользоваться методом этого Тумана. И представил себе, будто бы затащил тележку электровоза и колёсные пары прямо в тот самый дворец и составил это всё у картины, а на роскошные стены развешал плакаты из учебного кабинета.

Выходило грубо и мутно, запоминалось всё плохо, голые цифры без образов помнить сложно. Но уже есть, с чего начинать. Выйдет и остальное.

После я разложил деньги на три кучки. Двадцатку отложил сразу, на всякий случай, вдруг понадобится, так что пусть лежит. Вдруг, этот супер-соник попадётся ментам, а другого способа снятия денег у меня пока нет.

Большую часть сложил на то, что мне обязательно нужно оплатить в этом месяце: кредит, коммуналка, еда, проезд, ведь иногда ездил не по проездному или приходилось брать такси. Ещё надо купить посуду, новое бельё, какие-то вещи для себя, а не ходить в старом.

Оставшееся уже для меня, там немного, но уже больше, чем обычно.

После начал собираться в институт.

* * *

Поехал в институт на автобусе, но вылез на остановку раньше.

Во-первых, хотелось пройтись по свежему воздуху по только что выпавшему снегу, ещё не засыпанному солью.

Во-вторых, по дороге был круглосуточный банкомат, к нему я и направлялся.

То, что я закину на карточку пять с лишним тысяч, вопросов не вызовет, а платёж по кредиту погашу. Глядишь, потом и целиком закрою эту кабалу, чтобы не отвлекаться. Пока же только один платёж внесу, чтобы не было вопросов.

В тесном помещении с прозрачными дверьми уже стояла очередь. Несколько таджиков и узбеков, один из них в оранжевой жилетке местной управляющей компании, ждали, когда бабушка снимет пенсию. Они здесь всегда, чтобы закинуть заработанный налик на карту, а потом отправить всё это домой.

Ещё здесь была пара студентов из моего института, эти точно хотели снять немного налика для автомата со сладостями и с кофе, который стоял в институте (он до сих пор не принимал карты). Сам я к нему обычно не подходил, но рядом с ним всегда тусовался народ.

Одного я знал и кивнул Ваське, парню в очках с параллельного потока вагонников. Мы с ним летом играли в футбол, иногда общаемся в столовой. Он кивнул в ответ и продолжил смотреть видос.

— Смотри, Вадя, какой охреневший тип, — показал он.

— Вообще шиза какая-то.

Кто-то снимал на телефон молодого парня в дорогом пиджаке, который выступал на собрании. Судя по виду всех присутствующих, это какие-то айтишники.

— Ну знаете, гайс, — говорил этот парень в пиджаке, натужно добавляя британский акцент. — Времена сейчас тяжёлые, поэтому на собрании акционеров было принято решение дропнуть часть штата. Так что мы вас сокращаем, пипл.

Толпа загудела, кто-то начал спрашивать про Трудовой кодекс, другой начал угрожать трудовой инспекцией и прокуратурой.

— Можете сидеть два месяца и ждать свои три оклада, — продолжал парень. — Или можете написать по соглашению сторон. Получите полтора оклада, но зато без отработки и геморроя.

Толпа загудела громче, но парень будто этого ждал и хитро заулыбался.

— Но предупреждаю, что эти два месяца отлынивать не выйдет. Такие КРІ у вас будут, что сами прибежите писать по собственному. А для особо крикливых напоминаю — мы обязаны передавать все данные в военкомат, и про ваши не забудем точно. Так что, гайс, ничего личного — джаст бизнес...

— А это что за клоун? — спросил я, когда видео закон-

чилось.

— Да у меня брат в эту фирму устроился, меня звал, — рассказывал Васька, убрав телефон. — Айтишная компания, развивает нейросети. Мне даже оффер сделали, джуниором взять хотели. Но их тут недавно купила «Корнеев групп», та самая фирма.

— Никогда не слышал, — я пожал плечами.

Хотя узнавание всё же было. Какой-то айтишный гигант. Причём узнавание было не из моей памяти, а будто бы о них что-то знал Туман.

— Типа обещали не вмешиваться во внутренние дела фирмы, — продолжал Васька, — ещё обещали никого не увольнять. А через неделю пришёл сынок генерального и всех гнать начал. А кто не ушёл, тех работой завалили.

— Жесть, — протянул я.

— Он в Лондоне жил, и сюда приехал всех жизни учить, — пробурчал Васька. — Мне папа тогда реально базу сказал, что учёбу бросать не надо, а то бы сейчас опрокинули. Рофл, конечно, был бы.

Очередь сдвинулась, я приготовил денежку, вкинул на карточку и прямо там, в помещении, открыл банковское приложение и погасил.

— Спасибо за своевременное внесение платежа, — тихо прочитал я вслух.

А если бы не успел, приехали бы бородатые дядьки и начали намекать, что надо заплатить как можно быстрее.

Думаю, в этот раз я бы нашёл, что им сказать, но можно сделать куда проще и закрыть эту дрянь. Потом с концами погашу.

Фу-ух, одной проблемой меньше, и это отлично. Теперь пересдача. Сдать бы сегодня, сразу бы легче жить стало.

И тут к банкомату подошёл мой сосед этажом ниже.

Пожилой Геннадий Иванович, отставной военный, сегодня очень бледный, медленно достал карточку, а потом уставился на меня. Опять будет нудеть. Или ещё решит, что я его грабануть хочу, и полицию позовёт.

Он пьяный? Вид у него странный.

— Это ты? Парень, ты мне объясни, а то я не понимаю, — сразу начал он, вытирая пот со лба. — Мы в этом доме жили себе спокойно... пока вас не заселили.

— Я место не выбирал, — сказал я.

— Теперь бычки валяются, пиво пьют, лампочки все разбили, — продолжал он, даже не слыша. — В подъезд входить страшно... я внуков каждый день снаружи жду, чтобы одни не заходили, вдруг...

— Это я мусорю? — спросил я. — И разве я к вашим внукам подходил?

— Да не в этом дело, — продолжал сосед. — Музыка ещё слушаете...

— Я не слушаю. И сегодня ночью же тихо было, да? Я поговорил, чтобы не врубали на всю катушку.

— Да, но... — он тяжело вздохнул.

Дыхалка у него что-то слабая сегодня. Странно, обычно он по лестнице бегом поднимался даже в своём возрасте. И потеет ещё так странно. Причём перегаром не пахнет.

— Эту систему мне терпеть уже надоело, и у вас...

— А у вас что с лицом?

Я принюхался. Нет, точно не пьяный. Но лицо серое, как бетон. И губы синюшные. А он, похоже, подумал, что я хочу его подколоть в молодёжной манере, и нахмурился.

— Нормальное у меня лицо. Вы все добьётесь, я вот пойду писать на вас всех... — он потёр грудь в центре.

— Колет? — спросил я. — Левая рука немеет?

Почему я это спрашиваю? Но в голове уже сложилось понимание, что с ним.

— Ты откуда знаешь? — с испугом спросил Геннадий Иванович. — Тебе вообще какое дело?

— Мне? Никакого. Вот только все скажут, что это я вас довёл до инфаркта. А у вас все симптомы на лице написаны. Ещё и рука немеет. Инфаркт у вас вот-вот будет.

— Да не, — он начал потеть ещё сильнее, но в глазах уже появилась паника.

— В скорую звоните, — сказал я.

— Да пройдёт сейчас, — испуганно пролепетал он, будто уговаривал сам себя. — У меня хондроз, просто руку отлежал, на левом боку спал...

— Не пройдёт, — заявил я. — Вернее, пройдёт, но не так, как вы хотели.

Я заставил его сесть, а сам позвонил в 112, вызвав скорую.

— Да нормально всё, — пытался спорить сосед. — Просто посидеть...

— Хреново всё. И не спорить, майор. Вертолёты уже на подходе, — добавил я фразочку из одного фильма.

Приехавшая скорая упаковала его без лишних слов, и, похоже, вызвали их очень вовремя. Запомнил его взгляд, которым он смотрел на меня, пока не закрыли дверь машины. Кроме паники там было удивление, наверное, что я помог, а не бросил умирать.

Я и сам удивился, что узнал симптомы, но с памятью Тумана это неудивительно, что он помнил и знал такое. А Геннадий Иванович — мужик упрямый. Скорее всего, он бы упрямылся до конца и точно не стал бы вызывать скорую до последнего момента, а потом стало бы поздно.

Глядишь, вспомнит, когда потом решит какую-нибудь жалобу писать.

Проводил скорую глазами, посмотрел на отцовские часы и быстрым шагом пошёл в институт. Времени уже мало...

Даша стояла у расписания, делая вид, что смотрит телефон. При виде меня она старательно сделала вид, что не замечает. Будто думала, я всё равно подойду и буду упрашивать куда-нибудь сходить или пытаться пообщаться.

Я прошёл мимо, поздоровавшись так, как здоровался с любой одноклассницей.

Похоже, её это начинало раздражать. Но я поднялся в

аудиторию, попутно вспоминая всё, что знаю о колёсных парах и прочем.

Надо же развивать свою память, а не только пользоваться чужой.

— Вадим, — улыбающаяся Маша протянула мне папку с бумагами. — Всё готово.

— Ты лучше всех, Маша, — в ответ я отдал ей шоколадку, полученную вчера от соседки.

— Ты же вчера давал, — удивилась она.

— Это был аванс.

* * *

Прошло ещё несколько пар, затем физра, после которой я тщательно вымылся в душевой, сменил футболку на белую рубашку и спустился на первый этаж.

Пора начинать пересдачу.

— Вадим, — Игорь Семёнович Кашин сидел за столом. — Тебя-то я и жду сегодня. Давай всё сюда.

Он протянул руку. Но это меня не обманет, он всегда брал зачётку и лист допуска, но потом возвращал без подписи.

А кабинет у него обставлен хорошо.

У стены стояла колёсная пара с тяговым электродвигателем, причём двигатель был местами разрезан, чтобы можно было осмотреть внутренности. В стороне висела автосцепка СА-3, исправная, которую можно было измерять и проверять замок.

Ещё был уменьшенный макет электровозной тележки,

стенд с краном машиниста, и огромное количество схем и плакатов.

— Если бы вы преподавали в танковом училище, Игорь Семёныч, — пошутил я, — здесь бы стоял танк в разрезе, да?

— А я как раз служил танкистом, — отозвался препод с весёлой усмешкой. — Механиком-водителем Т-72. А потом устроился в депо. Давайте к делу. Вот ваш любимый инструмент, Вадим. А второй вон там.

На стол Кашин положил измерительный шаблон для замеров колёсной пары, металлический, покрытый машинным маслом, чтобы не заржавел. Был ещё один шаблон, большой, для замеров автосцепки, стоял у стены.

— Давайте-ка сначала расскажите все замеры, а потом покажете напрямую.

— И вы мне поставите оценку? — спросил я.

— Ну сначала покажи, а там посмотрим.

— Да хотелось бы конкретно знать, — настаивал я.

— Сделаешь все замеры и расскажешь показатели верно — поставлю тройку, — сказал он. — Ошибёшься — будешь ждать комиссию, а её сдавать будет сложно.

Ещё бы. Ведь в ней будет декан, а он, говорят, не против отчислить какого-нибудь бюджетника, чтобы на его место пропихнуть кого-нибудь другого по-тихому, за вознаграждение.

— Всё просто, — препод развёл руки в стороны. — Идёт?

— Идёт.

* * *

В это же время. Брюгге, Бельгия...

Уже с раннего утра на площади у собора Синт-Сальваторе было много туристов, разглядывающих внушительную каменную постройку. Но мало кто из них отваживался подняться на высокую башню собора, ведь наверх вело слишком много ступенек. Не каждый американский турист выдержит туда подъём.

Мимо них прошёл мужчина с седой бородкой, одетый в чёрное пальто. Он быстрым лёгким шагом пересёк площадь, обошёл запряжённую карету, ожидавшую богатеньких туристов, и сел за столик в кафе неподалёку.

Сел у окна, откуда видно собор, но на него не смотрел.

— Принесите мне один двойной эспрессо, — на нидерландском, но с местным фламандским диалектом произнёс он молодому официанту. — С молоком, но без сахара.

— Но вам же нельзя кофе, — на английском ответил официант. — Вы от него становитесь слишком невыносимым, господин Ланге. И у вас от него лицо краснеет.

Пожилой мужчина с удивлением на него посмотрел и покачал головой.

— Как тебе удаётся так маскироваться, Зеро? Даже я тебя никогда не узнаю.

— Большой опыт, — отозвался тот, а приветливое лицо тут же стало равнодушным и неживым, как маска.

— Что тебе нужно?

— Я слышал, у вас проблемы, — начал Зеро на немецком и сел напротив. — Большие проблемы с вашим протеже.

— Много знаешь.

Ланге огляделся, но посторонних рядом не было.

— Знаю, что Mist...

Зеро так и сказал — Mist. Причём говорил на немецком, чтобы это прозвучало не как «Туман», а как «Дерьмо».

— ...провалился. И что его вообще сжёт упавший высоковольтный кабель. Гибель, достойная того, чтобы это показали в Бондиане.

— Так вышло, — сказал Ланге. — Тебе-то что нужно?

— Отправьте туда меня. Я справлюсь лучше него.

— В Россию? — спросил пожилой и заговорил на русском, глядя на собеседника: — Ты не вывезешь, шкет. Там ты полный ноль.

— Я отлично в этом разбираюсь, — усмехнулся Зеро и продолжил на русском: — Прими таблетки, дед, как говорит тамошняя молодёжь. Я везде могу быть своим. Тем более, вам нужен новый резидент в том месте. Ведь дело не стоит, а «Периметр» всё ещё действует.

— Ты-то откуда о нём знаешь?

— Это моя работа.

— Ничего ты не знаешь, — Ланге усмехнулся. — Просто услышал слово и пытаешься выдать что-нибудь из меня. Ладно, давай подумаем.

Он потёр виски.

— Туман запаниковал, начал допускать проколы, потом случился провал, — произнёс он, переходя на немецкий. — Но я так думаю: он что-то узнал и хотел выйти из игры. Хотя добытые данные он всё равно пытался передать, чтобы мы его не искали потом, но не успел встретиться с нашим связным. На месте его ждали люди из ФСБ.

— Можно пойти по его следу и выяснить детали, — предложил Зеро.

— Рискованно, ведь пока непонятна причина провала. Лучше подключить тех, кого он нанимал для грубой работы, а через них двигаться в нужную сторону. Он же снимал деньги, вербовал агентов, создал свою сеть! Он был нашим резидентом, чёрт его побери!

— И чем это поможет?

— Никто из его агентов не может знать всю картину целиком, но если допросить каждого, то можно будет составить общий план того, над чем работал Туман. В городе была группировка, которую он использовал, что-то могут знать они. И та компания ещё. Начать надо с них.

— Займусь. Но мне будут нужны деньги.

— Будет, сколько нужно. Только не провались, как Туман. Такое мы не простим, — сказал Ланге и поднялся, положив на стол мятую купюру.

Глава 9

Самое сложное в этом экзамене — замеры. Если параметры колёсных пар и прочей механики приходили на ум быстро, и я вспоминал их легко, а название самих узлов я запомнил давно и сам, то мерить шаблонами было сложнее.

Шпион Туман, скорее всего, в жизни даже не видел такой шаблон, не то, что держал в руках. А у меня самого было мало практики с этим. Но я старался.

А пока я мерил высоту гребня колёсной пары, препод Кашин заваливал меня вопросами, при этом что-то записывая в журнал.

— Угу, — протянул он, когда я ответил на очередной вопрос. — А в чём разница между опорно-рамным подвешиванием ТЭД и опорно-осевым? Угу... А что такое свободный ход автосцепки и какая у него норма? Угу... для чего нужны гасители колебаний? Так... минимально допустимая толщина тормозной колодки электровоза ВЛ-60? Это пассажир, если ты забыл... Угу...

Проблема была в том, что Игорь Семёнович никогда не говорил, правильно ты ответил или нет, а слушал ответы и только в конце выдавал вердикт.

Я измазал руки в масле, пока проверял замок автосцепки. Лоб вспотел, но я уже помнил, что руки грязные, и вытирать его нельзя, а то измажешь всё лицо.

— Так, прикрой меня, — вдруг сказал Кашин, подошёл к окну с подозрительным видом и закурил. — Обычно, я только при заочниках курю, но у меня уже все уши опухли...

С заочниками он и выпить мог на сдаче экзамена, это я знал. Но почти все заочники в нашем институте — уже взрослые мужики с большим опытом работы на железной дороге, и многие знают не меньше, чем сами преподаватели. Так что к таким студентам относились иначе. Хотя не все, конечно.

— Никому не сдам, Игорь Семёныч, — пообещал я, пока Кашин торопливо курил.

— Вот и славно. Наш человек, — он пару раз кашлянул. — На железке стукачей не любят, но при этом стучит каждый третий.

— Ого, — я удивился такой смене темы.

— Ну, как стучат? Сплетни там обо всех собирают, и попутно все косяки рассказывают, и начальство сразу в курсе становится. Ну, там такая специфика, — вдруг разоткровенничался он. — Депо — это что-то среднее между армией и тюрьмой, только оружие не дают, а вечером домой отпускают. Зато вокруг все начальники и все орут.

— Меня после детдома такие вещи не страшат, — сказал я и подошёл к раковине у стены, в этой аудитории он был.

Вода была только холодная, а мыла мало, я едва оттер масло.

Кашин вернулся за стол, а я следил за ним в зеркало. Пра-

вильно я отвечал или нет? А фиг его знает, никогда заранее не скажет. Даже внешне не выдаст, чушь ты городишь или даёшь грамотные ответы.

— А вообще, Вадим Саныч, — он взял мою зачётку с корочками зелёного цвета и открыл первую страницу, — ты сам знаешь нашу систему. Справедливость найти сложно, и у каждого свои интересы.

— Мне-то не рассказывайте, — я усмехнулся и проверил в зеркале, что на лице нет пятен грязи.

— У тебя же бюджетное место, а за них идёт такая грызня порой, даже после того, как человек устроился. У всех же есть родственники и знакомые, и все хотят устроить своего.

— В курсе.

— Но если будешь так готовиться всегда, никто не подкопается.

Он открыл зачётку на середине и начал туда что-то записывать. Я аж вздрогнул. Сдал!

— Только не расслабляйся, — Кашин захлопнул книжку и отодвинул подальше. — У нас ещё летом будет экзамен, и там будет сложнее. При этом и старое не надо забывать, я обязательно спрошу.

— А я уже и не забуду, — со смехом сказал я и открыл зачётку. — Я...

Ого! Нифига себе!

Последней записью слева неровным почерком преподавателя было написано название предмета: «мех.часть п.с.», а в

графе оценки стояла запись «отл.».

— Ничего себе!

— За такой ответ тройку ставить не могу, — он развёл руками. — Хотя ты ещё плаваешь в самых замерах, но хотя бы понимаешь принцип. Готовься дальше, у вас скоро будет большая курсовая работа, — Кашин сделал отметку в листе допуска и задумался. — Мне на обед надо, потом на пару.

— Да я сам занесу в деканат, — я взял листик. — Всё равно туда идти.

Я вышел в коридор, держа зачётку в руках. Мимо пробежал Лёша из моей группы.

— Сдал, Вадя? — спросил он, остановившись, как вкопанный.

— Ага.

— Трояк?

— Пятёрка, — с широкой улыбкой сказал я.

— Да ладно! Ничего себе! У Кашина пятёрка?! На передаче?! Чел! — обрадованно крикнул он, — беги за лотерейным билетом! Раз такая полоса пошла!

— А я уже выиграл, — я пошёл рядом с ним. — Но вчера, кстати, пришлось поговорить с одним бомжом, и он сказал, что если буду играть в лотереи, то скоро займу место рядом с ним.

Мы засмеялись.

Я спустился в подвал, где располагался деканат, а заодно и кабинет декана. К нему можно было пройти только через

методистов, которые выполняли роль его секретарей.

Дверь к нему была открыта, декан Василий Иванович Иванов сидел за столом. При виде меня он начал хитро улыбаться.

— Будет комиссия? — довольным тоном спросил Иванов.

— Ну, удачи, Лебедев.

— Не будет, у меня пятёрка, — сказал я и подал раскрытую зачётку методистке Ане.

Молодая методистка, ещё недавно закончившая учёбу, приподняла брови, но сделала отметку и положила зачётку в стопку на подпись.

— Поздравляю, Вадим, — тихо сказала она.

Василий Иванович, как тигр, бросился к ней, раскрыл зачётку и, явно не веря своим глазам, посмотрел туда, потом в допуск, сличая подписи.

— Дата на допуске не стоит, — он посмотрел на меня.

— Все такие, — отозвался я.

— Вы же сами говорите её не ставить, — с недоумением произнесла Аня. — Чтобы потом отчётность не переделывать.

— Всё равно нарушение, — неуверенно пробормотал Иванов и достал телефон, чтобы набрать номер. — Игорь Семёныч, а вы чё, Лебедеву пятёрку поставили? — в голове послышалась жалоба. — Пересдача же. Так по баллам же недобор у него... Ну, я знаю, что мы от Болонской системы отказываемся, но мы же... в смысле, за такой ответ тройку

нельзя ставить Но это же... отключился, — пробормотал декан, опуская смартфон.

Кашин, как я уже понял, Иванова совсем не боялся. Василий Иванович убрал телефон в карман и посмотрел на меня.

— Это всего один предмет, Лебедев, — сказал он. — Так что не расслабляйся.

— Если бы я расслаблялся, я бы уже вылетел, — я усмеялся.

Декан гневно свёл седые пушистые брови вместе.

— Ну давай проверим твои знания. Допустимый ползун на колёсной паре?

— Я уже ответил на все вопросы на экзамене. Но не более миллиметра.

— Плотность прилегания угольной щётки к коллектору?

— Не менее 70%, — вспомнил я лекцию по «электрическим машинам», — но это вообще другой предмет.

— Да какая разница? Это всё надо знать.

— Как какая? — я пожал плечами. — Тот предмет я уже сдал на четвёрку. Да и знаю же, раз ответил.

Иванов явно потерял настроение, и больше ничего не спрашивал. Наверное, он уже и сам не помнил большую часть всех этих параметров.

Возможно, декан и правда думал, что может посадить знакомого на освободившееся бюджетное место. Не вышло, так что Василий Иванович, бурча себе под нос, ушёл к себе, где напялил меховую кепку и дублёнку.

— Молодец, — шепнула мне Аня и улыбнулась.

— Спасибо, — так же тихо отозвался я.

Дверь приоткрылась, вошёл полный мужик лет сорока в кожанке с меховым воротником.

— Василий Иваныч, вы говорили, что к вам надо зайти, чтобы...

— Почему в верхней одежде?! — разорался декан и поправил кепку. — Куртки в гардероб надо сдавать! Ходите тут, сразу носите!

Он даже не то, что расстроился, он обозлился, вот и срывается на всех. Ну а я ушёл.

В ближайшие несколько месяцев будет попроще, и сегодня упал груз с души.

А как ещё? И сессию сдал, и деньги есть, и жить становится чуть проще.

Хотя всё равно своё место приходится выгрызать, да и учитывая новые навыки, кто-то может мною заинтересоваться. Но сегодня я сделал много важных дел.

На улице у остановки курил тот заочник, я встал рядом, ожидая автобус.

— Иванес сегодня злой, — с усмешкой заметил он, узнав меня.

— Иванес? Прозвище у него такое?

— Ага.

— Так-то он думал, что я экзамен завалю, а я сдал на пятёрку, — не удержался я и похвастался. Но настроение было

хорошим, хотелось поделиться.

— Молоток. Но это в его духе, вредный. Он же не хрен собачий, а бывший ревизор дороги — НЗ РБ, на! — мужик хмыкнул. — Вредный козёл и жадный. Взятки брал с машинистов пачками. Но попался, когда в депо свой «Крузак» загнал, чтобы бесплатно соляркой заправили. Халявщик, — он сплюнул. — Менты поймали, потом с железки уволили, он сюда устроился по блату. И там мне кровь пил, и здесь начал. Никак от него не отделаюсь, — он засмеялся. — Ладно, поздравляю, студент.

— Благодарю.

Вот ни капли не удивлён, что Иванов такой. И если Кашин был дотошный и порой вредный, но взяток никогда не вымогал и не брал, а заслуженные оценки ставил, то этот вёл себя иначе.

Но Иванов у нас ведёт один предмет в этом семестре. Ладно, будем готовиться и к нему.

— Домой, пора домой, — тихо напел я играющей в наушниках песне, садясь в автобус.

* * *

Я ещё вчера предупредил, что не приду на секцию, ведь думал, что буду в институте до вечера. Так что Толику сегодня придётся бить грушу. Зато она не даст ему сдачи.

А Наташа завтра придёт или нет? Надо бы к ней подойти, точно.

Но пока у меня свободное время, и раз я был в центре, то

зашёл в пару магазинов.

Сразу потянуло купить дорогущий японский поварской шеф-нож, который я будто видел впервые, но Туман явно держал такой в руках. Но это перебор, тем более, можно купить что-нибудь попроще, но не хуже качеством.

Нашёл швейцарский кухонный нож в одном из отделов. Он не цельнометаллический, зато лёгкий, и рукоятка удобная, а лезвие достаточно широкое и большое для шинковки продуктов.

При этом легко точить, а заточку держит хорошо. Ещё взял маленький той же фирмы, для чистки овощей, и керамический мусат для правки.

Конечно, по этой цене можно было взять целый набор из шести ножей, но эти два справятся со всем лучше, чем те шесть китайцев, вместе взятых.

Нужна и кухонная утварь для готовки. У меня была дома тефлоновая сковорода, но покрытие с неё уже начинало слезать, а это вредно. Поэтому взял тяжёлую толстую чугунную сковороду и нержавеющей сотейник с толстым дном для тушения и соусов.

А та кастрюля, что у меня уже была, вполне себе нормальная, новую брать не стал. Ковшик ещё был, вполне себе хороший, хотя я им пользовался всего раз, на днях. Кружка для чая была, зато взял одну тарелку для сервировки. Подумал и взял вторую, вдруг в гости кого позову. Ещё взял доску для нарезки, деревянную, а не пластик, лопатку и кисть для

смазки желтком.

Со всем этим попёрся домой, выложил покупки, и сходил ещё раз в магазин, купил курицы. Грудка там сухая, зато мякоть бедра с косточками в самый раз, её и взял побольше. Ещё кефира для маринада, муки и приправ.

Никогда бы не поверил, что буду ходить за этим в магазин. Ведь слишком привык за несколько лет, что всё готовое приносят в столовую в огромных кастрюлях, и самому ничего готовить не надо. Вот и не научился.

Ещё взял соду, что не делал никогда, ведь раньше даже не знал, для чего она нужна.

Потом ещё возьму целую куриную тушку для бульона и супов, но сегодня хотел сделать, как готовили курицу в фаст-фуде, только без литров прогорклого масла, а чтобы получилось легко и вкусно.

Когда возвращался, то на выходе из лифта увидел незнакомца в пуховике. Толстый мужик стоял как раз напротив моей двери. Я тут же глянул вверх и вниз, есть ли у него соборники, но он был один, и пока никто не показывался.

— Ты же Лебедев? — спросил он, заметив меня.

— А кто интересуется? — я внимательно посмотрел на него.

Черты лица немного знакомы, но я точно никогда его не видел. Зато точно видел его родственника.

— Да я в больнице был, — сказал мужик. — Батя говорит, ты скорую ему вызвал.

— А, понял. Вы сын Геннадия Ивановича?

— Ага, — он кивнул, но странным жестом, будто запрокидывал голову назад.

— И как он?

— Так чё, вовремя вызвал, инфаркт, но успели всё сделать. В реанимации пока лежит, но в себя пришёл. Ещё бы полчаса, и всё, кирдык ку-ку! — мужик дёрнул губой. — Короче, если чё надо — обращайся.

Так... тут уже начала шевелиться моя память. Так, сын Геннадия Ивановича к нему иногда приезжал, он же владел мебельным магазином.

Ну и раз помнит добро, то, надеюсь, не будет больше жаловаться на меня, что я не даю жить всему дому.

— Слушайте, — начал я. — У меня в квартире диван, но мне бы кровать хотелось подобрать. И матрас хороший. Качественный, чтобы не развалилось ничего.

— Ты по адресу, дерьма не держим, — мужик хмыкнул и оглядел меня. — Так, двуспалка, высота двести двадцать — норм под твой рост? Приходи завтра, выберешь кровать, скидку дам. А матрас...

Он задумался и молча ушёл, ничего не сказав.

А через полчаса, когда я уже начал мариновать курицу, прозвучал дверной звонок. Я выглянул и увидел того мужика. Открыл, и он подпихнул к двери скрученный матрас в упаковке.

— Держи, студент, — сказал он. — В счёт фирмы. Только

пусть сутки отлежится, а то кокос не распрямится.

— Благодарю.

Я притащил матрас в комнату, разрезал полиэтилен, и он развернулся. Распрямляться будет долго. Ортопедический, средней жёсткости, с кокосовой койрой одним из слоёв. После продавленного дивана спать на нём будет в кайф, но надо кровать. Как раз завтра и будет.

И тут в дверь снова позвонили, на этот раз иначе. Не один звонок, а длинная трель, при этом ещё стучали кулаками.

Вот это точно менты, они всегда так звонят и стучат. Ещё и ручку двери дёргают.

Я оглядел комнату, но ничего подозрительного здесь не было, а про то, откуда взялся матрас, можно сказать вполне честно.

— Лебедев, привет! — бросил участковый Пахомов, когда я открыл дверь.

— А мы же с вами, кажется, договорились, — напомнил я.

— Да тут другое, Вадим, — он почесал затылок и покосил на своего соседа в кожаной куртке. — Пару вопросов тебе хотят задать.

Странно, я знал всех оперов в нашем районе, но этого видел впервые. С другой стороны, я знал всех оперов из отдела, который занимался кражами, а все остальные отделы шли мимо меня.

Хотя нет, видел, когда прошлым летом кто-то напал на девчонку у дома, и все, конечно, подумали на нас. Тогда при-

ходили другие менты, более наглые.

Этот же, мужик в возрасте, и явно с похмелья, посмотрел на меня, на мгновение открыв корочку. Во рту он гонял жвачку.

— Знали ли вы некоего Георгия Витебского? — официально спросил он.

В голове сразу начали роиться мысли. Георгий Витебский... А не Жора ли Питерский это? И почему «знали», именно в прошлом времени? Конец ему пришёл, и они отслеживают всех, с кем у него был конфликт?

И, конечно, сразу пришли ко мне...

* * *

Этим утром...

— Товар где? — спросил плотный человек в кожанке и меховой кепке, стоящий у входа в подвал старой сталинской двухэтажки.

— Слон, слушай, — занял Жора Питерский, — я пацану знакомому его дал, чтобы занякал у себя, а он сдрейфил, перепрятал в подвале, и менты там нашли. Это с него спрашивать надо...

— Да мне на твоих кладменов-закладчиков вообще на-срать, — оборвал человек и пихнул его в плечо. — Это твоя зона ответственности, Жорик-обжорик. И я тебе не Слон, а Эдуард Владимирович! Я тебе дал груз, ты посеял, ты мне и возвращать будешь. А где ты это возьмёшь, мне пофиг. Или

товар, или бабки. Срок тебе до завтра.

— Но Эдуард Валерьевич...

— Владимирович! — оборвал его мужик. — Ещё один косяк с твоей стороны...

— Да это же не мой косяк, это тот пацан... — перебил Жора.

У Слона задёргался глаз, и он от души приложил Жору в лицо. Тот ойкнул, отступился на шаг в сторону ступенек и потерял равновесие, падая вниз.

Скатился он до самой двери.

Слон посмотрел вниз.

— Ну ты чё? — позвал он. — Хватит ныть, пошли уже. Холодно. Тебе ещё косяк отрабатывать надо.

Жора не ответил.

— Ты чё, прикалываешься?

Снова нет ответа. Тут Слон заподозрил неладное. Он надел перчатки, спустился вниз, шаркая подошвами по ступенькам, чтобы стереть отпечатки со снега, и осмотрел упавшего. Глянул на затылок и сматерился.

— Дебил, блин, — пробормотал он и полез за пазуху куртки скончавшегося от удара Жоры. — А я думал, у тебя башка чугунная.

Он вытащил его телефон, ведь в нём были все рабочие контакты, включая Слона. Затем подумал и вытащил деньги. После огляделся, ногой закидал свои следы на снегу в том месте, где стоял, и торопливо пошёл подальше.

Несколько часов спустя Слон сидел в подвальном кафе «Харчевня» и тихо переговаривался с соседями.

Рядом с ним сидел толстый мужик в очках и пиджаке, а чуть в стороне расположился широкоплечий Жека Фролов по прозвищу «Паяльник», уже пожилой, но ещё крепкий боец со сломанными когда-то в юности ушами и носом. Паяльник был одет в кожанку поверх спортивного костюма.

— Ну чё, Супер-Соник-Электроник? — издевательски пропел Слон и взлохматил ему редкие волосы на голове. — Это тебе приколы такой? Зачем такой ник взял?

— Это тебе мешает, Эдуард? — спросил мужик в очках и расправил причёску.

— А должно? — Слон посмотрел на него, но рассмеялся. — Да ладно, чё ты, не парься, Володя. Короче, мне надо снять немного, вечером зайду в одно место. Сделаешь? Кусков сто хотя бы. А крипту завтра переведу.

— Сегодня нет. Вчера был клиент, снял сумму, пока других наличных у меня нет.

— Это кто у тебя снял? — Слон нахмурился.

Посредник выдохнул через нос, но не ответил.

— Вот как с тобой тяжело порой, — Слон покачал головой. — Нет бы сказать. Я тебе дроперов организовываю постоянно, симки достаю, клиентов ищу, а ты помалкиваешь.

— У меня репутация. Мне люди верят. И ты мне веришь, поэтому приходишь. А я тебе процент за всё плачу. Как договорились.

— Это интурист тот на чёрном «Мерине»? — настаивал Слон. — Он у тебя всё бабки тянул, всё ему мало было. По двести косарей в день, блин, и не хватало.

— Не могу ответить, — мужик в очках поднялся. — Завтра приходи, будут.

— А интурист же помер, — заметил Жека равнодушным тягучим голосом, когда посредник ушёл. — Его *** токнуло. Ой, током ***. А «Мерс» его отогнали куда-то.

— Слышал. Ну нам же проще, про нас уже не расколется, никто и знать не будет, что он к нам приходил, — тут Слон задумался. — Хотя кроме него и нас никто крипту у нашего Электроника не выводил в последние месяцы. Странно. Пробить бы надо, но чтобы тихо, — он посмотрел на Жеку.

Не, этот тихо не умеет.

— Ладно, сиди, братан, не парься. Разберусь сам.

Тут в зал влетел Олег Сытин, бухгалтер группировки. Худощавый и высокий мужик в очках тревожно посмотрел на Слона.

— Владимирыч, слушай, — торопливо зашептал он. — Пошли покурим.

Слон удивился, накинул куртку и вышел на улицу вслед за Сытиным.

— Кто-то того пацана, Жору, грохнул сегодня утром, — сдавленным голосом проговорил он.

— Да ты чё? — Слон сделал вид, что искренне удивился. — Кто эта падла? Кто посмел?

— Кто-то по башке ему дал, он и откинул копыта. Менты тело нашли, теперь ищут, кто его замочил. Как бы на кладменов не вышли. Так-то следов быть не должно, но Жора — тип болтливый, не растрепал бы своим чего, — Сытин поправил очки.

— Короче, — Слоп задумался. — Отправь Паяльника, пусть этих детдомовских потрясёт, кто под Жорой ходил. Чтобы и сами помалкивали, ну и вдруг кто в курсах за это.

— Отправлю, — Сытин кивнул и ушёл.

Слоп остался снаружи, раздумывая над созданным положением. А телефон Жоры он ещё раньше разломал, вытащил симку, а остальное выкинул по разным местам, чтобы никто не пришёл к нему.

Глава 10

— Оперуполномоченный капитан Рогачёв, значит? — спросил я.

Корочку он показал мельком, но она мне запомнилась сразу. Тренированная шпионская память сработала, и я сразу представил себе, как в том зале дворца, как раз между изображением герцога в доспехах с контактами Супер-Соника и моим плакатом с параметрами колёсных пар появился новый портрет.

И на нём был вот этот самый мент с мешками под глазами, которому явно тридцать восемь, но выглядит на сорок пять. Он и на портрете с похмелья, но в доспехе, чтобы не портил стиль, зато с ментовской корочкой в руках.

И вот теперь я точно был уверен, что этого человека я запомнил на всю жизнь. А всё, что узнаю, будет на этом портрете.

— У тебя хорошая память или я к тебе уже ходил, но не помню? — спросил Рогачёв.

Он вошёл в прихожку, но всё же обстучал ноги. А Паховов тем временем пожал плечами и пошёл звонить в другую дверь. Опрашивают соседей, наверное, где-то рядом ходит напарник Рогачёва. Значит, Жоре точно пришёл конец.

— На память не жалуюсь, но я бы запомнил, — сказал я. — А вы что, из «убойного» отдела? Раз целый капитан

вместо участкового прибыл.

— Это так в сериалах называется. Из отдела по преступлениям против личности.

Это и есть «убойный», как его называют в народе. А расследуют они убийства, тяжкие телесные и изнасилования. Так что выводы очевидны.

Рогачёв был ниже меня почти на голову, давно не брился, и из-за растущих в разные стороны волос на шее его щетина казалась неряшливой. А на макушке уже всю проклёвывалась лысина. Судя по виду, он в загуле, но совсем себя не забросил.

— Так ты знал Витебского или нет? — спросил он.

— А Витебский это фамилия или кличка?

— Фамилия.

— А что с ним случилось? — спросил я.

— А ты не хочешь мне ничего рассказать?

— Экзамен сегодня на пятёрку сдал, — я усмехнулся.

— Во как. Молодец.

Подозрительный, но это пока только первое знакомство, дальше напор будет сильнее. Он прошёл на кухню и оглядел всё внимательным взглядом. Этот дотошный, и пока не верит. Ещё бы, наверняка думает, что мы тут все детдомовские заодно.

И он пришёл колоть, знаю ли я что-нибудь, вот и напирает.

— Присаживайтесь, — сказал я.

Это всё же моя квартира, пусть и по соцнайму, так что

мне надо вести себя, как хозяин. Даже с такими гостями. Тем более, другие приходят редко.

Рогачёв сел на табуретку, которая жалобно скрипнула под его весом, внимательно изучая меня, но взгляд его скользнул в сторону. Он пытался снова посмотреть на меня, но глаза, как магнитом, притягивала одна вещь, стоящая у раковины.

— В интернете рецепт вычитал, — я понял, что он смотрит на купленную в магазине бутылку вина. — Можно сделать соус для спагетти.

Похмелье у мужика, это точно. Вчера ему было весело. Хотя, учитывая его вид, пьёт он уже давно без всякого веселья.

— Какой соус из вина? — спросил он, недоверчиво глядя на меня. — В этом интернете чего только не пишут.

— Алкоголь всё равно при варке выкипает, а вкус улучшает. Хотите попробовать?

— Нет, — после секундного раздумья ответил Рогачёв. — Ждать некогда.

— Я имею в виду, не блюдо, а само вино. Для аппетита.

— Нет, — с едва заметным сожалением повторил он.

— И правильно. Пить вредно.

Он с похмелья. Как говорится — трубы горят, но пить здесь не будет, ведь так и не доверяет. Но мне надо рассказать ему о случившемся так, чтобы он на меня больше не думал.

Чтобы у него вообще не осталось подозрений. Беда толь-

ко в том, что Жору, видать, грохнули, и про наш с ним конфликт кто-то уже рассказал. Тут к гадалке не ходи, менты всегда обрабатывают такие конфликты. Ещё и свидетелем припадут.

Так что надо выдать свою версию, и чтобы моя была убедительнее. А тут только один способ — чистая правда... за исключением пары моментов.

— А этот Витебский, случаем, не Жора Питерский? — спросил я, начиная подбираться к своей цели.

— Так знал или нет? — упрямылся мент, игнорируя вопросы.

— Как я мог его знать, если видел всего раз? Пару дней назад пересекались, они ночью музыку врубили на всю катушку. Хотя музыкой это назвать сложно. Вам уже, наверное, все соседи на это пожаловались, да?

— Было дело.

Рогачёв с интересом смотрел, как я подошёл к широкому подоконнику, на котором у меня стояла кастрюля, где мариновалась курица.

— Ну, — он кивнул, ожидая продолжения.

— Что, ну?

— Что дальше?

— Я поднялся, потому что задрали, спать не давали. И ладно бы что-нибудь хорошее слушали, так рэп какой-то матерный. Я-то другое слушаю.

И не дожидаясь, когда он скажет, положил телефон перед

собой и запустил приложение:

— Яву-Яву, взял я на халяву! — слышалось из динамика.

Взгляд опера потеплел. Он явно слушал Сектор Газа раньше, а может, и до сих пор.

— Зашёл, их там собралась целая толпа, — продолжал я, вырубив музыку. — Слушали свой рэп. Я попросил прекратить, а этот Жора, на которого все показывали, достал кастет и хотел меня ударить. Пьяный он сильно был.

— А чё полицию не вызвал?

— Смеётесь? Вся полиция меня в этой музыке и обвиняет, будто это я слушаю.

Я стал делать панировку, как в фастфуде, но не такую вредную. Да и масла будет намного меньше. Вполне себе выйдет неплохая курочка, ничем не хуже по вкусу, и даже лучше. Главное, сделать корочку при жарке.

— Короче, я попросил так не делать, они прекратили, после чего ушли.

— И всё так просто? — мент усмехнулся. — А мне сказали, ты его избил.

— Если бы я его избил, вы бы в тот день сами ко мне пришли, потому что у него тогда тяжкие телесные бы были. Нет, пальцем не тронул.

— А ты же на кикбоксинг ходишь? — спросил он.

— Да.

— И в институте учишься?

— Да. А что с ним случилось?

— А ты не знаешь?

— Тогда бы не спрашивал.

Вот сейчас должен был быть главный вопрос. Но правило «Трёх да» на мне не сработает, да и оно уже сломалось.

— Так ты избил его? — спросил Рогачёв громче, с напором, но момент был упущен.

— Нет.

— Все свидетели говорят, что да.

— А кто свидетели? Те три мелких гопника-алкаша, кто там был? Да они капец какие пьяные были. Трындеть что угодно могут.

Судя по его взгляду, он понял, о ком я говорил. Отлично, меньше веры тем свидетелям.

— Они сами чуть на меня не кинулись, — продолжал я.

— Испугались просто.

— Твои детдомовские друзья сказали, — придумал хитрый опер.

— Не сказали бы.

Вот что-то, но никто из наших стучать на своих ментам не будет. Мы вообще ментам не верим, чтобы говорить такие детали. А вот те подпевалы Жоры вполне могли напеть против меня что угодно.

И я угадал, судя по тому, как задумался мент. Ну а сам

продолжал:

— Я был трезвый, он пьяный, координации никакой. Хотел меня ударить, но промазал. Ещё и кастет выронил. Я его подержал, чтобы остыл. Мог бы ему кабину снести, да зачем? Проблемы чтобы были? Подержал, сказал потом, чтобы валили и музыку свою вырубали.

— Так просто всё?

— А это видели?

Я показал ему самое главное доказательство — костяшки пальцев. На спаррингах и по грушам я работал в перчатках, и бинты завязывал грамотно. А если бы бил кого-то по лицу голыми кулаками, они бы остались ободранными, а времени прошло мало.

Я уже заметил, что он пытался к ним присмотреться, но прятал как раз для того, чтобы показать в самый удачный момент.

— Ты и пинать мог, — недоверчиво заметил опер. — Раз кикбоксёр. Но ноги показывать не надо, — добавил он.

— В тесной квартире махать ногами? Я не Брюс Ли и не Джеки Чан, мне много места нужно. Рост мой видите? Я вот кровать поэтому и хочу взять, потому что ноги на диван не влезают. А тут — пинаться? Точно винца не хотите? — сменил я тему. — Сыр есть, пойдёт на закуску.

— Нет, не хочу, — опер помотал головой и попытался вернуть контроль: — А ствол куда дел? — он хитро улыбнулся.

— У него был травмат, я видел, — я окунул кусок курочки

в муку. — За поясом носил. А что, думаете, я бы его взял?

— Разве нет?

— Ко мне постоянно ходят ваши, мне только этого не хватает, чтобы с травматом меня поймали. Где-то валяется. Пьяный потерял, наверное, и на меня всё спирают. И куда бы я его убрал? В духовку? Вот, кстати, как раз собирался её включать.

Ствол лежал в тайнике вне квартиры, но про него я, конечно, не расскажу.

— Говоришь, пальцем не тронул, — опер оторвался от созерцания духовки, — а свидетели сказали, что руку выкрутил.

— А это называется — тронул? Это самозащита была, товарищ капитан. Чтобы хуже не стало.

— А кастет куда дел? — спросил он, как бы невзначай.

Матёрый, тянет, пытается подловить на мелочах. Но руки немного трясутся, и он явно предпочёл бы полежать, а не вот это вот всё.

— Даже не брал. Помню, что на пол грохнулся. Чёрный он был, — добавил я детальку.

— Значит, драться умеешь? — опер оценивающе посмотрел на меня. — И любишь?

— Товарищ капитан, — протянул я. — Я в детдоме рос, ходил в обычную школу, где каждый пытался до меня докопаться. А пока шёл, все окрестные гопники чуть ли не караулы выставляли, чтобы нас перехватить, — я повернулся к

нему. — Вот мы и учились, потому что нам на помощь было звать некого.

— А воспитатели?

— Смеётесь?

— Ну-у, — что-то промычал он, и взгляд скользнул по бутылке вина. — И не боялся, что ответка от Жоры будет?

Снова вернулся к этой теме.

Хоть и алкаш, но дотошный, и допрос ведёт грамотно и серьёзно. Если бы я больше придумывал, он бы точно меня подловил на чём-нибудь. Но я говорил правду обо всём, кроме пистолета, и он в этом убеждался.

— Думал об этом, что он наверняка будет караулить меня со своими. Но не стал. Мне он показался трусоватым, если честно. Так что с ним стало?

— Помер он, — заявил Рогачёв, изучая мою реакцию. — По голове ударили, он и скопытился.

— Ни хрена себе! — воскликнул я, хотя уже давно это понял. — Вчера сирены орала? Из-за него?

Хотя никаких сирен не было, но опер, конечно, неосознанно решил меня поправить.

— Нет, это утром... — тут же сболтнул он, но посмотрел на меня и замолчал. — Удивлён?

— Не особо, — я задумался и пока отложил еду. — Если он пьёт, пальцы гнёт и на всех кидается, то, конечно, рано или поздно бы огрёт. Ещё с кастетом и травматом ходил. Явно какой-то бандит был, да?

— Угу, — он задумался. — А ты готовить умеешь, я смотрю. А я думал, детдомовские готовить не умеют совсем.

— А вы думаете, мы сигаретным дымом питаемся? — я усмехнулся, понимая, что он опять отвлекает внимание. — Нет, дошки надоело есть, а покупать готовое — дорого. Интернет смотрю и учусь. Куда деваться?

— Правильно. Я вот язву уже заработал в твои годы, а ты молодец...

Сейчас будет ещё вопрос.

— А во сколько ты к ним поднимался тогда? Ты говорил.

— Не говорил. Ночь уже была, — вспомнил я. — Час ночи, примерно, я уже спал к тому времени, но проснулся.

Я подошёл к бутылке, что стояла у плитки. Штопора у меня нет, но это не проблема. Вкрутил саморез и вытащил его пассатижами, осторожно расшатав пробку. Раздался характерный звук, по кухне разлился запах вина, взгляд опера через силу снова примагнитился к бутылке. Ноздри будто стали шире, вдыхая аромат.

Надо его отваживать от вопросов. Выпьет немножко, поверит, пообреет. Я налил вино в рюмку, достал сыр, виноград, но оставил всё в стороне, чтобы он туда смотрел, поворачивая голову, а не на меня.

— Что сегодня утром делал? — продолжал он расспросы, вспомнив, зачем пришёл.

Значит, Жору прибили ночью или утром. Именно сегодня.

— Был в институте, по пути зашёл в банкомат, — я достал сковороду и начал нагревать её на газу, по ходу дела рассказывая события, как шёл в институт.

Тут алиби железное, подтверждалось кучей источников, что рядом с банкоматом, что в институте. Подозрение постепенно уходило, но не до конца.

— Во как, — заключил Рогачёв. — А тебе не стрёмно? Тут человека не стало, а ты курицу жарить.

— Стрёмно. Но обед сам себя не приготовит, а я есть хочу. Да и если честно — я его видел всего раз, когда он мне по морде хотел дать. Сокрушаться теперь? — я посмотрел на него.

— Справедливо, — он кивнул. — Значит, со своими ко-рефанами не контактишь?

— Пьют сильно, — сказал я. — И знакомства заводят всякие, с такими жорами. Но у них своя жизнь, у меня.

— Ладно, я всё понял. Ты, похоже, парень пробивной, — Рогачёв поднялся и подошёл к двери. — Ладно тогда мы...

Я ждал, что он скажет кое-что ещё на прощание, когда я расслаблюсь.

— А чем твои соседи занимаются? — спросил он у самого выхода. — Раз они этого Жору знали?

Не, озвучивать то, что он сманивал их на работу, и что мне хотели занести тот чемодан, тоже промолчу.

— Не знаю. Я с ними не контакту. Жизнь хочу наладить, — я показал вокруг. — Учёба, спорт, готовка. Да вот подтя-

гивают постоянно по старой памяти, всех под одну гребёнку гребут.

— Ладно, — Рогачёв потрогал лоб. — И когда мне показалось, что я завязал, — он усмехнулся, — как они затащили меня обратно.

— Крёстный отец? — спросил я. — Или Сопрано?

Ничего из этого не смотрел, но угадал сразу, Туман точно это видел.

— Точняк.

Мент засмеялся и снова потёр лоб. То ли задумался, то ли похмелье даёт своё.

— Голова болит? Если что, я никому про вино не скажу, — хитро добавил я. — Ничего же не видел.

Он посмотрел на меня. И по взгляду я понял, что он мне поверил. Поверил, что я с ними не тусуюсь, что я пытаюсь выбраться из всего этого, и что с этим Жорой я не связан никак, кроме той драки. И что я достаточно уверен в себе, что подняться наверх и заткнуть не в меру разгулявшихся соседей.

И пока опер думал, он изо всех сил боролся с похмельем, но оно выигрывало по очкам.

— Ладно. Плесни немного, — сдался Рогачёв.

Налил ему половину стакана, и он выпил, а я убрал бутылку в шкаф. Дотошный какой, но вино своё дело сделало.

Он поверил.

— Если кто-нибудь подойдёт, начнёт об этом спрашивать,

— Рогачёв достал визитку, — набери.

— Кто-то ещё будет искать? — спросил я.

— Мало ли. Набери. А то человек был мутный, непонятный.

Я убрал карточку, хотя почувствовал, что номер запомнил и так, добавив деталек на его портрет в моей памяти, вместе с бутылкой вина и его привычками.

Ладно, он ушёл, а у меня готовка.

Разогрел новую сковороду, обжарил куски курицы, но буквально по паре минут на каждую сторону, только чтобы хрустело. После этого вытащил, разложил на бумажные полотенца, чтобы обсушить, а сам начал разбираться, работает ли духовка.

Я её вообще ни разу не включал и не знал, как ей пользоваться. Шпион тоже не знал, поэтому пришлось искать видео, но в итоге я смог разжечь газовую духовку.

Курица дошла уже внутри, а я тем временем сделал соус, смешав раздавленный чеснок со сметаной и зеленью.

После достал из духовки нагретый противень, проткнул хрустящую курочку зубочисткой, убедился, что влага, которая вышла, прозрачная, и вытащил.

Отлично вышло, ещё и с соусом. Пока ел, думал, что мента я убедил, да и алиби было железное, раз он расспрашивал именно про утро. Куча людей подтвердит, где я был.

После обеда поднялся наверх, поспрашивал, но все наши божились, что обо мне молчали. Так что это кто-то из под-

певал Жоры наступал.

Никто не говорил, чем он занимался, но уже понятно, что это был мелкий бандит на подхвате. И, скорее всего, его за что-то наказали свои.

* * *

Следующий день был выходным, так что утром я поехал в магазин, где сын соседа Геннадия Ивановича сдержал слово и помог выбрать кровать с хорошей скидкой, под подаренный вчера матрас. Двухспалка, прочная, с опорой в центре, и минимум 250 килограммов на одно спальное место, а не на всю кровать.

А то мало ли с кем там буду лежать и как, хе!

Привезли к обеду, но собрал её сам, с непривычки вспотев. Свободного места в комнате резко стало мало, но когда водрузил матрас на кровать, стало чуть просторнее. Вытащить упаковку на балкон, и будет вообще шик.

Плюхнулся на кровать, наконец-то вытянув ноги на всю длину.

Кайф.

Аж сразу в сон начало клонить, но я взбодрился, помыл лицо, заварил кофе, после собрался на секцию. На улице холодно, надел купленный свитер крупной вязки по размеру, тёмные однотонные джинсы, простые зимние ботинки с мехом без лишних украшательств и новый пуховик, не дутовый, но тёплый.

Пальто смотрелось бы лучше, но в нём не походишь по

нашим морозам.

Толик сегодня не пришёл, он уже уехал на соревнования. Да и вообще, мало кто сегодня пришёл. Я попинал грушу, поработал с лапами, занялся растяжкой, ведь с моим ростом могут выходить хорошие хай-кики.

Когда уже заканчивал, заметил, что Наташа пришла, и в своём спортивном облачении разогревалась в своём углу.

— Поздравь! — я подошёл ближе.

— Пересдал? — девушка повернулась ко мне и закинула выбившуюся из резинки прядь волос за ухо.

— Пятёрка, — похвастался я, улыбаясь.

— Молодец, Вадим, — она подошла к висящей груше и встала в стойку. — Я за тебя рада.

— Да я вот думаю — надо отпраздновать. Как насчёт того, чтобы куда-нибудь вместе сходить?

В зале стало тише. Хотя я говорил не во весь голос, но кто-то всё равно услышал и привлёк соседей. Наташа вскинула бровь от удивления.

Она меня постарше, ей примерно двадцать четыре или двадцать пять, и, наверное, раньше даже не рассматривала меня серьёзно, хотя симпатия у неё ко мне читалась.

Но сдаваться я не собирался.

— Спасибо за приглашение, — сказала она вежливым голосом. — Но я не хожу по гостям, уж извини. А рестораны не люблю.

— А кто говорит о ресторанах? — я усмехнулся. — Спо-

рим, никогда не догадаешься, куда хочу позвать?

— И на что спорим? — Наташа улыbnулась с хитрым видом.

— Если не угадаешь, то идёшь со мной.

— Вот ты какой, Вадим, ха, — она засмеялась, но тут же быстро начала перечислять, как пулемёт: — В кино или в парк на фотосессию? Поиграть в настолки или на мастер-класс? Или в оранжерею?

— Эй, куда столько вариантов за раз? — я поднял руки.

— А ты не ограничивал в количестве попыток, — Наташа засмеялась.

— Ты всё равно не угадала, — заявил я. — Так что придётся идти.

— И куда?

— На каток, — я засмеялся.

— На каток? — она удивилась.

— Пока зима, надо успевать.

— А ты умеешь?

— Разберёмся по ходу дела. Надо же когда-то попробовать.

— Ну... на каток я схожу, — сказала Наташа, подумав об этом. — Подожди, скоро соберусь.

Я пошёл в раздевалку, пытаюсь пролезть в память шпиона, ездил ли на коньках он. А то кто его знает, газовую плитку-то, оказывается, наш Джеймс Бонд разжигать совсем не умел.

А парни показывали большие пальцы, мол, красавчик. Потому что всем залом следили, отошьёт она меня, как других, или нет.

Помылся, оделся, вышел на улицу, на то самое место, где когда-то прибило шпиона упавшим кабелем. Да уж, крепко изменилась моя жизнь.

Но я чувствовал, что это только начало.

— Идём? — вскоре она уже вышла.

— Пошли. Тут уже каток, — пошутил я, показав на замёрзшую дорогу. — Но нам дальше.

Глава 11

Ну давай, Вадим. Ты сдал экзамен у жёсткого препода, победил Толика и научился готовить. Осталось-то ерунда: все-го-то выйти на лёд и не тупить.

Мне казалось, что всё должно выйти. В памяти было, как в детстве меня пытался научить отец, но тогда я просто ходил по снегу в коньках, а на лёд даже не пробовал выйти.

Но пока я это вспоминал, в голове всколыхнулось другое воспоминание, очень яркое.

Как фигуристка в красном платье с лентой в руках рассекала ледяное поле под вспышки фотоаппаратов и гром аплодисментов. И потом с ней катался я, уже на пустом стадионе, хотя не столько катался, сколько лапал за грудь. Это точно память Тумана.

И сразу, как молотком по голове, после этого озарения, зал чужой памяти будто расширился. Словно исчезла дымка, закрывавшая проход к покрытой мрамором лестнице, над которой висело несколько новых картин. И эта фигуристка была там, на самом почётном месте.

Изображена она на льду, но из одежды на ней только коньки и та самая лента.

Ну здравствуйте. Бабник Туман портреты своих женщин развешивал на самые важные места.

Зато это значит, что на коньках он кататься умел. Приго-

дится.

Каток залили в центре города на площади, и днём здесь было достаточно много людей, включая молодёжь. Ещё не стемнело, желающих покататься было достаточно, но свободного места ещё полно.

Из подвешенной на столбе большой колонки играла музыка, какая-то старая песня времён, когда я ещё не родился, но слова разобрать не мог, она звучала, как из бочки.

Арендовать всё необходимое проблемой не было, хотя не было проблемой и купить, но откуда у меня на это деньги официально? И так за эти дни потратил больше, чем мне выделялось каждый месяц.

Я зашнуровал коньки, встал, и ноги тут же начали разъезжаться, и я вцепился в бортик. Ну-ка, куда вы поехали, ноги? Мы только начали. Навык Тумана должен быть, мне просто нужно им воспользоваться.

А если бы не было навыка, я бы выходил на лёд, падал, но всё равно бы в итоге научился кататься рано или поздно.

Наташа проскользила передо мной, причём спиной вперёд. Хотя порой вздрагивала, ясно, что в последние несколько лет она коньки не надевала, вот и выглядела не так уверенно, чем когда, например, пинала грушу.

Без спортивного топа и шорт она выглядит совсем иначе. На девушке был надет белый приталенный пуховик и чёрные джинсы. На голове — серая вязаная шапка, из-под которой выбивались светлые волосы. На шее не шарф, а новенький

чёрный снуд — шарф с соединёнными вместе концами, как кольцо, очень широкий.

И должен сказать, что ей и так идёт.

— Если честно, меня на каток во второй раз в жизни позвали, — сказала она.

Изо рта вышел пар.

— А когда был первый? — спросил я.

— В школе, но мальчик тогда упал и разбил нос в кровь.

— Не повезло.

А теперь посмотрим, как повезёт мне.

Я отпустил бортик. Ну, будь что будет.

Сделал первый шаг, и нога поехала вперёд. Мышцы сжались, я напрягся, ведь появилось ощущение, что я сейчас со всего маха хлопнусь на задницу.

Но сделал шаг, вернее, скользнул левой ногой, и поехал увереннее. Медленно, но равновесие держал. Будто вспоминал, как себя вести, как держаться, как стоять и как наклоняться, чтобы устоять на льду.

Это было не так легко, как во время спарринга. Там всё было почти на автомате, потому что там у меня опыт был, и сам Туман явно драться учился больше, чем ездить на коньках.

А сейчас для меня это вообще почти впервые.

Сначала я просто не падал, искал устойчивое положение, потом двигался, и, наконец, начал катиться ровно. Без выпендрежа, просто держался.

Ото льда тянуло холодом, дул слабый ветер, ну а я прока-
тился вперёд и не упал. Шикарно.

— Значит, ездил на коньках раньше, — заключила Ната-
ша, наблюдая за мной. — Но когда-то давно.

— Говорю же, не зря в детстве фильмы с Брюсом Ли смот-
рел, — я рассмеялся и подъехал к ней ближе. — Вот и на-
учился.

— А это в каком фильме он на коньках катался? — одна
бровь с удивлением поползла наверх.

— Старом каком-то, на кассете был. Или это Джеки Чан
был? — я засмеялся.

Мы поехали по кругу. Раньше каток располагался вокруг
ёлки, но её давно уже убрали, и теперь там просто стоял
стенд с именем спонсора: Анатолий Корнеев, и там же было
фото седого мужика в очках.

Ехали мы, держась рядом друг с другом, на таком рассто-
янии, чтобы не зацепиться, но и чтобы не орать через весь
каток.

Получалось хорошо, лучше, чем можно было подумать.
Даже в какой-то момент, слыша свист в ушах и легко дви-
гаясь, едва шевеля ногами, начал получать удовольствие. И
холод уже почти не чувствовался.

— Нос я не разбил, — сказал я со смехом. — Так что это
свидание вышло удачнее, да?

— Да, — она кивнула. — А это свидание?

— Теперь да, раз разговор пошёл. Кстати, всё хотел спро-

силь, а ты вообще откуда?

— Ну, сложный вопрос, — Наташа чуть дёрнулась, но удержалась. — Живу везде, езжу по всей стране, а здесь в командировке. Но она затянулась. Ещё какое-то время буду в городе.

Сделали один круг и поехали на второй. Пару раз я всё же чуть не грохнулся, один раз чуть не потянул её за собой, но удержался. А один раз она сама чуть не упала, но вцепилась мне в рукав, и мы устояли.

— Интересно. По разным городам ездешь.

— Утомляет, — призналась Наташа. — Иногда хочется спокойно себе посидеть где-нибудь дома, особенно в такую погоду, но надо ездить.

— А кем работаешь?

— В агентстве по информационной безопасности, — ответила она. — Внедряем наши системы заказчикам по всей стране.

— Это на вашей работе учат так драться? — я покосился на неё. — Если вирус прорвался через ваши системы, ты дашь ему ногой в кабину?

Наташа засмеялась. Наверное, впервые так, куда веселее, чем раньше.

— Вроде как да. В кабину? — она улыбалась. — Никогда такого выражения не слышала.

— Смотрю одного типа на ютубе.

Сделали ещё круг. На повороте в нас чуть не влетел па-

рень в очках, но мы разминулись. Тут надо смотреть в оба.

— А у тебя железная дорога, значит? — спросила Наташа, когда мы проехали дальше.

— Учусь там, уже третий курс.

— А, тебе ещё этот год и следующий, и всё? Закончишь?

— Нет, у меня же техническая специальность. Пять лет там буду учиться, на инженерный диплом.

Проехали мимо места, где все надевали коньки. Среди них я вдруг увидел Дашу, она с кем-то пришла сюда.

Вот сколько звал её в город погулять, она отказывалась, типа, кто сейчас гуляет по улицам. И от катка бы тоже отказалась.

Но теперь уже пофиг. Единственное, что я отметил: она меня заметила, и взгляд её был — что-то с чем-то, смесь любопытства, недоумения и ярости.

Она осталась позади, а мы ехали с Наташей дальше. Лёд скрипел под ногами, но не раздражающе. Её начало заносить, я чуть подхватил её за талию.

— Спасибо. Значит, золотая середина недавно была? — спросила Наташа, поглядев на меня. — Праздновали?

— Что-то было, но я не ходил. Хвост сдавал, не до этого было.

Проехали под колонкой, где играла новая песня, тоже старая, но более мне знакомая, я даже слова знал. И Наташа вдруг начала подпевать:

— ... к настоящему колдуну, он погубил таких, как ты не

одну...

— Ты «Король и Шут» слушаешь? — спросил я с удивлением.

— С детства, — призналась она. — Я даже на концерт успела к ним попасть в Питере, ещё в школе тогда училась. Родители не отпускали, я сбежала, с края поля слушала, — Наташа чуть улыбнулась, посмотрев вдаль. — И до сих пор иногда в наушниках включаю.

— Ого. Не думал.

— А ты что слушаешь?

— «Сектор Газа», — с гордостью сказал я.

Немного разогнался, обогнал её, но попытался замедлиться, и вышло, даже хорошо.

— Мне тоже нравится. А я думала, парни сейчас слушают какой-нибудь рэп.

— Не люблю. Меня уже соседи им достали.

— Меня тоже, — она закатила глаза, но вдруг всполошилась. — Ой, стой!

Какая-то девочка лет десяти проскочила прямо перед нами, и мы едва успели свернуть в сторону.

Но падения на катке — дело обычное даже для профи. Вот и мы не удержались. Наташа начала падать, я её подхватил, но тут скользнули мои ноги и сцепились коньки.

И всё же я умудрился сгруппироваться и уберёг как свой затылок, так и девушку, ведь Наташа рухнула на меня.

— Ой, извини, Вадим, — пробормотала она мне в лицо,

и я почувствовал запах мятной жвачки.

На первом свидании сразу переходить в горизонтальное положение, конечно, весело, но сейчас романтики не было, ведь я отбил рёбра и локоть, и лёд ещё холодный.

Но я поднялся, протянул Наташе руку, и она вцепилась в неё своими пальчиками в перчатке. После помог ей отряхнуться.

— Бывает, — сказал я. — Даже олимпийские чемпионы падают на льду. Не ушиблась?

— Не, всё хорошо, ты прикрыл, — девушка улыбнулась. — Было весело, но мне скоро пора бежать. Не сейчас, — торопливо добавила она. — Чуть попозже.

— Давай чай попьём, — я заметил киоск в стороне, где продавали глинтвейн и прочее.

Там продавали разные виды чая, включая горячий, и это пользовалось успехом. Хотя парень впереди купил два мороженых. Я достал несколько сотенных купюр, взял два глинтвейна с брусникой и облепихой.

С двумя горячими картонными стаканчиками я пошёл назад, и уже там заметил, как к Наташе, которая уже снимала коньки, подошёл какой-то мужик, сильно пьяный.

— Да давай сходим, чё, — грубо говорил он. — Тут недалеко. Пообщаемся, чё.

Бывают такие пьяные, которые добренькие и пытаются лезть ко всем окружающим, порой слишком навязчиво. Впрочем, они могут быстро стать агрессивными, и я уже с

таким сталкивался. Никогда не знаешь, что пьяный сделает в следующее мгновение.

А бывает, что они изначально агрессивные и напористые. Ко мне такие раньше постоянно цеплялись, хотели стрелять мелочь, пока я не вымахал выше них и не научился давать сдачи.

Небритый мужик в синем пуховике со следами от падения на спине пытался куда-то позвать Наташу. Та закатила глаза, вздохнула и посмотрела на мужика так, будто выбирала, куда его ударить, чтобы нокаутировать.

Но я уже был рядом. Бросил короткий взгляд на мужика и на его руку. Чуть меньше сорока лет, недельная щетина, и след от кольца на пальце, а само кольцо он, похоже, снял только что и держал в кулаке. Пьяный, но хитрый.

— Никуда я не пойду, — спокойно сказала Наташа. — У меня тут молодой человек ходит.

— Зачем тебе молодой, — мужик осклабился, — когда...

— Ты чё, прикалываешься? — спросил я ему в ухо, резко подойдя со спины. — Тут твоя жена ходит. Увидит, что ты кольцо снял, хана тебе.

Мужик, как заправский агент, отреагировал моментально и даже не обернулся. Он рванул с места по льду, тут же зашёл на каток, чтобы пересечь, полагая, что жена на льду его не догонит.

При этом пару раз он плюхнулся на задницу, а остальные его объезжали.

— Даже спасибо не сказал, — проговорил я, глядя ему вслед. — А я его спас от нокаута. Вот, держи, ещё горячий, — я протянул ей горячий картонный стаканчик.

— А вот это было быстро, — Наташа удивилась, одна бровь поднялась. — И без физического воздействия.

— Нам с такими нужно быть аккуратно, — сказал я. — А то зашибём ещё. Ко мне вчера полицейский как раз из-за этого приходил.

— А что такое? — вид у неё стал серьёзнее.

— Да пьяный сосед кидался, я его проучил, а в полиции решили, что я его избил.

— А кто именно? — взгляд стал внимательнее. — У меня знакомые там есть.

— Разобрался, уже всё решили. Я его просто в захват взял, бить не стал, а то бы убился.

Впрочем, он и так в итоге убился, но об этом я умолчал.

— Ничего такой чай, — я отхлебнул глоток. — Горячий.

Чувствовался кисленький вкус брусники и облепихи, без сахара, сладкое я не любил. Наташа тоже сделала глоток и аж закрыла глаза.

— Хороший, в самый раз. Но мне уже пора идти.

— Проводить?

— А ты разве обо мне не слышал? — спросила она с усмешкой. — Как бывает с теми, кто пытается на меня напасть. Вот же, говоришь, спас его от нокаута, — Наташа кивнула на убегающего.

Он уже был далеко и почти скрылся из виду.

— Вот во избежание подобного и провожу, — настоял я.

— Свидание же, забыла?

— Ладно, пошли, — Наташа взяла меня под локоть.

Но было недалеко, прошли пешком буквально пару кварталов, до трёхэтажного офисного здания, где ещё горел свет.

— Всё, придётся работать дальше, — сказала она. — График ненормированный, дел ещё много.

— Тогда созвонимся, — сказал я. — Правда, номера твоего нет.

— Запишешь? — спросила она.

Я достал телефон, но чёрный экран говорил о том, что батарейка села. Надо другой купить, а то этот совсем перестал держать, хотя ещё утром заряжал.

— А ты продиктуй, — предложил я. — У меня память хорошая.

— Точно? Ладно. Плюс семь...

Она продиктовала.

А где-то в глубинах памяти на стене появился новый портрет. Наташа в зимней одежде на льду, в шапке и пуховике. И это выглядело не менее привлекательно, чем когда она была в обтягивающих спортивных шмотках.

Шапка, перчатки, шарф-кольцо и пуховик, всё это могло быть деталями и подсказками, чтобы не забыть её номер, если отметить каждую. Номер теперь в моей памяти.

— Плюс семь, девятьсот... — я тут же пересказал его

вслух.

— Вадим, — заявила Наташа. — Наверное, тебе этого никто не говорил, но ты очень удивительный человек. Правда.

— Ого. Никто, да. Значит, ещё куда-нибудь потом сходим?

— Обязательно. Звони.

* * *

Совсем другое ощущение. Без тягости, без остального, без мысли, что что-то пошло не так.

Вообще не походило на тот случай, когда в школе водил девчонку в кино, или когда ещё в летнем лагере бегал в посёлок к одной местной, и когда водил Дашу в кафе.

В тот раз вообще осталось впечатление, будто я не с девушкой в кафе пришёл, а к следователю на допрос. Причём к неразговорчивому следователю. Вместо вопросов просто мрачно смотрела.

Домой вернулся, когда стемнело, заглянув по пути в магазин. На ужин решил попробовать индейку, никогда не ел, если честно, хотелось попробовать.

Грудку брать не стал, взял простое филе бедра в упаковке, охлаждённое. Это будет более сочным.

Мясо пожарил на раскалённой сковороде, а в конце добавил фишку Тумана — начал поливать жарящийся кусок растопленным сливочным маслом, зачерпывая его ложкой с этой же сковородки.

На гарнир сделал купленную в том же магазине крупу кус-

кус, заварив кипятком, туда же добавил мелко нашинкованные вяленые томаты, их я покупал раньше.

Подал всё это на новых тарелках. Кускус выложил кольцом, индейку порезал на одинаковые ломти по сантиметру. Чесночный соус у меня остался.

Надо звать Наташу в гости, а то такой талант пропадает. Да и выглядело не хуже ресторанныго.

Телевизора и компа нет, а тыкать телефон не хотел, поэтому вечером занялся учёбой. Надо бы купить компьютер, а то обычно прошу кого-нибудь помочь, если есть задание в какой-нибудь программе.

Закончив, завалился на новую кровать, вытянув ноги, и уснул сразу, хотя впечатлений от последних дней было много.

* * *

Сон был яркий.

Я ехал в «Мерседесе», проезжая на красный свет, при этом обрызгал идущую на тротуаре женщину в белом пальто.

Нет, это не я. Я пошутить люблю, но не так, чтобы народ матерился вслед.

Должно быть, это Туман. Даже во сне я понимал это. Он был вредным типом, хотя сейчас сделал вид, что не заметил.

«Мерс» остановился рядом с секцией, куда я ходил на кикбоксинг, причём Туман будто специально припарковал тачку, чтобы она всем мешала.

После он, ну и я, раз наблюдал через его глаза, вылез из

машины, увидел, как на столбе сидит монтер, и тут...

Проснулся я среди ночи, резко вырвавшись из сна.

— Связной, — сказал вслух я ту мысль, которая билась в голове у Тумана в момент смерти. — Куда делся связной?

И нафига я это сказал? Сам не понял. Но сон же, не отошёл ещё.

Я поднялся, попил воды, лёг спать дальше. Только скинул одеяло, а то стало жарко, и подложил руки под голову. Мысль не уходила.

Ага, понимаю.

Это был обрывок воспоминания Тумана, одного из его последних. Он не просто так оказался там, у моего зала. Он искал встречи со связным от Ланге, чтобы передать ему данные об этом Периметре, о котором я до сих пор ничего не вспомнил.

Но связной не пришёл. Не потому, что сдал шпиона сам, а потому что почувствовал угрозу. Ведь на месте встречи их ждал майор Холодов с группой захвата...

И всё, больше воспоминаний не было. Но кто связной, я не знал, как не знал, кто такой сам Ланге. Даже Туман никогда не видел этого связного, но должен был узнать по каким-то приметам. Знал только, что он местный, не обученный профессионал, а завербованный самим Ланге много лет назад.

Вот чего Холодов тогда приходил ко мне, мог проверять, вдруг, я его знаю.

А, может, я и правда его знаю?

Лёжа в темноте, я попробовал вызвать в голове дворец памяти Тумана, тот участок зала с лестницей, который сегодня приоткрылся, и там появились новые картины.

Фигуристка на портрете, конечно, хороша, и я позалипал на неё, но после стал серьезнее.

Портрета связного не было, ведь Туман раньше никогда не видел его в лицо. Но была картина, и обрывки памяти так и цеплялись к ней.

К этой картине я и пригляделся, ведь здесь были приметы связного. Это портрет... в котором был ещё один ребус, как в тот раз, с Тайной Вечерей. Ну здравствуйте, опять разбираться.

На старинном портрете был изображён мужик в красной шапке с пером, украшенной камнями, и красном же пальто. И здесь, похоже, зашифрованы его приметы и способы связи с ним. Туман ведь мыслил своеобразно, и многое в его памяти завязано на эти картины.

Ведь для того, чтобы запомнить получше, как раз и нужны яркие детали.

Но этот мужик... я его видел. Не в городе, а сам портрет. Но где? Надо поискать. Я взял телефон, и включившийся экран меня ослепил. Я сощурил глаза и начал гуглить.

Поисковик выдал мне целую пачку таких портретов по описанию, но это всё были не те... Наконец, на третьей странице я нашёл похожее. Ага, это он, я его узнал и нажал на картинку большим пальцем. Открылась статья в Википедии.

Портрет, отпечатавшийся в памяти шпиона, был портретом человека, о котором, наверное, слышали все — это Влад III Дракула, причём не вампир из книжки, а тот, настоящий, исторический, из Румынии.

Я даже статью полистал, посмотреть, кто это такой. Дядька был колоритный.

Так. И для чего шпион запомнил именно это? Не с Дракулой же он должен был встречаться, в конце концов. А кто-то на него или похожий внешне, или как-то ассоциируется с ним. Дракула же любил сажать людей на кол и обладал своеобразным чувством справедливости.

Или, этот связной умеет работать по дереву? Дракула в дереве точно понимал.

Ладно, тут подумаем, в чём связь. Вскоре я уснул.

* * *

Утром приготовил сырники из творога, смешав его с мукой, солью и щепоткой сахара, совсем чуть-чуть, чтобы не было сладко. Обжарил их совсем недолго, а после съел со сметаной, запив кофе.

В подъезде встретил пару соседей, поздоровался. Никто из них даже не стал нудеть. Хотя какой смысл им ругаться, если музыка больше не играет по ночам, а всякая шваль сюда не ходит, раз уж Жоры не стало. Хотя, наверное, скоро опять подтянутся какие-нибудь другие.

Пока всё было спокойно, но позже я встретил подозрительного человека рядом с остановкой.

Пока я ждал маршрутку, напротив меня остановился здоровый, как танк, чёрный внедорожник «Мицубиси Паджеро». Оттуда вылез человек, с короткими, стриженными под машинку волосами, уже поседевшими.

Нос у него давным-давно был сломан, уши тоже, они у него как у борца. Одет он был в кожаную куртку поверх спортивного костюма.

Ну точно, бандит, причём давнишний, наверняка уже отсидел, причём сел в тюрьму до того, как я родился. Но уже освободился и вернулся к старому. Он оглядел остановку, закрыл дверь джипа и двинулся ко мне.

— Э! Это ты Лебедев? — спросил он. — Базар к тебе есть. Это точно кто-то из знакомых Жоры Питерского.

Глава 12

Высокий и широкоплечий мужик со сломанными борцовскими ушами и когда-то переломанным носом шёл ко мне. Ну а народ на остановке отходил подальше, будто почуял угрозу.

Впрочем, тут бы её любой почуял.

Ну а я сделал шаг в сторону. И не просто так.

— Базар к тебе есть, — начал мужик и шагнул ко мне ближе.

Утром было тепло, поэтому слежавшийся снег немного подтаял, но потом похолодало, и он замёрз. Стоять на этой горке было непросто, ноги съезжали, но я нашёл удобное и устойчивое положение.

А мужик понял, что у него такого не будет, ещё шаг, и он грохнется, сломав нос ещё раз. И это до того, как мы начали говорить.

Но что-то с ним не так. Внешне бандит, но казалось, что всё сложнее, чем было на самом деле.

— И о чём базар? — спросил я, стараясь, чтобы голос звучал чуть иначе, по-уличному.

— Да побазарим, за кента одного, — произнёс он, оглядывая меня с ног до головы.

— А ты кто?

— Жека Паяльник.

На рожу посмотришь и не удивишься, что у него такое прозвище.

Но ко мне подходили подобные люди, когда я был в детдоме, и не только ровесники, но и взрослые. То в школе, то по дороге туда, такие разговоры вести приходилось часто. Детдом-то был на окраине, район был беспокойный, и кто-то шутил, что 90-е там не закончились.

Вот мы и учились говорить так, чтобы от кого угодно отбиться словами, потому что если что-то шло не так, то кидались они на нас целой толпой. Не умеешь говорить — огребаешь.

И сейчас надо вести так же. Мой старый опыт таких встреч и наблюдательность Тумана били в тревожный колокол. Будто я не в людном месте, а один в тёмном проулке и на меня наставили пистолет. Но выстрелят не сейчас, а когда-нибудь потом, когда не буду этого ждать.

Почему-то обычный уголовник показался бы Туману большей угрозой, чем многое другое.

— Давай прокачу, довезу, куда надо, — он кивнул на машину. — Да и поговорим заодно.

Нет, в тачку к незнакомцу точно нельзя, это одна из первых вещей, которые я выучил в жизни. Особенно к таким личностям.

— Не, Жека, я в чужие тачки не сажусь.

— А чё так? — спросил Паяльник. — А, ну да, в детдоме же учили не доверять посторонним?

Он и фамилию мою называл, и биографию знает. Навёл справки обо мне перед тем, как подойти. Или ему всё рассказали, и он приехал со знанием дела.

— Вот видишь, ты про меня всё пробил, — в вальяжной манере сказал я, — а я про тебя ничего не знаю. Ладно, говори, чё надо.

Он посмотрел на меня внимательнее, очень тяжёлым внимательным взглядом. Но, кажется, Паяльник не ожидал, что я сам первым перейду к делу.

— Побазарили бы в машине, — продолжил он.

— Да и так говорим же, да? — спросил я. — Ты же начал, продолжай.

И чего ему надо? Наверняка он здесь из-за этого Жоры. Но мне казалось, что дело в чём-то ещё.

— Ну, — подтвердил он и перешёл к основной теме. — Знал такого Жору Питерского? Хлопнули его, прикинь.

— Я слышал. Менты приходили.

— И чё надо им было?

Он сощурил глаза и почесал костяшки крепкого волосатого кулака. Тупит или прикидывается, чтобы сбить меня с мысли?

— Это же менты, — я пожал плечами. — Приходят, когда хотят. Дверью, наверное, ошиблись, хе-е...

— А, — Жека Паяльник почесал затылок, будто не понял. — Ясно... Короче. Грохнули пацана, Жору Питерского. Слышал чё?

Руку в карман он не убрал. Да и вообще не было ощущения, что он не знает, куда их деть, а каждый жест был осознанный.

И взгляд очень уж внимательный.

— А я при чём?

— Так слышал чё-нибудь за это дело?

— Жека, ты такие вопросы задаёшь, будто он мне брат или кент. Я его видел раз в жизни всего, — продолжал я, глядя ему в глаза. — Давай конкретнее, чего надо.

— Во как. Пропали его вещи, догоняю вот, хожу.

— Так и догоняй, ко мне-то зачем пришёл?

Пока непонятно, в чём цель разговора, мне будет нужна маскировка. Я достал телефон, чтобы проверить время, делая вид человека, у которого свои дела. Ну и чтобы выглядеть типично для своего возраста.

Мне кажется, его взгляд это подметит, очень уж он внимательный. Попробуй найти сейчас парня моих лет, который не проверяет телефон каждые пять минут в ожидании уведомлений.

Народ отходил подальше, смотрел на дорогу. Тем более скоро подъедет автобус, его уже видно на перекрёстке. И задерживаться здесь я не собирался, тем более для такой болтовни.

— Пацаны говорят, у ты тёрки с ним были, — неторопливо продолжал Паяльник.

— Какие пацаны?

— Дима Кот, — Паяльник начал перечислять людей, о которых я никогда не слышал. — Шпала, Китаец. Слон, Бухгалтер... Туман...

Ну здравствуйте.

Он смотрел на меня, будто ждал,отреагирую ли я на какое-то имя? Особенно на последнее. Я усилием заставил себя не реагировать.

— Целая бригада. А мне-то откуда их знать? — спросил я, делая вид, что не слышал такие клички.

Я и не слышал. Кроме последнего.

— Пацаны, под Жорой ходили...

Какой же он странный. Вид опасный и агрессивный, при этом кажется тупым. Говорил, как заторможенный, да и вообще, внешне выглядел так, будто он браток из сериала про 90-е, но забыл выйти из роли.

Всё так говорило, кроме его взгляда. Умного, изучающего, пронизательного. Помнил, как он при встрече осмотрел меня, будто срисовал. Мент, может, или фейс? Подчинённый Холодова?

Неизвестно.

— Он борзел, — сказал я. — Я его осадил. Шумели они там, спать не давали, я пришёл поговорить по-человечески, он начал пыжиться и не вывез. И всё, какой ещё базар?

Вышло даже естественно, будто с детства находился в таких компашках

— Ну да, он такой и был по жизни, — сказал Жека Па-

яльник после почти полуминутного раздумья. — Вот его и наказали. Я одного такого на пику посадил, — мрачно похвастался он. — А то он крысой был. Вот и сел, но вышел.

Самая разумная реакция в этот момент — охренеть, я её и изобразил. Но притворяться особо и не надо было, тут любой охренеет.

— Ты прям с порога козыри кидаешь, Жека.

— Хе-хе, — Паяльник оскалился. — Ладно, братан, погнал я. А ты же на секцию ходишь, да? — спросил он с интересом. — Кикбоксинг? Пацаны говорят.

— Так если знаешь, для чего интересуешься?

— Для себя. Я вот тоже раньше ходил на секцию, на борьбу и не только, — он хмыкнул и показал зубы. Были вставные. — Молоток, пацан, уважаю. А там чё, говорят, мужика неподалёку током убило?

Так, так, так. А вот это интереснее.

Не из-за этого ли он сюда пришёл? Чтобы узнать детали?

Стоять! Понял. Туман с кем-то взаимодействовал, вёл какие-то дела. Я этого почти не помнил, связанная с этим часть памяти совсем какая-то мутная.

Но он мог нанимать и бандитов. И они могли заинтересоваться, куда он делся и что с ним стало, вдруг обещал заплатить. Хотя откуда они бы знали его прозвище?

Зато как интересно он спросил, как бы невзначай. Сначала разогрел обычными вопросами, потом напряг, а потом задал основной вопрос. Он понимает, что делает.

Значит, его это интересовало больше всего. И мне казалось, что лучше об этом молчать. Туман бы промолчал. Вернее, сказал бы то, чтобы от него отстали.

— Ты прям всем интересуешься, Жека. То Жора, то мужик какой-то, то секция. Говорили, что кабель на столбе лопнул, — я показал вверх. — Упал, прижгло кого-то вроде как. Вот и всё.

Потому что там была ФСБ, и фейсы сделали всё, чтобы это дело никуда не утекло, об этом даже в новостях не говорили, и свидетелей кроме меня и того электрика не было. Значит, мало кто знает, но слухи пошли, и некоторые этим интересуются.

И о том, что я был рядом, лучше молчать. Мало ли. Вдруг тоже подумает, что Туман мог мне что-то передать? А что до остального, так скажу, что память отшибло.

— А что он, денег тебе должен был? — спросил я. — Поэтому ищешь?

— Именно так. Понятно. Ладно.

Тут в его взгляде скользнуло разочарование, хотя поначалу интерес был. Но он решил, что я обычный дерзкий пацан из детдома с понтами, и его внимания не стою.

Но это лучше, чем если бы он почувствовал какие-то навыки Тумана, о котором явно знал, или принял меня за лоха, на которого он бы начал давить намного сильнее, уже не скрываясь.

Паяльник, не прощаясь, развернулся и пошёл в машину.

Походка не была такой важной и широкой, как в первый раз, и это я отметил. Но сам я сел в автобус, к этому времени внедорожник уже уехал.

В голове билась мысль: «Пронесло». Но чем же он так опасен? И спросить-то не у кого.

Но я отбился, своего достиг. Я сделал всё, чтобы не заинтересовать.

Нет, он точно умнее, чем кажется. Странно, но раньше это я бы не заметил. И он бы меня подловил на чём-нибудь, ещё хуже, чем тот мент.

Так что его портрет в своей памяти я повесил рядом с портретом мента. Изображение головореза с окровавленным топором ему подходило.

* * *

Но пока думал об этом, доехал до института, и без приключений.

Первым делом зашёл в деканат, там забрал зачётку, уже с подписью и штампиком, что всё сдано. Теперь надо ждать лета.

Пошёл на пару, но аудитория была пустой. В коридоре встретил одnogруппника Лёшу.

— Слыхал? — с довольным видом спросил он, махнув рукой. — Пары у Иванова не будет!

— Е-е-е! — обрадовался я и спросил: — А что случилось?

— У него с заочниками было занятие. С одним начал ругаться, потом драться. Заочника в полицию увезли, а Ивано-

ва в больницу с разбитым носом отправил.

— Ого. И я это пропустил!

— Там эпично было, бро! — Лёша закивал. — Ну, так говорят, — добавил он. — Сам-то не был там. Они вроде как работали раньше вместе. Иванов ему сразу сказал, что завалит на экзамене, а тот ему давай что-то припоминать, какие-то взятки, Иванов сразу кулаками махать полез, а тот ему фейс пробил одним ударом!

— Снял может быть кто-нибудь? — предположил я. — Кстати, недавно разговаривал с одним заочником, говорит, что тот ещё дурдом на этой железке.

— Не говори, кринж какой-то. Уже не хочу там работать, — он засмеялся.

— У тебя же отец машинист, придётся. Династия, — я засмеялся.

У нас появилось полтора часа законного перерыва. И время как раз было подходящее. Мы пришли в пустой буфет, и там, на витрине, уже лежала полная тарелка сосисок в тесте.

Мы заказали по две штуки каждому и кофе, встали за высокий столик без стульев и принялись за перекус.

В последнее время готовить я стал намного лучше, чем раньше, но это не значит, что я стал брезгливым и морщить нос от обычной еды. Да и у нас в институте умели делать сосиски в тесте, правда.

И тесто хрустящее, и сосиски свежие, и успели мы до того, как на ближайшей перемене толпа студентов, как стая го-

лодных чаек, смахнёт всё. Да и раньше для меня это было дороговато, приходил сюда только со стипендии.

— Горячие, — Лёша подул на пальцы. — А комп себе не надумал брать?

— Думаю, — я кивнул и откусил кусочек, после запил кофе из картонного стаканчика.

— Бери! В хеллдайверс погоняем. Там как раз недавно Киберстан брать пытались, а там киборги, вокс-машины... тебе зайдёт, Вадя!

— Лёша! — остановил его я. — Да не понимаю я ни слова про твой хеллдайверс. Если возьму комп, то для учёбы. И смартфон ещё надо, мой уже откисает.

Я показал на экран. Снова сел, заряд батареи уже не держался. Но я тогда купил самый дешёвый, и тупил он изрядно. А нет, просто завис, экран загорелся. Но один фиг, надо другой, тут уже не починить.

— Ронял его, пайка отошла, наверное.

— В кредит? — спросил Лёша.

— Не, мне одного хватает. А тебе Мага не трогает больше? — перевёл я тему.

— Не, поговорили, успокоился. Спасибо, — вдруг добавил он.

— А за что?

— Так, вступился же за меня тогда.

Я пожал плечами. Просто тогда поговорил пару раз, не понравилось мне, что Лёху прессуют. Но человек добро за-

ПОМНИЛ.

А тем временем в буфет зашла Юля Тимохина, высокая темноволосая девушка с параллельного потока.

— Вадим, привет, — защебетала она. — Ты вчера на коньках катался, я видела, с какой-то девушкой?

— Привет. Было дело, — я кивнул. — Учусь.

— Я смотрела, вайбово так вышло, — она подмигнула. — А вот Дашка психует, что упустила, — Юля тихо и ехидно засмеялась. — Но если что — пиши, я тоже не против покататься.

Ну, это вряд ли. Сейчас мне есть с кем кататься. Если бы телефон не тупил, я бы уже написал Наташе. Но позвоню после пар.

— Ого, — удивился Лёша, когда она ушла. — К тебе и Юля подходит. Ты вообще, Вадик, какой-то гигачад стал в последние дни.

— Я и был, — я засмеялся. — Просто шмот сменил.

— Не, просто будто увереннее стал.

— Может быть, может быть. Кстати, сможешь потом комп выбрать? — решил я. — Ноутбук, чтобы и с собой носить можно было, и не сильно дорого.

— Конечно, бро... Может, лучше пойдём? — вдруг предложил Лёша, выглянув в коридор. — А то он всех достаёт в последнее время, провоцирует.

— Едим же, — я пожал плечами. — Куда идти? Стоим.

Но я понял, почему он заволновался.

В буфет зашёл наш одноклассник Макс Уваров, но он давно никого из нас не доставал. С тех пор как я ему ответил, он меня обходил, хотя сам я первым его не трогал.

Но он был не один, следом за ним вошёл второй мажор из нашей группы. Кирилл Дёмин, светловолосый высокий парень в белой рубашке шёл с таким видом, будто принц королевских кровей снизошёл до нашего буфета, не выпуская из рук последний айфон самой топовой модификации, чтобы его видели все.

— И чё тут есть? — спросил он, морща переносицу.

— Вот эти вкусные, — сказал Макс, показывая на тарелку.

— Ну да, ты к такому привык, — Кирилл ехидно усмехнулся. — Ну давай попробуем, чем тут кормят. Всё равно пары нет.

Заказал сосиску в тесте, откусил и скривился.

— Не, чего-то не хочется, — Кирилл бросил еду в ведро, стоящее в углу, но остановился рядом. — О, Вадик, — он сделал вид, что заметил меня.

Макс тут же что-то зашипел ему на ухо. Вроде как лучше не трогай.

Зря Кирилл не послушал хороший совет.

— Извини, выбросил зря, тебя не увидел. Ты бы, наверное, доел? — с фальшивой заботливостью спросил он, но в глазах играл весёлый огонёк.

— Подколоть меня хочешь? — спросил я расслабленным голосом. — Не советую.

Обычно, он меня игнорировал, как мебель, но иногда пытался достать. Меня тогда чуть не выгнали из-за него на первом курсе, когда я ему врезал.

Препоод один тогда меня спас, сегодня как раз у него пара. Но Кирилл не только меня доставал, но и других, ведь папа у него на нашей железной дороге занимал большое положение, и это знали все.

Но сейчас будет не так, как он привык.

— Да ты что, какие подколы? Просто хотел помочь. Кстати, тут недавно кеды выбрасывал на помойку, про тебя вспомнил, надо было их тебе...

— А я тут новости почитал, Кирюха, — сказал я, усмехась. — У тебя же папа — заместитель начальника дороги, а мама — владелец сети аптек?

— Ну да, у меня-то есть родители, да, — Кирилл улыбнулся с виноватым выражением на лице. — Ах да, у тебя же их нет. Забыл. Сочувствую, бро.

— А мы тут о твоих, — я не дал сбить себя с толку. — Это у нас же на дороге трясут, кто фальшивые акты приёмки подписывал, да?

— И чё?

— Как чё? Твой папа одним из подписантов был, а там шпалы гнилые на участках оказались, ещё сход грузового состава был из-за этого. Походу, уволят его. Может, поставят сюда преподавателем, — я усмехнулся, — но зарплата упадёт. Так что больше не пощикуешь.

— Ты на что намекаешь? — Кирилл нахмурил брови.

— А вот в аптеках тоже всё плохо. Все закредитованы, доход упал, скандалы ещё со сроками годности и подделками. И налоговая трясёт, и прочие. Сеть на грани закрытия, говорят.

— Какое это имеет...

— Так что если дела пойдут совсем плохо, — сказал я, глядя ему в глаза, — то твой БМВ, который в лизинг взят, придётся вернуть. И деньги на карманные расходы тебе урежут, и экзамены на халяву уже не сдашь. Да и вообще, зря ты хвастаешься богатством, не так уже и много тебе шиковать осталось. Людей только злишь, припомнят тебе это. И зря ты, Кирюха, выбрасываешь еду. Скоро это тебе за деликатес покажется.

— Лол, хе-е, — засмеялся Макс, а Кирилл посмотрел на него, как на предателя.

— Тихо ты! А ты... — он уставился на меня.

— Ну? — я развёл руками. — Что-то ещё про меня хочешь сказать? Или ударить? Попробуй, но в этот раз деканат не поможет. Так что не советую. Не вывезешь.

Он покраснел, но больше не сказал ничего, и молча ушёл под удивлённые взгляды и смешки остальных, кто это слышал. Но его и не любили.

Макс подумал и заказал ещё одну.

— А ты откуда это знаешь? — спросил Лёша.

— Ты же сам рассказывал, — вспомнил я. — Вычитал

тогда и рассказывал.

— Я уж забыл.

А я запомнил, оказывается. И сейчас навыки Тумана сложили два и два, чтобы этот Кирилл меня больше не доставал, мажорчик ушёл, оглядываясь по сторонам.

— Теперь точно отстанет, — заключил Лёша. — А то и правда, достал...

Он о чём-то болтал дальше, а я подумал, что мне и правда нужен комп. Но тут надо придумать, как снять бабки у того посредника, чтобы никто этого не видел. И чтобы не задавали вопросов.

Учитывая, что было сегодня, самый умный вариант — переждать, сейчас не горит, чтобы бежать и снимать. Но пока рядом крутится Паяльник, это опасно.

Жадность до добра не доведёт, тем более, я от голода не страдал. Подожду.

Вообще, стоило бы выяснить, кто такой этот Паяльник, чисто ради собственной безопасности... Кстати, у меня же есть способ, как это узнать. Не самый эффективный, но пока я препирался с Кириллом, то крутил этот вариант в голове. Даже не один способ.

Стоило бы заняться, чтобы понимать, кто этот человек и будет ли опасен для меня потом. Но Туман бы его точно опасался. При этом не прятал бы голову в песок, а постарался бы выяснить побольше об этом человеке.

* * *

Тем временем...

Слон, он же Мамонтов Эдуард Владимирович сидел за столом с телефоном в руках и считал выручку, тихо что-то бормоча про себя. Перед ним был кофе, который он не пил.

— Мне чё-то кажется, Жека, — Мамонтов поднял голову, — что наш бухгалтер Олежа стал хитрить.

— Мне к нему сходить? — грубым басом спросил Жека Паяльник, поглядывая на барную стойку, где ему должны были налить пиво.

— Да я шучу! — протянул Слон. — Шуток не понимаешь?

— Так ты говори прямо, идти или нет. Ну где ты там? — рявкнул Паяльник на бармена. — Сколько ждать ещё?

Парень с аккуратно выведенной бородкой и выстриженными висками, стоящий за стойкой, вздрогнул и сразу взял бокал.

— Народ не пугай, Паяльник, — недовольно проговорил Слон. — Приличное место, а ты тут как мамонт сидишь.

— В смысле? Как лох или чё? — Жека напрягся.

— Да потише ты. Шуток не понимаешь. Как древний мамонт, порядки современные не знаешь. Так чё там с этими детдомовскими?

— Да нормально, чё. Не они его мочканули, — Паяльник дождался своего пива. — И никто не знает, кто его порешил. Жора к ним ходил, пальцы гнул, потом наехал, не вывез и

съехал. Я же говорю — лох он.

— Лох-то он лох был, а деньги приносил.

— А как называется начальник над лохами? — Жека вдруг хмыкнул. — Кто себе в команду только таких набирает?

— Чё? — тут же возмутился Слон.

— Думаю, как бы назывался, — протянул Паяльник, хлопая глазками.

Слон уставился на него, думая, хотел ли Жека его оскорбить или брякнул случайно. Посмотрел на его вид и решил, что случайно.

— Ладно, босс, молчу, — Паяльник чуть отвернулся и хмыкнул.

— Надо было раскрутить их на это дело, — продолжил Слон.

— А я чё, мент, чтобы крутить кого-то? Сходил, поинтересовался, как ты и говорил. И всё, на...

Раздался звон колокольчика, и оба повернулись в сторону двери. В подвальное кафе вошёл человек, которого они оба хорошо знали.

Оперуполномоченный капитан Рогачёв подошёл к ним, взял стул, развернул его спинкой к ним и сел.

— Здорово, мужики, — с усмешкой проговорил он.

— Ты где тут мужиков увидел? — тут же напрягся Паяльник.

— Тихо, — велел ему Слон. — Чего надо, капитан? Ад-

воката сейчас позову.

— А могли бы спокойненько поболтать без лишних ушей,
— Рогачёв усмехнулся. — А так придётся повесткой звать,
сразу к следователю. Ну, куда деваться, раз хотите офици-
ально.

Бармен принёс бокал пива и блюдо с орехами. Рогачёв
втянул носом воздух.

— Хорошо вам, время рабочее, а вы тут пивко потягива-
ете, — он взял пару фисташек из блюда.

— Чего нужно? — спросил Слон.

Заметив, что опер смотрит на его руки, он тут же убрал
их под стол.

— Да я всё о старом, — произнёс опер. — О вашем кенте,
Гоше Витебском. Или Жоре Питерском, как вы его прозва-
ли.

— Он мне не кент, — пробормотал Паяльник.

— Шефу твоему кент.

— Мы с ним не работали, — поспешно сказал Слон. —
Подходил, предлагал свои услуги, но у меня легальный биз-
нес.

— Да-да-да, — Рогачёв закивал.

— И кто-то ему по башке дал, я не знаю.

— А с чего ты взял, что его по голове били? — спросил
опер.

— Ну... говорили так, — Слон откашлялся. — А чё с ним
случилось?

— Его убили, — Рогачёв хмыкнул и взял ещё орешек.

— Шутник, блин, — пробормотал Слон.

Паяльник громко загоготал через пару секунд.

— Убили его, ха-ха, в натуре, мент, Петросян, блин. А то мы не знаем. В комеди-клуб тебе надо.

— Там плохо шутят, — произнёс Рогачёв.

— Вот именно.

Опер посмотрел на Паяльника, но тут с хрустом сгрыз фишашку, будто не знал, что их едят без скорлупы.

— Короче, Слон, — сказал Рогачёв, — раз не хочешь по хорошему сказать, расследованию помогать, будем официально действовать. Но адвокат тут особо не поможет. Много у нас к тебе вопросов накопилось, ёлки-палки.

— Да он с какими-то детдомовскими связывался! — воскликнул Слон. — Я ему говорил, что попадёшь с ним. Вот их проверять надо.

— А ты мою работу меня делать не учи, — сказал Рогачёв и поднялся. — Сам знаю, как её делать. Вот, кстати, моя визитка...

Слон протянул руку, но тут же отдернул назад и кивнул Паяльнику.

— Возьми.

— А мне она зачем?

— Возьми.

Жека Паяльник взял карточку, а Слон понял, чего хотел добиться мент. Потому что на правом кулаке у него до сих

пор короста на костяшке, оставшаяся от того, как он ударил Жору Питерского в тот злополучный день.

Наверняка криминалисты и судмедэксперты сделали заключение, вследствие чего наступила смерть. Не от удара по голове, а потому что тот упал из-за удара в лицо и стукнулся затылком. А если ещё и след от перстня остался...

Опер ушёл. Слон сидел за столом, раздумывая над произошедшим.

— Ты высокий, глянь, чё он там делает, — велел он Паяльнику.

— Так ушёл же, — протянул Жека.

— Ты глянь. Да не ходи на улицу, глянь через окно, — с раздражением бросил Слон.

Высокий Паяльник поднялся и посмотрел в окошко под потолком.

— Колёса твои фоткает. Шины такие же купить хочет?

— Следы мои снимает, сука! — Слон едва стукнул кулаком по столу. — Паяльник, тебе надо... — он посмотрел на него и скривился. — Ладно, сам разберусь. Вызови ко мне одного человечка, замутим одну штуку. Пусть менты ищут кого надо, а не достают честных бизнесменов.

Смотрящий в окно Паяльник усмехнулся. Слон с удивлением повернулся к нему, но лицо вернувшегося за стол подопечного ничего не выражало.

Глава 13

Пол скрипел под ногами, пока мы играли в баскетбол. Время от времени раздавался свисток, а седой физрук Андрей Иванович, хотя все поколения студентов звали его Андроном Ивановичем, гонял нас без пощады, и после его занятий пот всегда бежал градом.

— Ну чё, Жан-Клод Ван Дамм, — он заметил меня. — Когда мне подтягивания сдашь, кикбоксёр? Забыл?

— Ничего я не забыл, Андрей Иванович, — отозвался я. — Хоть сейчас. А кто такой Жан-Клод Ван Дамм?

— Я тебе дам, кто это такой! — взревел он. — Вы, молодёжь, совсем...

— Да я шучу, — я засмеялся. — Знаю я такого.

— А я фильм смотрел с ним, — вставил Лёша, поправляя очки. — Рокки, называется, да?

Андрон Иванович взял мяч и кинул в него. Но мы не обижались, хоть и орал он часто и помногу, и мяч мог бросить.

Он был одним из немногих преподавателей, кто до этого не работал на железной дороге. Но зато был отставным военным, вот и чувствовал себя здесь, как дома.

Ведь на железке орут все, постоянно и по любому поводу, как в армии.

Несмотря на это, деда уважали все, он студентов прикрывал, помогал, иногда даже мог подойти к неуступчивому пре-

поду на другой кафедре и попросить дать ещё один шанс на пересдачу, если кому-то грозило отчисление.

И я не забыл, что он тогда вступился за меня на первом курсе, когда я врезал Кириллу. Сейчас же Кирилл на пару не пришёл вообще, ему хватило словесной взбучки, и, похоже, он будет шарахаться от меня ещё какое-то время.

Подтягивания я сдал, пятнадцать раз, хотя требовалось поменьше. Руки после этого немного загудели. Но хорошо, что это последняя пара, и не надо будет потом сидеть и страдать на лекции.

Зато заметил, как Даша пыталась заигрывать то с одним парнем, то с другим, наверняка пытаюсь вызвать у меня ревность. Но мне уже было пофиг, если честно. Наверное, она просто привыкла, что кто-то на фоне постоянно добивается её внимания, а тут резко прекратилось. И ей обидно, хочет сделать, как было раньше.

Мы бегали, выполняли нормативы, но с этим у меня всё и так было хорошо. Потом баскетбол, и, наконец, пара закончилась, пора в душ. Вышел после него, посвежевший и взбодрившийся, раздумывая, что купить и приготовить на обед.

И что делать дальше с возможной проблемой, потому что я не хотел оставаться в неведении. Надо разузнать, стоит ли беспокоиться или нет.

— Привет, Вадик, — Даша, стоявшая недалеко от входа в мужскую раздевалку, начала мило улыбаться.

И делает вид, что оказалась здесь совершенно случайно.

— Привет, Даша, — спокойным тоном, как здоровался с любой девушкой на потоке, сказал я и прошёл мимо.

— А я сегодня освободилась пораньше, вот... ты меня игнорируешь? — она пошла следом.

— Почему? Я же с тобой здороваюсь каждое утро. И только что сказал «привет».

— Ты с Машей общаешься, а ко мне не подходишь совсем! — обиженно сказала Даша, надувая губки.

Ну здравствуйте, пошла в наступление после тотального игнора. И вот чего они с Машей больше не общаются.

— А Маша мне РГР чертит.

— А я?

— А ты бы начертила? Я тебя много раз просил.

— Я... да не в этом дело. А что за блондинка на катке была? — спросила она то, что её интересовало больше всего.

— С ней? Ты серьёзно?

— А в чём проблема? Сама же тогда говорила, что у нас отношений нет и быть не может, и ты знакомишься и переписываешься с кем хочешь. Вот и я познакомился, — я улыбнулся.

— Да я не это имела в виду! — возмутилась Даша. — Или ты из-за того случая в кафе? Просто посмеялись тогда...

— Давай время тратить не будем, — я посмотрел на неё. — Ты меня знаешь, я юлить не люблю. Тебе просто надо, чтобы я снова за тобой бегал и упрашивал. Тебе так привыч-

но. А мне бегать за тобой больше не хочется. Вырос. Пока, Даша.

Она замолчала, уставившись на меня, но через несколько секунд выпалила вслед:

— Да мне вообще всё равно, с кем ты там ходишь!

— Тогда зачем спрашиваешь?

На это Даша ответить не смогла. Я спокойно себе пошёл дальше, написав «привет» Наташе. Решили, что завтра увидимся на секции.

— Он меня игнорит, — услышал я голос Даши из коридора, пока надевал пуховик у раздевалки. — Намекала, что на свидание можно сходить... в смысле? Ну нет, конечно, какие с ним могут быть отношения? Просто бесит... Что значит, сама упустила?! Ты куда?

— Привет, Вадим, — мимо прошла Катя из нашей группы и улыбнулась. — Ты на коньках, говорят, кататься умеешь.

— Научился, Кать.

— А я даже не знала.

Сегодня что, на мне мёдом намазано? Или это из-за дезодоранта нового? Так реклама не врала? Ха!

Поправил шапку и пошёл на выход. У меня так-то дела. И есть хочется.

По дороге домой взял куриные бёдра и лимон, и ещё немного обычной картошки.

С курицей особо не возился, просто обжарил бёдрышки до корочки, полил лимоном, добавил воды и оставил томить-

ся до готовности. Такие действия вообще выполнялись на автомате.

На гарнир же была обычная картошка. Мы как-то были в летнем лагере, пытались её приготовить, но всё сожгли, и с тех пор я жареной картошки не касался, только фришку ел в фастфудах.

А ещё в лагере был такой вкусный хлеб, что мы ели его много раз на дню большими порциями. Нигде такой вкусный больше не попадался. Попробовать выпечь? А то такой фиг купишь.

Пока же надо было сделать гарнир. Сначала забросил очищенные и разрезанные пополам картофелины в холодную воду, дождался кипения, но варил недолго, минут семь. Затем воду слил, оставил картофель высохнуть.

И только после этого обжарил картошку с чесноком и травами до золотистого цвета. Получилось прикольно: снаружи хрустящая корочка, а внутри очень мягкая. И очень уж ароматная.

* * *

Ну а дальше погнал по своим делам, и не по учёбе. Это больше как предосторожность, чтобы понимать, чего ждать от нового знакомого.

Доехал я до районного отдела полиции. Место, которое я бы избегал всеми силами раньше, но тут у меня был один человек, который мог бы мне хоть что-то рассказать.

Хотя и не особо много, но зато это был способ прояснить

ситуацию, не имея других связей.

У входа располагалась дежурная часть, в подвале размещался изолятор временного содержания, а опера и прочие сотрудники находились на втором этаже. Усатый дежурный сидел за стеклом, говорил по телефону, на груди у него висел бейджик, да и на стекле было написано, кто именно сегодня дежурит.

У них система с пропусками, просто так не войти. Есть видеонаблюдение, но я пришёл не нарушать закон, а просто узнать, так что пусть снимает...

Я звонил нужному мне человеку из дома, но он, похоже, сменил номер. Номер его кабинета я не знал.

Можно долго и утомительно узнавать у других сотрудников, но я решил ускорить задачу.

В голове уже родился план, как это сделать быстро, эффективно, не привлекая лишнего внимания. Кажется, Туман проникал в такие места и знал, как работает система.

Хотя что делать дальше, чёткого плана уже не было. Только попасть внутрь и постараться выяснить хоть что-то. Импровизировать, грубо говоря, если нужного мне человека нет или он вообще откажется помогать. Или обращусь к другому.

Короче, без информации не уйду.

На улице, где курили несколько сотрудников, и стояли машины ППС (из одной как раз пэпсы вытаскивали упирающегося пьяного мужика), я достал телефон и набрал именно

эту дежурку, тем более, номер был записан на стекле, и я его запомнил методом Тумана. Как и имя дежурного.

— Дежурная часть, — раздался усталый голос в трубке.

— Романыч, сейчас ко мне человек подойдёт, пропусти побыстрее, — приказным тоном сказал я, бубня через кулак, чтобы звучать грубее, и тут же отключился.

Сверять, кто именно звонил и откуда, усатый дежурный не стал. А я уже вошёл внутрь и смотрел на него через стекло.

— Анатолий Романыч, мне наверх, — сказал я. — Вам уже звонили?

Дежурный, не отвлекаясь от другого звонка, нажал на кнопку, и над вертушкой загорелась зелёная лампочка. Я спокойно прошёл дальше.

Ого! Ничего себе, удалось! Оперативно получилось, даже лучше, чем я думал. Будь я бандитом, устроил бы тут веселье.

Но они и правда привыкли пропускать всех по просьбе начальства или оперов постоянно, и Туман это знал.

Здесь недавно сделали ремонт, ещё пахло казённой краской, но линолеум в крупную клетку под ногами уже был порядком протёрт. На серо-белых стенах висели доски с информацией, портреты с разыскиваемыми, из-за этого почти не было свободного места. Двери во все кабинеты были закрыты.

И куда стучаться? Но долго искать не пришлось.

Я давно его не видел, но узнал сразу, он почти не изме-

нился. Дядя Лёша, старый друг отца, только что вышел из кабинета руководителя и уставился на меня.

Именно к нему я шёл.

— Дядь Лёша, здравствуйте, — сказал я.

Усталый мужик с редкими тёмными волосами поправил очки и уставился на меня.

— О, Вадя, ничего себе, ты вырос! Ты ко мне? А чего не позвонил?

— Звонил, но у вас номер сменился.

— А, ну да! Забыл сказать.

Помню, как на похоронах отца дядя Лёша подходил ко мне и обещал помочь со всем, чем угодно. Тогда много кто ко мне подходил с этим, но почти все о своём обещании забыли сразу.

Дядя Лёша тоже забыл, и за эти годы я его не видел ни разу, хотя когда отец был жив, они виделись каждые выходные.

Но пару раз я с ним созванивался. Один раз, когда вставал на прописку, он обещал помочь ускорить дело, но забыл. Потом извинялся, обещал всё исправить и снова забыл.

После этого обещал поговорить с одним опером из уголовного розыска, который думал, что я делаю закладки, но и на это махнул рукой. Я даже не напоминал.

Да, это человек, в котором я уверен на все сто процентов, что он своё обещание забудет точно.

Но я здесь не за этим. С одним вопросом он помочь сможет, ведь всех местных бандитов из организованных группи-

ровок он знать должен по роду службы.

Тем более, для этого ему ничего не потребуется делать самому, только говорить, так что на мой вопрос ответит. Или даст наводку, или я сам её найду. А пока я зайду издалека.

— Дядя Лёша, да мне тут в институте дали задание для курсовой, — придумывал я на ходу, — современная организованная преступность. Можете рассказать что-нибудь?

Он вряд ли помнит, где я учился, и вряд ли знает, что у студента железнодорожного института в принципе не может быть такой темы для курсовой. Но я дядю Лёшу особо не интересовал, чтобы он обо мне хоть что-то помнил.

— Так-то я занят, — он почесал затылок. — Ну ладно. А что именно?

— Чем занимаются, какие представители в городе есть, какие дела открыты? То, что можете рассказать, конечно. Вы же эксперт, разбираетесь.

— Ну, давай. Чё-нибудь придумаю.

Людям нравятся, когда их мнение спрашивают, им приятно, когда их называют экспертами, вот дядя Лёша и растаял. Простая хитрость от Тумана.

Дядя Лёша провёл меня в кабинет, очень тесный, где стояло три заваленных бумагой стола, стоящих впритык друг к другу. Открыл ключом, ведь остальных оперов не было, все на выезде.

В кабинетах курить запрещено, но куревом всё равно пахло. У стены стоял выкрашенный в белый сейф, из него тор-

чал ключ. Закрытое решёткой окно выходило во двор, на подоконнике лежали ещё папки и пакет из «Пятёрочки».

Я сел на скрипнувший стул для посетителей. Да, бумаг много, и где именно искать, я пока не знал. Поэтому был только один способ: импровизация и память шпиона, тренированная как раз для таких ситуаций, когда требуется узнать много и очень быстро, пока никто этого не увидел.

— Чё тут сказать? — дядя Лёша почесал редкие волосы на голове и кашлянул. — Сейчас банды работают иначе, не напоказ, как раньше. За исключением этнической преступности в диаспорах. Там всё как в 90-е осталось.

— Меня больше интересуют старые городские банды. Какие-то же остались с давних времён. Или люди в них, те бандиты-рецидивисты?

— Да уже никого из тех бандюганов не осталось, — он вдруг заржал. — Кроме зама губернатора, но его уже посадили.

Я тоже посмеялся.

— Они сейчас не отсвечивают лишний раз, Валера, — он перепутал моё имя.

— Вадим, — терпеливо напомнил я.

— Ой, точно, Вадя. А так, занимаются обналом, создают фиктивные ИП на всяких бомжей. Ещё мошенничество с кредитами и телефонами, тут всем каждый день звонят. Закладки, конечно, это у них сейчас основной источник дохода помимо проституции...

Он начал нудно перечислять прочие преступления, пару раз зевнув.

— Крипту отмывают, контрафакт через маркетплейсы гонят, притоны держат. На закупках мошенничают, конечно. Недавно мы накрыли вебкам студию, но там уже спад пошёл. Как раньше, короче, бабки зарабатывают, но с учётом нового времени. И уже не так отсвечивают, да.

— И вы всех знаете?

— Почти всех, — он с гордостью похлопал по стопке дел.

— А папа же в этом отделе работал? — спросил я. — Как и вы, дядь Лёша?

— Да. Он меня и позвал тогда сюда. Матёрый у тебя старик был, принципиальный, — он задумался. — Чаю хочешь, Виталья... Вадя? — предложил он.

Хоть фамилию не забыл. Хотя кто его знает?

В углу стоял кулер, и там даже был краник для горячей воды, но бутыль сверху давно была пустой, и это меня совсем не удивило. Дядя Лёша вздохнул, взял со стола красный электрический чайник и пошёл на выход.

— Я тебя закрою, — сказал он. — А то кто-нибудь зайдёт ещё. Начальство ходит.

— Конечно.

Дядя Лёша подумал и забрал ключ из сейфа перед уходом. Дверь закрылась, замок в двери щёлкнул...

Я тут же вскочил и начал листать папки на столе, так быстро, как только мог. Просто смотрел страницы, в надежде, что

навык скорочтения и память Тумана запомнят всю суть, и я потом это использую.

Пролистал несколько папок. Глаза уверенно бегали по строчкам, разбирая как корявый почерк полицейских, так и бледные ксерокопии. Просто читал, пробегая глазами, чтобы разыскать нужное, и чтобы как можно больше отложилось в памяти.

Тук-тук!

Дверь задрожала. Я посмотрел туда. Нет, ключа у них нет. Продолжил листать, только тише. Вот, как раз то, что мне может пригодиться...

Я жадно читал, как студент свою шпаргалку во время экзамена, когда преподаватель вышел на минуту. То есть — как я сам во время сдачи термеха.

Раздались шаги. Эти уже были мне знакомыми. Левая подошва шоркала по линолеуму, а именно так ходил дядя Лёша. Я заметил это сразу, как только его увидел, но осознал только что.

Сложил папки, а сверху положил скрепку именно там, где она лежала, одним концом на букве «о» в слове «дело».

В замочной скважине провернулся ключ. Я сел на стул, но одна бумажка из стопки предательски полетела в сторону...

— Да мы тут чай попить хотели, — услышал я голос дяди Лёши.

— Дай мне по Слону бумаги. Мутит он, Мамонтов наш. Полистать их хочу.

— Тише, — сказал дядя Лёша.

Дверь открылась.

— О, молодёжь, — опер Рогачёв, который недавно приходил ко мне, широко улыбнулся, входя в кабинет. От него пахло перегаром. — А я думал, ты серьёзный парень.

— Так и есть, — спокойно произнёс я и хмыкнул. — И даже чай пью у вас в кабинете. Всё серьёзно.

— Тогда чего ты тут...

— Да это же Сани Лебедева сын, ты чё, не знал? — дядя Лёша протиснулся внутрь с чайником в руках. — Помнишь его? Пришёл вот пообщаться, по учёбе совета спросить.

— Ого, — удивился Рогачёв, уставившись на меня. — Не, я Саню лично не знал, заочно только, — он посмотрел в потолок, закатив глаза. — И по телефону раз общались, много лет назад. Я тогда только в полицию пришёл, в милицию ещё вернее, зелёным был. И ты об этом не говоришь, — с укоризной добавил опер.

— А не было повода, — сказал я.

— Буду знать теперь.

Бумажка лежала не так, как было изначально, но я вернул её как можно ближе к старому месту и спокойно сидел на стуле.

Дядя Лёша взял папку и подал Рогачёву. Листик снова выпал, я его подхватил и подал оперу. А это засчитают за помощь родной полиции? Зато никто не поймёт, что бумажка от судмедэксперта лежала не на своём месте.

— Слушай, никто не подходил к тебе по тому вопросу? — спросил Рогачёв, глядя на меня. — С Жорой. Лёха, прикинь, — он посмотрел на дядю Лёшу, — Жора же на Вадика лез, но огрѐб.

— Ого. Ничего себе.

— Да я проверил, всё нормально. Нам всё с ним ясно.

Я немного подумал. Неизвестно, насколько можно им верить, но тут очень хороший повод узнать то, чего не было в бумагах.

Тем более, я и раньше подумывал о том, чтобы позвонить Рогачёву. Это был резервный план на случай, если бы не вышло с дядей Лёшей. Просто тут был шанс узнать побольше, при этом было бы меньше подозрений.

— Утром подходил какой-то хмырь, здоровый, как «Камаз». Уши ещё ломаные, как у борцухи. Спрашивал, что знаю, потом ушёл.

— Жека Паяльник? — Рогачёв усмехнулся. — Он тупорогий долбоящер, ты не парься. И у него только вид агрессивный, сам он никуда уже не лезет.

— Паяльник-то? — задумался дядя Лёша. — Не, он в тираж вышел. Внешность у него фактурная, но он себе на зоне всё здоровье кончил. А чѐ, обижает? Так мы его живенько приструним.

— Нет, не нужно, — я замотал головой. — Просто товарищ капитан спросил, я рассказал.

Оба мента ничего опасного в этом Паяльнике не увидели.

— Это его Слон послал, — Рогачёв хмыкнул. — Типа, показать, что не при делах, — он засмеялся. — Не, если бы он правду искал, он бы Рината, дружка своего, послал копать, а не Паяльника. Тот бы, хитрый жук, нашёл. А так только отмазывать будет.

Так, интересно. Значит, думают, что этот Слон виноват в смерти Жоры. А Слон пытается отмазаться, посылая свою шестёрку.

Вот только нифига это не шестёрка.

* * *

Попили чай, дядя Лёша рассказал ещё немного о современных бандитах, но нужное я вычитал в его папке.

И пока ехал в автобусе, я пытался вспомнить всё, что увидел. Пока вроде понимаю, что навыки Тумана работают отлично, даже готовка и эти шпионские штучки, а вот память была своеобразной.

Мысли и планы не помню, но образы, которые оставались в его дворце памяти, я видел. Хоть и не всё.

Пока вспомнил, настолько погрузился в ту память, будто сам находился в этом прохладном дворце. Сидел за столом у фонтана, будто листая прочитанные сегодня дела. Рядом журчала вода, приятно пахло апельсинами, а из старинного патефона играла музыка.

Правда, совсем не классика. Хотя как сказать, для меня «Сектор Газа» как раз классика:

— Не пугайся, дорогая, у меня на шее кровь.

Что со мною, я не знаю, ты мне воду приготовь...

Запомнил не всё, слишком много прочитал, и надо было тренировать память, чтобы она стала идеальной. Но несколько страниц засели в голове так чётко, будто я видел их своими глазами.

Пока не знаю, как мне всё это пригодится, но зато теперь мне известно, за что сидел Жека Паяльник, и чем занимается Слон, на которого и правда работал Жора, курируя целую сеть кладменов-закладчиков.

Как только это использовать? Подумаю.

А когда я заходил домой, меня пронзила мысль.

Жека не просто хвастался, когда сказал, что посадил кого-то на пику, он и правда зарезал человека двадцать пять лет назад. Сидел за это пятнадцать лет, вышел десять лет назад и... чем он занимался потом? Выглядит, будто откинулся вчера. Куда пропали десять лет?

И следом возникла другая мысль.

Туман отлично знал русский, не хуже тех, кто прожил в стране всю жизнь. Но он был иностранцем и не мог знать вообще все наши фразочки и жаргонные словечки. Или думал о них иначе, в своей манере.

Поэтому похвала Паяльника, что он кого-то «посадил на пику» в памяти Тумана могла ассоциироваться с «посадил на кол». Там и там же дерево. Он не знал Паяльника лично,

но такую деталь биографии ему могли рассказать, точно передав слова.

Тогда портрет Дракулы в его памяти был бы очень в тему.

Не это ли тот связной, который теперь ищет концы? Или деньги, которые ему, возможно, обещали?

* * *

В это же время...

Из-за туч выглянуло солнце, освещая парковку, где уже стояло два внедорожника: синий китайский «Exeed» и чёрный «Мицубиси Паджеро» старой модели. К ним подъехала другая машина: побитая серая «Тойота Камри».

— Здорово! — Слон пошёл навстречу водителю. — Как дела?

— Не жалуюсь, — отозвался высокий и щуплый сорокалетний мужик.

— Да тут проблемки у меня, Ринат, — начал Слон. — Твои бывшие коллеги лезут, вообще без всякой причины.

— Без всякой? — Ринат усмехнулся и отпил кофе из картонного стаканчика, который взял с собой из машины.

— Я тебе говорю. Там какой-то тип помер, по башке стукнули, он откинулся.

— Жора Питерский? Слышал.

— Вот-вот, — Слон закивал. — А он ко мне раньше приходил, хотел поработать. А нафиг он мне нужен? У меня бизнес легальный... ты чё ржёшь?

— Да так, смешинка в рот попала.

Мужик отпил ещё кофе, а Слон в нетерпении ждал.

— Ну... и что ты от меня хочешь? Я давно не в органах. Я вообще теперь частный детектив, — Ринат гордо выпрямил голову.

— И чем занимаешься? — грубо спросил молчавший до этого Жека Паяльник.

— Много чем.

— Жён неверных фоткаешь, — Паяльник хмыкнул.

— Не отвлекай, — Слон отмахнулся. — Мы о деле говорим. Да придумай что-нибудь, Ринат, ты же спец. Надо, чтобы от меня отстали.

— Чтобы от тебя отстали, надо, чтобы к кому-то другому прилипли, чтобы надёжно было, — задумался частный детектив. — А для этого что-нибудь серьёзное надо, вещественное.

— Есть у нас кандидаты на это дело, — Слон хмыкнул.
— И улики найдём.

— И это не бесплатно.

Слон достал телефон из кармана и чертыхнулся.

— Опять интернет вырубил. Но позже перекину. Есть кошелёк?

— Какой кошелёк? — удивился Ринат.

— Крипто.

— Какая тебе крипто? Бабки мне надо. Я тебе чё, криптой исполнителю платить буду? Они компьютеры-то включать не

умеют. Налик нужен. На оперативные расходы.

— Будут, — Слон скривился. — Жека, стоняй-ка к нашему другу, сними, я потом ему переведу.

— К какому другу? — спросил Паяльник, хлопая глазами.

— Да ты знаешь, — Слон поморщился, посмотрел на него, подошёл ближе и прошептал: — К Володе. Суперсоник наш.

— А-а-а! — Жека ударил себя по лбу. — Ладно, погнался, пацаны.

Он завёл свой внедорожник и поехал, по пути что-то напевая про себя. На перекрёстке он подрезал «Субару», её водитель гневно забибикал, но Паяльник высунул рожу из окна, и этого хватило для того, чтобы конфликт погас.

А после Жека достал телефон и набрал номер. Говорил он серьёзным голосом, без блатных интонаций и прочего.

— Братан, здорово, — серьёзным голосом сказал он, глядя на дорогу. — Разговор к тебе есть. Деловой. Да-да. Можно неплохо заработать... Да-да. Верно, ха! Бойся данайцев, дары приносящих. Ха! Но это не наш случай.

Паяльник остановился у перекрёстка. Переходящий дорогу парень посмотрел на рожу Паяльника и ускорил шаг.

— Ха-ха, ты же интеллектуал, — продолжал говорить Жека своему собеседнику, — книжки умные любишь, Пруста с Джойсом перед сном читаешь, и Борхеса на завтрак. Ну да... Но это не в моём случае. Дело тут одно всплывает, но не могу концы ухватить. А вот приз-то хороший, но надо с ним поработать вплотную. Дома? Скоро заеду.

Глава 14

Проснулся я в три часа ночи, после сна, в котором я ехал на машине, на заднем сиденье лимузина, и держал в руках телефон, читая какое-то сообщение о переводе денег. Но во сне прочитать надписи невозможно, буквы скакали, расплывались и исчезали.

Я проснулся, полежал в темноте, думая, что скоро усну, но сон не шёл. Что-то беспокоило ещё, и я пытался понять, что именно. Не учёба и не этот Паяльник.

Будто было какое-то незаконченное дело, с которым Туман всё хотел разобраться.

Точно! Понял.

У Тумана оставалось одно незавершённое дело, которое он не успел доделать. Связанное с его криптокошельком.

Биткоин ведь открытая книга, и любой, кто знает номер кошелька, может увидеть, что я с него покупал или куда переводил. Эта информация доступна вообще всем. Нет имён, но видно транзакции.

Но есть другая криптовалюта, которую так легко отследить не выйдет. Так что я решил заняться этим, правда, пришлось почитать, как это работает.

Несколько часов у меня ушло, чтобы создать новые кошельки и купить анонимную криптовалюту Monero, а её я по новой обменял на обычную крипту — биткоин и более

стабильный USDT, привязанный к курсу доллара.

Вывел я всё это уже на новые, созданные для себя кошельки. Потерял несколько процентов на комиссиях, но зато так будет сложнее кому-то понять, куда именно делись деньги, их след пропадёт.

Ну а парольные фразы я никуда не сохранял, зачем? Есть же память, та самая «Тайная Вечеря», с помощью которой Туман запомнил свою парольную фразу. И я запомнил, просто теперь картина выглядела иначе.

А вообще, эта техника памяти интересная, буду пользоваться и для себя. Только место другое придумаю, будто это не дворец, а дом бабушки в деревне, его-то я помнил досконально, как и путь от него к речке. Пусть он стоит у дворца, буду размещать там что-нибудь для себя.

Но при этом нельзя забывать и про старый дворец. Ведь если я не буду «прогуливаться» по доступным мне помещениям, то всё забудется.

* * *

Немного поспал, проснулся до будильника и приготовил завтрак, очень сытный, но для меня непривычный.

Обжарил на сковороде куриную колбаску, разрезанный помидор и несколько шампиньонов. Вообще, в это блюдо добавляют кровяную колбасу, которую англичане называли пудингом. Но это было бы перебор, еда и так выходила очень плотной.

Зато я не пожалел консервированной фасоли в томатном

соусе, которую подогрел на этой же сковородке, и разбил туда два яйца. И подсушил хлеб.

После поискал в интернете, кто ещё может обналичить крипту за наличные. Предложений много, но это серая зона, и здесь можно попасть. Но зато не буду ходить к одному Суперсонику каждый раз.

Тут я подумаю. Надо перекрыться, ведь это, что связывало меня с Туманом в явном виде, особенно когда этот уголовник трётся рядом.

Я о нём знаю больше, но этого мало. Стоит зайти к пацанам, спросить, что знают они. Зашёл, позвонил, но утром это было бесполезно, они дрыхнут или ещё не вернулись. Зайду после учёбы.

В общем, надо посуетиться, ведь чем больше знаю, тем лучше.

Но пока у меня по плану обычная жизнь.

* * *

Приключений на учёбе сегодня не было. Кашин гонял всех по параметрам колёсных пар и впервые начал пару не с меня. Из больницы вернулся декан Иванов, который всю пару жаловался на неблагодарных людей из депо, которых он поднимал, а они забыли об этом.

Это связано с той недавней историей, когда он получил по носу.

Пока он нудел, Лёша шёпотом пересказывал мне сюжет серии «Фрирена», аниме, которое он смотрит, а я — нет, а

парни в соседнем ряду тихо гоготали, сбрасывая друг другу видосики.

Обычный день в универе. А чего бы поесть на обед?

Но любимый «Сектор Газа» дал мне ответ, пока я слушал музыку по пути:

— Возьми мясо и хрящи, навари крутые щи.

Ты чугунок прополощи и вари в чугуне щи.

Кидай больше овощей, не могу я жить без щей.

Чтоб я толстый был ваще, навари мне русских щей

Точно, щи! Почему бы и нет?

После была секция, спарринг с Толиком, который вернулся с соревнований без призовых мест и был зол, поэтому пропускал удары. Из-за этого тренер на него разорался.

Всё было спокойно. Я поболтал с Наташей, после направился домой. Зашёл в мясной магазин, купил мозговую косточку. Её бы, конечно, распилить и добраться до мозга, но мне главное — бульон. Подумал ещё и дошёл до рынка, где купил у бабушки аж трёхлитровую банку квашеной капусты. У неё свежая, хрустящая, лучше магазинной.

Зашёл к соседям, но снова не открыли. Тогда к себе, сразу поставил кастрюлю на плиту. Вариться будет долго, но я и не торопился. Перекусил тостом с сыром, сделал домашку, иногда отвлекаясь на приготовление щей, пока в голове играла песня:

— Я без щей и дня не проживу
В жёны даже дуру я возьму
Пусть она кривая и в прыщах
Лишь бы разбиралась она в щах.

Главное, что картофель нужно бросить раньше квашеной капусты, а то он задубеет от кислой среды. Капусту ещё потушил на сковородке, после скинул в суп и оставил томиться.

Но чего-то не хватало.

— Сала надо! — придумал я.

К щам отлично подойдёт сало, сметана и свежий ржаной хлеб. Взял наличных из пачки, лежащей под стиралкой, вышел из квартиры.

— Вадим, — окликнул меня сосед на лестничной площадке. — Слушай, а кто здесь курит постоянно? Весь подъезд провонял.

Седой мужик в домашнем халате хмурился, глядя на пепел под своими ногами. Он адвокат на пенсии, сколько жалоб раньше на нас писал.

— Я же не курю, Пал Палыч, — отозвался я.

— А ты бы не мог поговорить со своими друзьями? — спросил он и усмехнулся. — Музыку-то они перестали слушать. Говорят, ты перед этим с ними поговорил.

— Посмотрим.

Надо же. Раньше он был более занудным...

По приобретённой привычке оглядел двор, но всё было спокойно на первый взгляд.

Зашёл в магазин, купил то, что надо, у хлеба ещё хрустела корочка. А когда выходил, увидел у магазина Стаса и Лёнчика из наших. Они щёлкали семечки, громко при этом ржали и пили пиво. Уже запролаются, алкаши.

Обычно я проходил мимо, пусть бухают. Но я же их искал с самого утра.

— Ну что, пацаны? — я остановился перед ними. — Подходили к вам из-за этого Жоры?

— Да постоянно, — Стас шмыгнул носом. — Менты и ещё какие-то мутные подходят. Интересуются, чё и как.

— Он вам закладки предлагал делать?

— Не-не-не! Только туда, на дачу съездить.

Я поглядел на притихнувшего Лёню. Тот смотрел на меня с таким видом, будто боялся, что я сейчас напомню о том случае, когда он приходил ко мне с сумкой, умоляя подержать у себя.

Но я не стал напоминать, зачем? Он сам тогда сделал правильный выбор и не попался.

— Под Слоном же он ходил? — спросил я.

— А хз, — Стас пожал плечами.

— Да, — сказал Лёня. — Теперь всё догоняют чё-то, ходят тут всякие.

— Кто именно?

— Да вроде как мент какой-то, — Стас огляделся и шмыг-

нул носом. — Хрен его знает. Вот, только что был. И вчера какой-то хмырь приходил. Здоровый такой.

— Паяльник?

— Да, он, походу. Про тебя интересовался, мы не сказали. Но там Жорина кодла, походу, всё растрепала.

Про Паяльника я и сам знаю, а что за мент приходил? Сказано было мимоходом, но в памяти отпечаталось. Это может быть важным.

— Мент с похмелья был? — спросил я, думая о Рогачёве.

— Не, — оба замотали головами.

— И когда приходил?

— Утром, — сказал Лёня и почесал бровь. — Ты на учёбе был.

— Ты уже проснулся утром?

— Я и не ложился ещё, — он засмеялся. — К тёлке ходил, вернулся, и он там в подъезде трётся.

— А чего не сказал, что он приходил?

— Да только сейчас вспомнил. Ты поинтересовался, вот и...

Ещё один мент или кто-то ещё? В любом случае, надо глядеть в оба. Хорошо, что подошёл к ним, а не сразу направился домой. Теперь знаю больше.

Но наблюдал за обстановкой так, как никогда раньше. А что творится во дворе? Одни и те же лица, одни и те же собаки. Из новых людей только курьеры, что ходили с термосумками, иногда скользя на утоптанном снегу.

Хотя вон та серая «Камри» с госномером 858 стояла здесь ещё утром. Запомнилось это так, будто я кино прокрутил в голове. Да, стояла. А минутку... не видел ли я её, пока ехал в автобусе? Точно, на Чкалова была.

Хвост? Не факт. Но если да, то не надо показывать, что узнал их. Когда замечаешь хвост и нет прямой опасности, лучше вести себя, как обычно. Ведь следить за целью, которая каждый день делает одно и то же — самая скучная вещь на свете.

Но стоит смотреть в оба, внимательнее, чем обычно.

И чего они тут трутся? Этот Слон, бандит, ещё Паяльник, работающий на него, но преследующий какие-то свои интересы. Ну да, Слон, возможно, грохнул Жору, но пытается отмазать.

Но тут вопрос... как именно он будет пытаться отмазаться? И поможет ли ему Жека Паяльник?

Переходим в режим повышенного наблюдения. Вышел из лифта, огляделся и остановился у своей двери. Пытался вспомнить, всё ли так, как было утром?

Нет, не совсем.

На лестничной площадке лежал сигаретный пепел. Да, пацаны здесь курят, что запрещено, и всё же... Я потрогал пальцами. Тёплый. Я спустился ниже по лестнице, увидел лежащие на ступеньках бычки.

Это «Парламент», пацаны такое не курят. Один тёплый.

Подошёл к двери, присмотрелся к замку очень вниматель-

но. Была ли эта царापка раньше? Не припоминаю. Но выглядит свежей.

Раньше не обратил внимания, но теперь...

Я открыл замок, но дома всё было так, как раньше, будто ничего не изменилось.

И всё же... я окинул взглядом прихожку, все шкафы, остальное. На кухне суп спокойно себе томился дальше. Всё как всегда, но я медленно проверял всё. Заглядывал везде, смотрел внимательно. Всё как раньше...

Я закрыл глаза, вспоминая, всё ли было так, как вчера. Ещё не умею определять это на автомате, но... да, кое-что всё таки изменилось.

Это всё из-за шкафа в прихожей, верхняя дверца была чуть приоткрыта. Но я вчера убрал туда коробку и закрыл плотно, а сейчас она закрыта не до конца.

Сразу бросился туда и открыл. Коробка из-под новых кроссовок стояла не там, где раньше, её чуть сдвинули. И крышка чуть приподнята.

Осторожно провёл вокруг неё и потянул к себе. Раньше в ней лежали только бумажки, которые обычно кладут в обувь, чтобы не потеряла форму, но сейчас... сейчас она была тяжёлой.

Я вытащил её. Около килограмма весом. Кто-то положил мне туда какую-то вещь.

Открыл и посмотрел туда. Ну здравствуйте. Внутри лежал прозрачный пакетик, и внутри был явно не сушёный укроп

с розмарином, и, самое интересное — старый пистолет ТТ, Тульский Токарева, уже потёртый, в промасленной тряпке. И кроме этого, там была печатка с камнем.

Это точно подстава.

Слон отправил кого-то, чтобы подбросил улику или мне, или пацанам. До меня было ближе, или опорочить меня было проще, ведь это я же дрался с Жорой.

И я жил один, в отличие от остальных. Проще застать врасплох, чтобы я не успел это найти и выкинуть.

Связаны эти вещи с Жорой или нет — неизвестно, но ствол сам по себе уже серьёзная статья, не говоря уже о пакетике. Ещё и про бабки могут спросить, откуда я их взял...

Когда это сделали? Надо выяснить, но они точно караулили, вскрыли замок и оставили «подарок». Кто-то хотел, чтобы я был дома в этот момент, чтобы... чтобы сразу и задержали. И тем самым сняли подозрения со Слона.

А это значит, времени может быть мало. Если есть связи в органах, то организовать обыск могут быстро. Мол, взять с поличным, пока не успел спрятать улики. Тут следак даже сам себе может выписать постановление, лишь бы найти что-нибудь.

Я прислушался. Внизу хлопнула дверь подъезда, загудел лифт в шахте. Сразу бросился к окну с коробкой в руках. Внизу стояла полицейская машина, рядом с ней курили двое, один будто искал моё окно взглядом.

Так что туда ничего не выбросишь, увидят...

— Пу-пу-пу, — пробормотал я.

Если не избавлюсь от улик, то поеду в изолятор.

Подстава конкретная.

Звякнул лифт, шаги стали громче, а вскоре кто-то замолотил в дверь, зажав кнопку звонка. Так ломаются только менты.

— Открывай! — оттуда раздался приглушённый крик. —
Обыск!

У меня было меньше минуты, пока не начали выносить хлипкую дверь. Но я уже начал делать всё необходимое...

Глава 15

Действовал я быстро, долго не раздумывал. Так действовал бы шпион в этой ситуации.

С

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.